

Алексей
ПОСЕЛЕНОВ

ПОСЛЕДНЕЕ
ЛЕТО

РОМАН
РАССКАЗЫ

Алексей Поселенов

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

РОМАН
•
РАССКАЗЫ

2024

УДК 821.161.1-312.1

ББК 84(2=411.2)6-444

П 61

Поселенов А.Н.

П 61 Последнее лето. Роман, рассказы – М.: ООО «Сам
Полиграфист», 2024. – 300 с.

ISBN 978-5-00227-233-4

«Последнее лето» — сборник произведений Кузбасского прозаика, члена Союза писателей России Алексея Поселенова. В книгу вошли: роман, давший название всей книге, и несколько рассказов, написанных в последние годы.

Возрастное ограничение 16+

УДК 821.161.1-312.1

ББК 84(2=411.2)6-444

ISBN 978-5-00227-233-4

© Поселенов А.Н., 2024

Последнее лето

РОМАН

Часть 1

Глава 1

Это лето началось холодным, неласковым. Ночные возвратные заморозки, несмотря на то, что на дворе был уже июнь, заставляли не просто одеваться теплее, но даже протапливать по утрам печи.

Старик Матвей Заречнев лежал на кровати и смотрел, как за изножем по белой стене ползает муха. Эта часть стены была тыльной стороной печи-трёхходовки, топка и плита которой находились в кухне. Протопленная с утра, печь сохранила ещё остатки тепла и приятно грела ноги старика, мёрзшие в последние годы даже летом. Этим же теплом печь привлекла и муху, наконец неподвижно замершую возле вьюшки.

«Где там ружьё у меня?» — подумал старик и пошарил рукой по полу. Взяв лежавшую у кровати самодельную мухобойку с длинной ручкой, он чуть приподнялся и резко, но аккуратно шлёпнул по мухе, после чего снова положил «ружьё» на пол.

Длинной стороной кровать была приставлена к стене, на которой висел большой войлочный ковёр, расписанный яркими красными маками по тёмно-зелёному полю. Протяжно, с удовольствием, зевнув, Матвей повернул голову и глянул на мерно тикающие часы, висевшие на противоположной стене.

Часы были новые, подаренные ему на день рождения сыном всего неделю назад. В отличие от ходиков с гирями,

висевших в прихожей, эти часы заводить было не нужно, они работали от толстой круглой батарейки. Старик никак не мог привыкнуть к этому, всё смотрел на циферблат и ждал, когда же стрелки остановятся, но те продолжали делать своё дело, отмеряя час за часом.

Сейчас стрелки показывали без десяти три. Полчаса назад старик прилёг после обеда отдохнуть, а пять минут назад проснулся от тихого монотонного говора, доносившегося из прихожей. Один голос принадлежал его жене Клавдии, второй, кажется, был голосом их деревенской почтальонки Ленки Паутовой.

— Я, баба Клава, прям, не знаю, чего и думать. Прям, сердце не на месте у меня, — громким шёпотом говорила Ленка.

— Да чего уж ты так-то? — тоже шептала супруга Матвея. — Чего так убиваешься-то? Сейчас же в этот... в ганистан-то их ведь не шлют больше.

— В Афганистан, — поправила старуху почтальонка.

— Ну да, ну да... в ганистан-то этот... Отслужит, да и придёт. Оно им на пользу только, дисциплина-то эта... Не изводись уж так, не надо.

Ленка тяжело вздохнула:

— Ой не знаю... Так-то оно всё так, да вот всё равно сердце болит. Там ведь и без Афганистанов хватает всякого. Вон... дедовщина эта, да и так... бардак ведь у нас везде, куда ни плюнь, баба Клава.

— Ты, девка, вот чего... — шёпот старухи сделался чуть тише. — Сейчас уж лето на дворе, так ежели тебе совсем немоготу станет, ты на Звониху нашу приди вечером, на речку-то, сядь на бережку и скажи потихоньку: «Матушка быстра река, как смывашь споласкивашь с берегов желты песка, не смывай не споласкивай с берегов желты песка, а смой сполощи с рабы Божией Елены ты плач-плакующую, тоску-тоскущую, сухоту-сухотующую. С белого лица, с ретивого сердца, с лёгкого печня, с крови горячей». Поняла? Тебе легче и станет.

— Ой, баба Клава, я так не запомню. Можно я запишу?

— Ну запиши, запиши...

Через некоторое время, когда Ленка, очевидно, нашла подходящую бумажку и ручку, старуха начала медленно повторять сказанное.

Матвей повернулся на бок и, свесив ноги, сел на кровати. Та недовольно скрипнула под ним железной панцирной сеткой. В дверном проеме показалась голова старухи.

— Не спишь?

— Поспишь тут с вами... — проворчал старик. — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу...»

— Ну ничё, ночью крепче спать будешь. А то днём-то выспишься, будешь потом блукать¹. — Голова Клавдии скрылась.

Матвей снова зевнул, оправил рукой недлинную, но густую бороду и обвёл взглядом комнату. На той стене, где тикали подаренные часы, левее от них висел ещё один ковёр — плюшевый, с оленями, гуляющими среди дубов, ручьём и видневшимся вдали замком на горе. У ковра стояла такая же, как и у Матвея, железная кровать с тремя пухлыми перьевыми разновеликими подушками, пирамидой уложенными одна на другую и застеленными лёгкой полупрозрачной узорчатой накидкой.

У Клавдии была настоящая страсть к перинам, перьевым одеялам и подушкам. Как когда-то, ещё в детстве, засело у неё в голове, что всё это — признак зажиточности и благополучия, так и сидело. И как ни пытался Матвей переубедить свою супругу, говоря, что «перины твои сто лет уж никому не нужны», — ничего не выходило. Каждое лето Клавдия тратила не один день на то, чтоб выбить из перьевых матрасов, одеял да подушек скопившуюся в них за год пыль, прожаривала их под палящим солнцем и снова заботливо стелила на свою кровать, а те, что оказывались не у дел, прятала в большой сундук, аккуратно перекладывая веточками сухой полыни и пижмы.

Около другой стены стоял диван с невысокой спинкой. На нём в солнечном пятне лежал, зажмурившись и вытянув лапы, лохматый сибирский кот Васька. Над диваном было окно с цветастыми сатиновыми занавесочками; рядом в углу

¹ Блукать — бродить, блуждать.

возвышался большой комод с тремя пузатыми выдвигаемыми ящиками. На комоду стояла массивная деревянная шкатулка, украшенная по бокам морскими ракушками, рядом с ней — стеклянная ваза на высокой ножке с клубками шерсти и воткнутыми в них спицами, да небольшой радиоприёмник. Над комодом висело зеркало с побитой временем амальгамой и большая застеклённая рама с множеством фотографий — в основном старых, чёрно-белых, с серьёзными и торжественными лицами, и несколькими цветными, современными, с которых глядели улыбающиеся ребяташки, сидящие на деревянных лошадках или говорящие в игрушечные телефоны.

Второе окно в комнате было в стене, у которой стояла кровать Матвея, как раз между её изголовьем и комодом. Под окном стоял самодельный плетёный стул с вязаным тряпичным половичком на круглой сидухе. Центр комнаты занимал застеленный цветастой клеёнкой массивный круглый стол с резными ножками.

Перешёптывание в прихожей продолжалось.

Поднявшись с кровати, Матвей подошёл к комоду, облокотился на него и взял прислонённую к шкатулке яркую открытку с золотыми тиснёными буквами «С днём рождения!». Повернув её, он прищурился, пытаясь прочесть написанное. Не разобрав мелких букв, выдвинул верхний ящик, взял очки в коричневой пластмассовой оправе, одел их на нос и снова принялся за чтение. «Дорогой папа, поздравляем тебя с восьмидесяти... — тихонько бормотал старик, нахмутив брови. — И не выговоришь сразу чего написано-то. — Он пожевал губами и продолжил: — С восьмидесяти... -трёх... -летием. Желаем тебе всего самого хорошего, мирного неба над головой, крепкого сибирского здоровья, цыганского веселья, счастья и всяческих успехов. Андрей и Татьяна. — Матвей поставил открытку на место и вздохнул: — Какие уж там мои успехи».

Затем повернул ручку радиоприёмника. Из динамика послышался женский голос: «Вчера, третьего июня в подмосковной правительственной резиденции Ново-Огарёво под председательством Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачёва прошло очередное заседание подготовительного

комитета по завершению работы над проектом нового Союзного договора. Участвовали президенты, Председатели Верховных Советов РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении, Азербайджана, автономных республик. В заседании приняли участие Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов...» Повернув ручку обратно, Матвей выключил радио и пошёл в прихожую.

Там по разные стороны стола, стоявшего у окна, друг напротив друга сидели Клавдия и — слух Матвея не подвёл — их деревенская почтальонка Ленка Паутова, молодая крупная розовощёкая деваха. Её почтовая сумка лежала на полу у входной двери.

— Здравствуйте, деда Матвей, — кивнула она старику.

— Здорóво... Принесла нам чего-нибудь?

— Принесла вот... — Ленка показала на лежащие на столе письмо и районную газету «Знамя Ильича», называемую в народе попросту «Знамёнка».

— От кого письмо-то? — поинтересовался Матвей, беря конверт и всматриваясь в обратный адрес.

— От Натальи, — подсказала Клавдия.

— Чего пишут? Валерку-то привезут нынче на каникулы?

— Да я не читала ещё... Видишь, разговариваем.

Матвей положил письмо обратно на стол и снял с вешалки старую, выцветшую на солнце фетровую шляпу с шёлковой лентой по кругу.

— Пойду на улицу схожу. — Толкнув дверь, он вышел в сени.

— Глянь там, у курей-то есть чего или нет. Ежели пусто, так подсыпь комбикорму! — крикнула вслед Клавдия.

Сени были большие, просторные, поделённые надвое дощатой перегородкой. За перегородкой — небольшая кладовка с маленьким окном, множеством полок и шкафчиком; там же и лестница на вышку¹. Одна дверь — высокая и крашенная — вела из сеней на улицу на крыльцо, другая — пониже и попроче — в узкий крытый проход, идущий к стайке, пристроенной прямо к дому.

¹ Вышка — одно из названий чердака.

Открыв большой ларь, обитый по низу от мышей жестью, Матвей зачерпнул лежавшим тут же ковшом комбикорм и пошёл в стайку. Здесь пахло навозом, прошлогодним сеном и овечьей шерстью. Куры, неспешно ходившие по небольшому загону, завидев Матвея с ковшом, с кудахтаньем бросились к нему.

— Ну-у... дикошарые... — пробурчал старик. — С ног сшибить готовы.

Высыпав комбикорм в деревянное корыто, он пошарил руками в куриных гнёздах и, взяв четыре яйца, вышел из стайки. Яйца положил в небольшую плетёную корзинку, стоявшую рядом на лавке, повесил ковш на гвоздь и пошёл дальше в огород.

С одной стороны огород Заречневых имел общий забор с усадьбой Гуменниковых, с другой был неширокий переулочек, ведущий на соседнюю улицу, дальше за переулочком вдоль дороги стояло ещё с десяток домов, и улица заканчивалась.

Выйдя в огород, Матвей оглядел усадьбу. Погода после прохладного мая начинала понемногу выправляться, и солнце днём пригревало совсем уже по-летнему. Цепной кобель Амур лежал возле будки, вытянув лапы и подставив солнцу бок, из которого уже начинал лезть клоками зимний подшёрсток. Заслышав шаги, Амур вскинул голову, но, увидев хозяина, снова положил её на землю и лениво замахал хвостом.

— Ну что? — обратился к собаке Матвей. — Дождался тепла? Косточки свои греешь?

Амур завилял хвостом ещё сильнее, но, как лежал, так и остался лежать, даже лапой не пошевелил. Собаку держали не у крыльца на входе в дом, а здесь, за стайкой, чтобы охранять пчелиные ульи, стоявшие вдоль стены позади дома.

Не спеша подойдя к крайнему улью, старик стал глядеть, как суетятся у летка пчёлы. Удовлетворённо покачав головой, Матвей пошёл дальше. Осмотрел грядки, на которых рядками всходили лук, укроп, брюква, редька и прочие посадки, заглянул — не слишком ли жарко? — под полиэтиленовую плёнку, укрывавшую высокую огуречную гряду, сложенную из навоза, приоткрыл один край побольше. Недовольно поцокал языком, глядя на чёрную пахоту, в которую уже две с лишним недели назад посадили картошку. Хотя и ростки у клубней были

хорошие, и земля к той поре вполне уже прогрелась, но всходов по сей день не было. Видимо, холода, ударившие в конце мая — «на черёмуху» — сильно притормозили рост.

Постояв у картошки, старик пошёл в небольшую сараюшку, служившую ему столяркой. Снял со стены двуручную пилу, прищурился, глянул на зубья, подумал: «Развести да наточить бы не мешало. Валерка приедет, так дров надо будет напилить, а то горбыли с позапрошлого года ещё лежат». Потом заглянул в стоявшие на верстаке жестяные консервные баночки, где хранились рассортированные по размеру гвозди. Взяв один, кривой и ржавый, приложил его к наковальне, тукнул, выпрямляя, пару раз молоточком и бросил обратно в банку.

Выйдя из столярки на свежий воздух, старик сел на стоявший тут же массивный берёзовый чурбак. Снял шляпу, погладил редкие седые волосы, но обратно головной убор надевать пока не стал, давая голове «подышать».

Было совсем тепло и почти безветренно, по небу медленно плыли редкие облачка. Посидев ещё немного, Матвей поднялся и, прихватив корзинку с яйцами да ковш, пошёл обратно в дом.

Почтальонки уже не было.

— Чего вы тут с Ленкой-то шушукались сидели? — спросил Клавдию Матвей.

— Да Женьку-то, жениха её, на службу ноне забрали, а она уж испереживалась вся. Боится...

— Чего боится? Что два года без мужика не выдюжит?

— Тьфу на тебя! Собираешь чего ни попада... За него боится, как бы чего не случилось. Время-то нынче какое...

— Какое ещё время... Когда оно хорошее-то было у нас? Войны нет, и слава богу.

Клавдия ушла на кухню, стала брякать там посудой. Матвей сел к столу, туда, где до этого сидела почтальонка, взял письмо, по-прежнему лежавшее тут же, прищурился на цветастую картинку, нарисованную на конверте.

— Чего пишут-то?

— Возьми да прочитай.

— Да очки брать неохота. Ждать, не ждать их нынче?

— Ждать. Все приехать хотят, на машине.

— Ох ты... — удивился старик. — Как это они надумали? В отпуске все, что ли?

— Ну да... Наталья с июня в отпуск пошла, а Юрий, пишет, и так сам себе хозяин. Когда захочет, тогда и отпуск. Ну и Валерку привезут. Сами уедут потом, а его оставят.

Матвей, вздохнув, положил письмо обратно на стол, посмотрел в окно.

— Когда обещаются-то?

— Пишут, на этих выходных уже, восьмого или девятого.

— А чего им выходные? Сама ж говоришь, что в отпуске.

— Чего меня-то спрашиваешь? Дела, наверное, какие-то ещё есть.

С минуту старик молча смотрел на пустую улицу. По дороге, поднимая пыль и громыхая железным кузовом, проехал самосвал, следом прокатил мальчишка на велосипеде, пыль улеглась, и опять никого, пусто. Где-то взлаяла собака, но тут же умолкла. Низкая, корявая берёза, росшая на углу усадьбы, слегка покачивала ветками под слабым ветерком. Зелень на деревьях была ещё яркая, сочная, не огрубевшая — смотришь, и глаз радуется, и на душе светлее делается.

Матвей повернулся к жене:

— А я вот чего не пойму никак: как это у них сейчас — сам себе хозяин? Как они сейчас так работают-то? Это под вид, как артели раньше были, так, что ли?

— Да я почём знаю? Не артели они называются, а эти, как их... операторы или кто там...

— Не операторы, а кооператоры.

— Ну а я чего говорю? Операторы...

Матвей недовольно поморщился, но спорить с женой не стал.

— Ты курям-то дал? — спросила старуха.

— Дал. Ковшик комбикорма высыпал, хватит им пока. Пусть, вон, траву уже щиплют. А то на них не напасёшься.

Клавдия вышла с кухни:

— Пойду полежу маленько, а то голова чего-то гудит у меня сегодня с утра. — Уйдя в комнату, она, кряхтя и охая, улеглась на диван.

Старик посидел ещё немного у окна, повертел в руках газету, рассматривая картинки и читая заголовки, потом встал и пошёл в сени, в кладовку.

В кладовой у Матвея стоял шкафчик с рыболовным скарбом. Старик любил рыбалку. Рыбачил он всегда, сколько себя помнил, с самого сызмальства. Бывало, и сети кидал на большой воде, и с бреднем ходил, и верши ставил по речкам, но больше всего любил потаскать рыбку на удочку. Конечно же, он всегда был рад хорошему улову, но в последние годы стал больше радоваться возможности просто посидеть на берегу у воды. Словно душой он отдыхал в эти моменты. Мысли разные в голову приходили, вспоминалась ему вся жизнь его, особенно молодые годы и даже детство; бывало, всплывали в памяти какие-то давно забытые события, люди, с кем сводила его судьба, и делалось ему от этих воспоминаний то грустно, то весело. И не столько за рыбой он уже ходил на рыбалку, сколько за этими вот мыслями, за тишиной, за покоем.

Открыв шкафчик, Матвей стал рассматривать его содержимое. Взгляд старика упал на пару складных бамбуковых удилиц — подарок от Бориса, старшего сына, единственного из детей, кто перенял страсть отца к рыбалке. Борис жил сейчас далеко, в небольшом городке в соседней области, и в родную деревню к родителям приезжал редко, последний раз был уже лет десять тому назад. А вот Матвей сына время от времени навещал, ездил к нему на поезде, старался раз в три-четыре года проведывать. Тем более места, где жил Борис, были богаты рыбой, и сын возил отца по многочисленным речкам, озёрам, где оба отводили душу.

Второй сын Матвея и Клавдии Андрей, живший с родителями в одной деревне, на рыбную ловлю смотрел без энтузиазма. Это занятие могло вызвать в нём интерес только лишь как повод выпить с мужиками на природе. А так, чтоб за рыбой, — нет, это было не его.

Ну и вот внук Валерка — младший сын дочери Натальи. Жили они не очень далеко, в городе, который был примерно в полтора-два километра от их деревни. Валерку вот уже шесть лет, начиная с третьего класса, каждое лето привозили на каникулы к деду с бабой. За эти годы внук и сделался Матвеем главным компаньоном по рыбной ловле.

Старик вынул из шкафа удочки, осмотрел их со всех сторон, погладил рукой, сметая пыль, скопившуюся за зиму, и отставил в сторону. Следом был извлечён небольшой деревянный ящичек, в котором лежала разная рыбацкая мелочёвка: тонкая свинцовая пластинка для грузил, моток лески на пластмассовой бобине, крючки в бумажном кулёчке, карабинчики, несколько разнокалиберных поплавков: фабричных пластмассовых, самодельных из гусиных перьев, покрашенных наполовину красным лаком для ногтей, и винных пробок с воткнутой по центру спичкой.

Матвей внимательно всё рассматривал, аккуратно перекладывая с места на место. Намотав на кулак, потянул леску, пробуя на прочность, — вроде держит. Потянул сильнее — нет, порвалась. Подумал: «Ничего, карася выдюжит, да и Валерка обещался в этом году новую привезти». Просмотрев всё своё рыболовное снаряжение, старик сложил его обратно в шкаф.

Но главной рыбацкой ценностью у Матвея была двухместная надувная резиновая лодка. Он выписал её по почте лет десять тому назад и берёт с тех пор как зеницу ока. После каждой рыбалки тщательно сушил, протирал тряпочкой швы, чтоб не дай бог не загнили, не заперли. Зимой хранил лодку в расправленном виде под своей кроватью, время от времени подкачивал, проверял, всё ли в порядке, нет ли заломов. Лодка и сейчас ещё лежала там. Однако в последние годы старик стал опасаться рыбачить с лодки один, да и тащить три с лишним километра до озера шестнадцатикилограммовый мешок было уже тяжело. «Вот Валерка приедет, тогда и с лодки порыбачим, а пока так, на бережку посидеть можно, — подумал Матвей, закрывая шкафчик и твёрдо решив, что если погода не испортится, то сходит послезавтра, в четверг, на рыбалку на Звонихинский пруд. — Может, и поклюёт, а нет, так хоть у воды побуду».

Часов в семь поужинали и вышли за ограду ждать из стада корову с овечками. Клавдия села на вкопанную у калитки лавку, а Матвей остался стоять, облокотившись на штакетник. Солнце садилось как раз туда, откуда вечерами возвращалось в деревню стадо. Прикрыв ладонью глаза, старик посмотрел в конец дороги, но никого ещё не было видно.

Из дома напротив вышла встречать свою трёхгодовалую корову Зина Суслова — одинокая семидесятилетняя сухонькая старушка. Увидев соседей, махнула Заречневым рукой:

— Здорово живём!

— Милости просим, Семёновна! — махнула в ответ Клавдия. — Иди к нам, посидим.

Соседка, держась одной рукой за поясницу, перешла через дорогу и села рядом с Клавдией:

— Ну давай посидим, пока нет коровушек наших. А то за день натопталась я чего-то, поясница с ногами, прям, отваливаются.

— Кого делала-то? — поинтересовалась Клавдия.

— Так кого... Мало ли... Дела найдутся. Дом не велик, а лежать не велит. Не зря говорят же.

— Это да, летом-то сидеть некогда.

— Так, хоть и зимой! Печку истопи, снег почисти, скотину накорми. Только что огорода нету.

— Ага... — соглашалась Клавдия, кивая головой. — А у меня сегодня голова чего-то весь день гудит да кру́гом идёт. Не знаю с чего. Давленье, наверное, опять подскочило.

— Ну чего там, Матвей, не видать? — глянула на старика соседка. — Не идут ещё?

Тот снова приложил ладонь ко лбу, закрывая глаза от солнца:

— Нету, чего-то припаздывают сегодня.

— Зря ноне Стёпку Устьянцева в пастухи взяли, ненадёжный он. — Зина сняла с головы сбившийся платок, расправила его и, пригладив волосы, повязала заново. Пожаловалась: — Волос-то уж ничё не остаётся. А раньше-то, ох и косища у меня была! Загляденье, а не коса. А сейчас...

— На что она тебе сейчас, коса-то? — усмехнулся Матвей. — Парней завлекать? Так им, кроме волос, ещё кой-чего надо.

— Да какие уж парни в мои годы, — тоже усмехнувшись, махнула рукой соседка. — Мои парни все закончились. Так, ежели только старичка какого завалящего заманить. А то одной-то уж шибко тяжело управляться становится.

— Так, может, к сыну тебе? Он же у тебя в казённой квартире живёт, с удобствами, — посоветовала Клавдия. — Не зовёт?

— Ой, нет, Клавушка... Они там и так вчетвером в двух комнатах живут, да я ещё припруся. Мешать только? Нет, лучше уж старичка.

Все тихонько засмеялись.

— Так что, ежели есть кто у вас на примете, давайте, засылайте сватов. Сразу согласная! — захохотала пуще прежнего Зина, но осеклась, остановила себя. — Ой, господи прости... Расхохоталась не к добру, видать. Совсем бабка из ума выжила под старость-то лет.

Справа неслышно подошёл Фёдор Гуменников. В соседях с Заречневыми они жили давно, считай, уж лет сорок, с тех пор как в начале пятидесятых собственноручно поставили себе на этом месте дома. Фёдор был на десяток лет помоложе Матвея, долговязый, с годами ссутулившийся и сделавшийся совсем лысым, с длинными жилистыми руками, и с длинным же, вислым носом. При разговоре он слегка подшепелявливал, говорил, что с войны это у него осталось, после ранения.

— Чего хохочем? — спросил Фёдор. У него получилось «Цего хохочем?»

— Ой... здорово, Фёдор, — утирая глаза краем платка, кивнула ему Зина. — Нам уж сейчас палец покажи, так хохотать будем. Ума-то совсем не стало.

— Ладно наговаривать-то на себя. — Фёдор вынул из кармана мятых брюк пачку сигарет, но на него сразу недовольно покосились.

— Курить, что ли, собрался? — нахмурилась Клавдия. — Иди, вон, к себе, там и кури, а на нас нечего дымить. Табакур.

— Ладно, не ругайтесь. — Сосед спрятал сигареты обратно. — Я машинально (вышло «масынально»). Не видать ещё стадо-то?

— Придут, никуда не денутся.

Зина глянула на Фёдора:

— Чего курить-то никак не бросишь? Не накурился за жизнь ещё, что ли? Усы-то, вон, жёлтые все.

— Да они у меня всегда такие были.

— Как это — завсегда? Растут, что ли, они у тебя уже жёлтые? Не курил бы, так и нормальные бы сделались.

— Так вот не могу сразу эту никак бросить, понимаешь (понимаес). Тянет. Да кого уж тут бросать-то? Восьмой десяток шпарит, всё одно помирать скоро. Да я раньше-то махру ведь только курил, а она не такая вредная, как покупной-то табак. Это вот... лет пять только на сигареты-то перешёл. Удобнее с ними: достал и кури сразу, крутить ничего не надо.

— Это кто же тебе такое сказал, что махорка не такая вредная? — усмехнулся Матвей. — Кто ей торгует, однако?

— Да нет. Так, слышал где-то. Дескать, чище она, здоровее, а покупной химией ещё какой-то обрабатывают. Не знаю.

— Да ну, глупости, — возразила Клавдия.

На какое-то время умолкли.

— Да, чего сказать-то ещё хотел! — вдруг снова оживился Фёдор.

Все посмотрели на него.

— Говорят, Ленинград-то теперь по-новому звать будут.

— Как это, по-новому? — не понял Матвей.

— А вот так! На попятную переименовывают, в этот, как его... в Петербург. Санкт-Петербург. Дескать, как при Петре-то ещё было. При Первом. Выходит, тогда не по-новому, а наоборот — по-старому, — он тихонько засмеялся. — Во как!

— Да ну... Выдумываешь чего ни попада, — недоверчиво махнула рукой Клавдия. — Какой ещё... бург...

— Ничего я не выдумываю, — обиженно нахмурил брови Фёдор. — Райка моя сегодня в магазине слыхала. В газете, говорят, прописывали, да и по телевизору говорили. И это ещё... Японцы, говорят, острова назад себе требуют. На Дальнем Востоке.

— Какие острова? — глянула на него снизу-вверх Зина.

— Курильские.

— Ну и чего?

— Как это чего? Острова-то наши после войны стали.

— Ой... — соседка поморщилась. — А тебе велика забота? Пущай у кого надо голова и болит об островах этих. Нам-то чего?

— Здрасьте пожалуйста! — Фёдор сердито взмахнул руками. — Я там три пальца на левой ноге оставил, когда с япошками (с япосками) этими воевал! Я там контуженый был, чуть не пол-языка потерял, а ты — чего нам острова эти?! Ежели так рассуждать, так знаешь, что будет! Охотников много найдётся чего у нас оттяпать!

— Чего разошёлся-то? — нахмурившись, мотнула головой Зина. — Я так только сказала.

— Сказала она...

Снова замолчали.

— В церкву-то не ходили нонче? — спросила Зина Клавдию после некоторой паузы.

— Нет, — отрицательно покачала та головой, — не ходили. Ты-то была?

— Да нет, в это воскресенье тоже не была. В то воскресенье, на Троицу, ходила, но так мы с тобой тогда вместе были, а нонче Нина Луцик была, сказывала, народу много пришло, человек пятнадцать. Петров пост ведь со вчерашнего-то дня начался. Вы-то поститесь?

— Ой, матушка... — неопределённо махнула рукой Клавдия. — Стараемся, да не всегда выходит. Желудок иной раз так сведёт...

— Ничего, это для Господа. Матвей, — глянула на соседа Зина, — а ты-то пошто в церкву ходить перестал? Даже на Троицу не был.

— Ой! — Клавдия недовольно поёрзала на лавке. — Я ж тебе не сказывала, ты не знаешь... На батюшку он у нас осерчал.

— Ну вот ещё... — сердито посмотрел на жену Матвей. — Делать мне больше нечего, как серчать на него. Ерунду какую-то городишь.

— Ну а что, не так, что ли? Полез тогда с вопросами своими, вечно ему больше всех надо. Вот отец Евгений-то и говорит, мол, высокоумием грешен, покаяться бы надо, а этот и психанул.

Матвей сердито помотал головой:

— Ваш отец Евгений сам ничего не понимает. Высокоумие какое-то выдумал. Сам сказать толком не может, вот и придумывает.

— А чего спрашивал-то? — Зина, прикрыв глаза ладонью от низкого солнца, снова посмотрела снизу-вверх на соседа. — Чего тебе не поглянулось?

— Да после службы-то, как проповедь батюшка стал читать... — начала было Клавдия.

— Во-он они, — перебил её Фёдор, глядя вдаль, — идут.

— Кто? — не поняла его Зина.

— Коровы, кто ещё.

— Тьфу ты... Я уж подумала, отец Евгений откуда-то идёт. — Она поднялась с лавки, закричала, заохала, снова сзватилась за поясицу и, прищутив глаза, тоже стала смотреть в конец улицы. — Ага, идут, кажись.

Вдалеке, вытянувшись вдоль дороги и поднимая за собой клубы пыли, не спеша шло стадо. Стало слышно натужное мычание коров, бляение овец и коз, короткие окрики пастуха.

Клавдия тоже встала, подошла к дороге:

— Ох, матушки вы наши. Чего-то долго их сегодня Степан не гнал.

— Да чего ему... Как проспался, так и погнал. Ну ладно, пошла я к себе тогда, — и Зина заковыляла через дорогу.

— Давай, ступай с богом, — махнула вслед ей рукой Клавдия.

— Ну и я тогда пойду, — кивнул Заречным Фёдор, но, приостановившись, спросил Матвея: — Ты на рыбалку-то нынче не ходил ещё?

— Да нет. Послезавтра, в четверг, хочу на пруд сбегать.

— На Звонихинский?

— Ну.

— А-а... Я бы тоже сбегал, да в четверг не могу, уголь поеду выписывать в райцентр.

— Рано ты чего-то нынче, лето только началось.

— Да, думаю, лучше сейчас, а то к осени народу у них всегда больше бывает. Сегодня утром, кстати, Саню Саенко видел, говорит, в пятницу на Звонихинском пруду был.

— Ну и чего?

— Говорит, карасей натаскал чуть не полный садок.

— Ага, он наговорит, Саня этот... — скептически покачал головой Матвей. — Соврёт, недорого возьмёт.

— Ну, не знаю... Может, и врёт, конечно. А я вот хочу в Колбиху махнуть как-нибудь, да не́ на чем пока. Искать надо, к кому б в попутчики напроситься, кто из мужиков туда ездит.

— Вон, Вовка Зорин, говорят, любитель на тамошнем пруду порыбачить. — Матвей неопределённо мотнул головой в сторону. — У него мотоцикл с коляской.

— Это учитель который? Я-то не шибко с ним знаком.

— Ну или с геологами напросись. У них, вроде бы, через Колбиху нынче буровиков на вахту возят, куда-то ажно под Петенёвку.

— Да? — Фёдор удивлённо поднял брови. — Не слышал. Ладно, может, с ними как-нибудь напрошусь.

Пока говорили о рыбалке, подошло стадо.

— Ну, бывай! — кивнул Гуменников. — Пошёл я, а то уж, вон, бык наш идёт. — И протянув кусок хлеба подошедшему годовалому бычку, он зашагал к своей ограде.

От устало бредущего, пахнущего травой и парным молоком стада, отделилась белая, в крупных бурых пятнах, корова-восьмилетка и направилась к дому Заречневых.

— Дочка, Доченька ты моя, — ласково позвала её Клавдия, — кормилица ты наша.

Вперёд коровы с бляением суетливо выскочили три овечки: две чёрных, одна белая.

— Масеньки мои, ну идёмте, идёмте... — Достав из кармана тужурки¹ несколько маленьких кусочков хлеба, хозяйка сунула их овцам, ласково потрепала каждую по шее. — Стричь уже вас пора, а то жарко вам. Слышь, старик, надо бы уже подстричь овечек-то, холодов-то, поди, уж не будет больше.

— В пятницу, бог даст, подстрижём. — Матвей открыл калитку в неширокий проход, ведущий с улицы в стайку.

Овечки, беспрестанно бляя, одна за другой быстро заскочили в него; следом, размеренно переваливаясь из стороны в сторону, прошла корова.

— Кого там Фёдор про рыбалку-то говорил? Ты опять, что ли, куда собрался?

¹ Тужурка — повседневная короткая верхняя одежда, вариант куртки.

— Почему — опять? Первый раз нынче. Сбегаю в четверг на пруд, посижу маленько.

— Да сиди уж дома, бегальщик... Какие рыбалки тебе, девятый десяток идёт, а всё не нарыбачился.

— Иди давай, корову дои, — пробормотал старик, закрывая калитку.

Глава 2

В четверг утром, ближе к семи часам, сразу после того как отправили в стадо корову с овцами, Матвей собрался на Звонихинский пруд. Наскоро перекусив, он положил в рюкзак бутылку парного молока и полиэтиленовый мешочек с несколькими кусками хлеба, шматком солёного сала, парой варёных яиц да зелёными стрелками лука-батун.

— Где там сумка-то моя? — спросил старик Клавдию, присев на табуретку у двери.

— Какая сумка? — не поняла старуха.

— Ну... та...

— Какая? — Клавдия свела брови, но потом, видимо, сообразив, о чём речь, коротко ругнулась: — Подь ты к лешему... Опять домой потащишь заразу всякую?

Дед, ничего не говоря, исподлобья глянул на жену. Та что-то пробормотала одними губами, вышла в сени и вернулась с тряпочной сумкой, сшитой из разномастных лоскутов, сунула её старику:

— На.

Дед молча свернул сумку, положил её в накладной карман рюкзака и поднялся.

— Ладно, пошёл я. К обеду, бог даст, вернусь, — сказал он Клавдии и вышел из избы.

До пруда было чуть более трёх километров. Пройдя до конца улицу, надо было свернуть к согре¹, там перейти вброд небольшой ручей, потом с километр по наезженной дороге,

¹ Согре — заболоченная кочковатая местность, поросшая кустарником или мелким угнетённым лесом.

и дальше через поросший березником бугор, за которым внизу и был пруд.

Матвей обычно проходил это расстояние примерно за час. Можно было, конечно, и быстрее, но по дороге он по несколько раз останавливался, чтобы отдышаться, перевести дыхание, и на это уходило время.

Вскоре после войны Звони́ху перегородили дамбой, и получился не слишком большой по размерам, но довольно глубокий водоём. Задумывали его как поливочный, поэтому специально зарыблять не стали, но со временем там сам собой расплодился карась. Лет пятнадцать назад совхоз решил было запустить и карпа, попробовать, так сказать, себя в рыбоводческом деле, но местные мужики, несмотря на строгие запреты и угрозы наказания, довольно быстро повытаскивали рыбин сетями, и больше экспериментировать с этим делом не стали. С тех пор водоём жил своей жизнью.

У Матвея на пруду, сразу под косогором, ближе к дамбе, было излюбленное место — удобная полянка с пологим подходом к воде. Тут было не слишком глубоко и не слишком мелко. По правую руку рос большой, раскидистый куст тальника, по левую — рогоз. На машине сюда подъехать было нельзя, поэтому заезжие рыбаки тут не останавливались, а местные мужики на этот пятачок тоже почти не ходили, привыкнув к тому, что здесь чаще всего сидит с удочками Матвей. Некоторые так и называли эту полянку — «Матвеево место».

Когда старик пришёл на берег, солнце поднялось уже довольно высоко. Было тихо, лишь за спиной, в березнике, трещали дрозды да насвистывали пеночки. Свежая поросль рогоза только-только набирала силу, и сухие, островерхие прошлогодние стебли торчали поверх молодых зелёных побегов.

Каждый год, приходя на первую после зимы рыбалку, Матвей чувствовал волнение. С одной стороны, ему хотелось поскорее забросить в воду снасти — как-никак, а всю зиму ждал! — но, с другой, он сдерживал себя, оттягивая этот момент, чтобы сильнее прочувствовать его, запомнить, успокаивал себя, говорил, что рыбалка, дескать, никуда не денется, всё лето ещё впереди, так что...

Сняв со спины рюкзак, Матвей положил на траву удочки и подошёл к тальниковому кусту. В прошлом году осенью он закатил сюда под ветки сосновый чурбак, который уже несколько лет служил ему стулом. Чурбак был на месте, и старик, стряхнув с него налипший мусор, выкатил его обратно на полянку и поставил под солнце — обсыхать.

Не спеша собрав одно удилище, Матвей аккуратно размотал с мотовила собранную снасть — леску с гусиным пером-поплавком, грузилом и крючком — и прикрепил её к кончику удочки. Не одевая на крючок червя, закинул в воду, проверяя глубину, и только тут заметил, что прошлогодних тычек, на которые он клал удочки, на месте нет — наверное, весной их утащил лёд. Матвей достал из рюкзака складной нож, вырезал из тальника рогатинки, вошёл, насколько позволили сапоги, в воду и крепко воткнул новые подставки для удилищ в илистое дно. Вышел, посмотрел — не понравилось. Опять зашёл в воду, выдернул тычки из вязкого ила, воткнул заново. Повертел головой — вроде, нормально.

Собрав второе удилище, Матвей ещё раз промерил глубину, насадил на крючки червей и, пробормотав себе под нос: «Господи благослови», закинул снасти в воду. Положив удилища на подставки, он достал полиэтиленовый мешочек с пшённой кашей, сваренной им вчера на прикорм, и, ухватив кашу в горсть, бросил комок к одному поплавку, затем к другому и только после этого, вымыв руки, сел на сосновый чурбак — ждать.

Солнце хоть и поднялось высоко, однако воздух как следует прогреться ещё не успел. От воды тянуло холодной сыростью, и Матвей, поёжившись, поднял воротник брезентовой куртки. Почувствовав голод, он расстелил на влажную от росы траву старый номер «Знамёнки», достал из рюкзака мешочек с едой и выложил его содержимое на газету. Отрезал несколько кусочков сала, почистил яйца и стал с аппетитом есть, макая стрелки батуна в соль и одновременно приглядывая за неподвижно стоявшими поплавками.

Утолив голод, старик прибрал остатки еды обратно в рюкзак, вынул поочередно из воды удочки, проверил, на месте ли насадка, и забросил заново.

— Ну давайте... — тихонько сказал Матвей, снова усаживаясь на сосновый чурбан и отряхивая с бороды застрявшие в ней крошки. — Я позавтракал, сейчас вы завтракайте.

На этот раз долго сидеть на месте не пришлось. Поплавок, стоявший ближе к рогозу, дёрнулся раз, другой и как-то несмело пошёл в сторону, медленно погружаясь в воду. Старик, хоть и ждал этого момента, но всё же несколько растерялся. Вскочив на ноги, он быстро схватил удилище и резко подсёк. Леска натянулась, пошла к траве, но сопротивление было недолгим, и Матвей быстро вытащил из воды серебристого карасика размером с ладошку. Пытаясь освободиться от крючка, рыбка била хвостом, прыгала на траве, но старик аккуратно накрыл её ладонью.

— Тихо, тихо, — пробормотал он. Сердце у него радостно колотилось. — Тихо. Ты уж извиняй, но поймал я тебя, так что...

Сняв карася с крючка, старик вынул из рюкзака садок и положил в него рыбку. Опустив ячеистую корзину в воду, он сел на чурку и облегчённо вздохнул:

— Ну, слава тебе господи, хоть обрыбился. Не зря пришёл.

Насадив на крючок свежего червя, Матвей опять забросил удочку. Минут через пять снова клюнуло и он вытащил второго карася, чуть крупнее первого, затем ещё одного, и ещё... Потом подбросил новую порцию прикормки. Настроение у него улучшилось.

Вскоре потеплело и старик даже расстегнул куртку. Через некоторое время с воды подул лёгкий ветерок и по поверхности пруда пошла мелкая морщинистая рябь. Поплавки, доселе ровно стоявшие красными маячками, стали подпрыгивать на волнах. Впрочем, поклёвки, которые стали более-менее регулярными, были хорошо видны и на ряби. Глаза только сильнее уставали следить за поплавками, да ещё стали слепить солнечные блики на воде.

Ещё часа через полтора Матвей достал садок и стал считать пойманных рыбёшек: «Один, два, три, четыре...» Караси прыгали, и старик сбился со счёта, но выходило десятка

полтора. «Ну и слава богу, — удовлетворённо подумал он. — Тут нам со старухой на две хороших жарёхи хватит».

Положив садок обратно под берег, старик вынул из воды удочки, разобрал их и смотал оснастку на мотовила. Потом достал захваченную из дома тряпочную сумку и, оставив рюкзак с удилищами лежать прямо на полянке, пошёл вдоль берега, вглядываясь в прибрежную траву. Метров через десять Матвей заметил валяющуюся в осоке пустую банку из-под рыбных консервов. Ополоснув жестянку в воде и стряхнув с неё капли, он сунул находку в сумку и пошёл дальше. Пройдя вдоль берега до дамбы, старик подобрал ещё три таких же банки и две бутылки из-под водки, после чего вернулся к своему месту. В другую сторону он не пошёл. Туго свернув сумку, он сунул её на дно рюкзака и вытащил из воды садок с карасями.

Сзади слышались приглушённые травой шаги. Матвей обернулся. По тропинке, идущей вдоль берега, приближался мужчина в спортивном костюме и яркой болоньевой куртке, на вид лет сорок, явно неместный.

— Ух ты! Неплохой улов! — воскликнул мужчина, увидев садок, и улыбнулся. — Здравствуйте!

— Здорово живём, — кивнул в ответ Матвей.

— Это вы за утро уже столько наловили? — спросил незнакомец, останавливаясь у тальникового куста.

— За утро, — с неохотой ответил старик.

Он не любил, когда заезжие рыбаки лезли с расспросами, начинали выяснять чего да как: на что ловишь, как тут вообще с клёвом, какая рыба водится... Но незнакомец не стал спрашивать про рыбалку, он словно бы и не заметил не приветливости Матвея.

— А я ничего толком так и не поймал, хотя и с ночёвкой был. Ни вчера вечером, ни сегодня утром. Двух штук всего вытащил. Никак не хочет у меня клевать. Плещется рыба, а брать не берёт. Хотя, если честно, то я и не рыбак вовсе, — усмехнулся мужчина, — так... В отпуске, вот и захотелось немного на природе отдохнуть, дай, думаю, на рыбалку съезжу, а то сто лет уже удочку в руках не держал. Вчера к вечеру приехал, там вон остановился, — он махнул рукой в сторону. — Сейчас уж обратно скоро ехать, решил по берегу немного прогуляться. Хорошо тут у вас, красиво, тихо...

Матвей искоса глянул на словоохотливого незнакомца. Ему понравилось, что тот не стал строить из себя бывалого рыбака.

— Меня, кстати, Григорием зовут, — представился мужчина.

— Угу, — кивнул Матвей, но сам себя называть не стал: ни к чему это при таком шапочном знакомстве.

— Вы уже, наверное, уходите? — спросил Григорий.

— Да, пора уже, — кивнул старик.

— Ну ладно, я тогда тоже пойду. Приятно было познакомиться. — И мужчина, повернувшись, не спеша пошёл обратно вдоль берега.

Когда он отошёл метров на десять, старик окрикнул его:

— Эй, мил человек!

— Да? — повернулся тот.

— Иди-ка сюда.

Мужчина вернулся.

— Что?

— У тебя семья-то есть? Жена, дети...

— Есть. И жена, и дети. Двое.

Матвей вывалил из садка на берег трепыхающихся карасей, вынул из рюкзака целлофановый мешочек и протянул его Григорию:

— Держи. Бери рыбу, угостишь своих дома.

— Да ну, бросьте... — Мужчина отрицательно замотал головой. — Не надо, зачем... Я там поймал две штуки, мне хватит.

Матвей положил мешочек на траву рядом с карасями, сунул пустой садок в рюкзак, закинул его на спину и поднял с земли удочки. Повторил твёрдо:

— Бери, говорю. Я себе ещё наловлю. — И, не оборачиваясь более, пошёл размеренным шагом в гору.

— Извините, не знаю, как вас по имени-отчеству... Не надо, зря вы это! — крикнул мужчина вслед Матвею, потом пожал плечами и произнёс тише: — Ну ладно... Спасибо большое.

Поднявшись на бугор, старик запыхался и остановился немного передохнуть. Оглянулся назад. Сквозь листву деревьев, за белыми стволами берёз было видно, как внизу,

под косогором, играет солнечными зайчиками вода. Поднялся ветерок, и березник шумел над Матвеем. Где-то совсем рядом закуковала кукушка.

— Ну-ка, ну-ка... — Старик поднял голову. — Сколько мне там ещё осталось? — И стал считать про себя: «Один, два, три...». Насчитал шестнадцать. Усмехнувшись, проронил: — Не ври, хлопуша...

Стало совсем жарко, и он, сняв брезентовую куртку и перекинув её через свободную руку, зашагал домой.

— Ну как, отвёл душу? — встретила мужа Клавдия. Она сидела на крыльце и зашивала дырку в прохудившихся чулках. — Наловил чего? Где рыба-то?

— Плавает рыба, — ответил Матвей, прислонив удочки к забору и садясь рядом с женой на крыльцо.

— Где плавает? — не поняла старуха.

— Где-где... В пруду, где ещё...

— Вообще, что ли, ничего не поймал?

— Не клевало. — Старик снял резиновые сапоги с упревших ног, стянул носки и с удовольствием пошевелил белыми босыми ступнями, подставляя их солнцу.

— Вот делать-то тебе нечего. Болтаешься на рыбалку свою, как мальчонка малый. И охота ведь в такую даль пёхом топтать!

— У воды побыл и ладно.

Посидели какое-то время молча.

— Андрей заезжал сегодня. С час назад, — сказала Клавдия, перекусывая зубами нитку.

— На чём?

— На мотоцикле.

— Трезвый?

— Вроде трезвый.

— Так просто или чего надо было? — Матвей снова надел носки и встал.

— Так просто. Чаю попил и всё. Сказала ему, что Наталья сушили на выходных все приехать.

— Понятно...

— Иди в избу, сейчас приду, обедать будем.

— Да рано, поди, ещё... Сколько там?

— Так два уж доходит, ничего не рано. Пока разогрею, вот оно и будет...

После обеда Матвей, взяв сумку с консервными банками и бутылками, принесенными с пруда, пошёл в огород. Вывалив возле столярки содержимое на землю, он встал на колени и начал молотком на берёзовой чурке плющить банки в жестяные блины.

— Здорово, Иваныч! — послышался вдруг голос.

Матвей вздрогнул и обернулся. Из-за забора, вдоль которого густо росла малина, выглядывала голова Фёдора Гуменникова.

— Тьфу ты... Испугал. Здорово, Лукич. Ты, как партизан, вечно подкрадываешься.

— А я думаю, чего колотишься? На рыбалке был?

— Был.

— Ну и как?

Матвей, расплющив в лепёшку последнюю банку, поднялся с колен.

— Нормально.

— Клюёт, хоть? Много наловил?

— Десятка полтора выудил. — Собрав жестяные лепёшки, Матвей сложил их в большой полиэтиленовый мешок, стоявший между забором и столяркой. — Ты-то уголь заказал?

— Заказал... Больше часа в очереди просидел! Курвы, понимаешь... Сидят две клуши, в час по чайной ложке шевелятся. Приехал, пять человек всего передо мной было, думал, по-быстрому сейчас... Ага, куда там... У них по-быстрому не бывает.

— Понятно... — протянул Матвей, ставя ровнее мешок, норовивший всё время завалиться набок.

— Ты всё банки эти таскаешь? Не надоело тебе?

— Тебе-то чего? — Старик наконец подsunул под непослушный мешок небольшую деревянную чурочку, и тот обрёл равновесие, потом сложил бутылки в деревянный ящик, стоявший тут же.

— Делать тебе нечего, — усмехнулся сосед. — Сколько уж лет таскаешь их, а толку? Бутылки-то хоть сдать можно, всё копейка, а банки чего?

— Ты чего хотел-то? — глянул на Фёдора Матвей. — Про банки у меня узнать?

— Да таскай на здоровье, не жалко, только толку-то нету от этого.

— А какой тебе толк нужен? — Матвей сел на берёзовый чурбак, на котором только что колотил молотком по банкам, снял шляпу и вытер рукавом вспотевший лоб.

— Мне-то? А надо по-другому всё это решать.

— И как, по-твоему?

— А вот расстрелять парочку-другую, кто так пакостит, и тогда порядок будет.

— Ну ты даёшь, Лукич! За банки, что ли, расстрелять?

Сосед энергично мотнул головой.

— Да не в банках же дело, Иваныч! Банка что? Ерунда! — загорячился Фёдор. — Надо же в суть глядеть, в корень! По-твоему, он просто банку бросил и всё? Нет, Иваныч, он этим самым наплевал на тех, кто тут после него сидеть будет! Вот так вот!

— Да брось... Никто так и не думает.

— А вот пусть думают! Не один на земле живёшь! И вот тех курв, которые в очереди людей часами маринуют, туда же. Вот тогда будет порядок! Я тебе, знаешь, что скажу... Меня прошлый год — по осени уж дело было — мужик один знакомый позвал на охоту с ним съездить.

— Ты же, вроде, не охотник, — удивился Матвей. — У тебя и ружья нету.

— Да я с ним так, за компанию. Они там на озере уток стреляли, а я по речке с удочкой ходил, чебачков потаскал маленько. Ну так вот... Приехали, а там, видать, как раз перед нами кто-то был уже. Охотнички, ядрёна вошь... И, веришь-нет, по берегу на кустах, на ветках полно горлышек бутылочных, и стеклá битого на земле навалом. Напились, похоже, и стали по бутылкам палить. На ветку насадят и палят. Так вот это как, по-твоему, называется? Он просто бутылку разбил или нет?

— Ну это, конечно, свинство уже, — согласился Матвей.

— Нет, брат, это хуже... Свинья-то сроду так не сделает! Это хуже свиньи, это и не человек уже. А ежели он не человек, так чего с ним тогда церемониться? У него от человека только две руки, две ноги да башка, в которой ни мозгов, ни хрена

нету. Человек, это ежели соображает, а так... — Фёдор сердито махнул рукой. — Я таких видал-перевидал, ему и не растолкуешь ничего, бесполезно, таких только на страхе держать остаётся, тогда он, может, побоится пакостить. Вот я и говорю: одного-двух расстрелять к чертям собачьим, другие, глядишь, и задумаются. А иначе ты вот будешь банки эти свои таскать да бутылки, а толку никакого. Как пакостили, так и будут пакостить.

— Ну ты всё равно чего-то шибко уж круто загнул — расстрелять. Выпороть ремнём хорошенько, прилюдно чтоб, да и всё.

— Не-а, не поможет, — сосед отрицательно помотал головой. — Ерунда это, пороть надо было раньше, а когда уж вымахал, так поздно. Да и не побоятся они ремня твоего.

— Ну а представь, Лукич, что, к примеру, Васька твой бутылку где-нибудь вот так разобьёт, и его стрелять станут. Ты чего тогда скажешь? — спросил Матвей соседа о его сыне, давно жившем с семьёй в городе.

— Мой Васька сроду так не пакостил, чего ты собираешь?! — нахмурился Фёдор. — Так и я ж тебе говорю, что не просто бутылку разбил, случайно, а когда вот так, нарочно, вдребезги. Или банки вот эти... — Фёдор кивнул на полиэтиленовый мешок с жестяными кружляшками. — Случайно, что ли, кто-то их обронил? Да нет, наелся и — в сторону, в кусты! Пусть валяется. Ты говоришь, Васька... Да если б он так бутылок набил, я б его первый! Как Тарас Бульба...

— Ну! Сравнил... Тот-то своего не за бутылку разбитую.

— А какая разница? Вот ты Матвей чего-то не понимаешь, по-моему. А ну как ребятишки купаться сунуться, да поизрежуются все? А? В траве-то ведь не видать ни черта. Это же заражение крови может быть, а там и помереть недолго!

Матвей ничего не ответил. Фёдор потоптался на месте, хотел, видимо, что-то ещё сказать, но передумал. Поправил кепку на загорелой лысине, сказал тихонько, доставая сигареты:

— Я закурю.

— На меня только не дыми, — попросил Матвей.

Сосед закурил, отвернувшись, выпустил струю дыма в сторону, спросил:

— Ты на пруду только был, на Звонику-то на саму не ходил?

— Да нет... Я один чего-то побаиваюсь уже туда ходить.

— Чего так?

— Да чего... На здоровье-то уж надёжки нету. Дыханья вот иной раз не хватает, особенно, ежели в горку идёшь. Сделается вдруг, что ни вдохнуть, ни выдохнуть не можешь. Ни туда, ни сюда, как говорится. Встанешь, постоишь, отпустит немного, отдышишься, ну и дальше топаешь.

— Ишь ты чего! Ты же, вроде, не жаловался раньше.

— Так, чего жаловаться-то. А так-то уже лет пять-шесть дыханьем маюсь.

— А к врачу ходил? Чего говорят?

— Да ходил... — Матвей скептически скривил щеку. — Говорят, лёгких недостаёт.

— Как это?

— Да поди узнай! Да и сердчишко тут хандрить чего-то стало. Это уж нынче, перед новым годом. Зайдётся вдруг, заколотится ни с того ни с сего, словно рябчик в силке, в голове, прям, горячо делается, а потом — раз! — и встанет.

— Ишь ты! — вновь посочувствовал Фёдор.

— Ну да. Постоит секунды две-три, бывает, аж в глазах тёмно делается, в голове туман пойдёт, а потом опять ровно заколотится, словно б и не было ничего.

— Хм... — сосед покачал головой.

— Вот и боюсь один-то сейчас далёко ходить. А ну, как не заколотится? Сердце-то. Или дыханье откажет. Перестанет, да и всё, ставь свечку. Здесь-то, в деревне, ежели чего, так подберут. Ну на пруду ещё... Мужики, кто рыбаки, увидят. А на Звонику как? Там тайга, тальником всё заросло. Окочуришься и будешь лежать, никто и не найдёт. Протухнешь или зверь съест.

— Так, а прошлый год как? Ты же ходил, вроде, рыбачил.

— Так с Валеркой больше и ходили, с внуком-то.

— А-а... Ну да, ну да... Нынче-то приедет?

— Да должен. Вот, намени письмо от них было, обещаются.

— Каждое лето ведь приезжал.

— Приезжал. Ты мне вот чего скажи, Женька-то Бормотов, он чего, совсем дом свой бросил? Или как?

Бормотовы, бывшие соседями Гуменниковых по другую от Заречневых руку, перебрались на жительство в город, оставив свой дом пустым, уже пять лет назад.

— Да нет, вроде, не совсем. — Фёдор пожал плечами и, бросив окурок, растоптал его пяткой. — Он-то сам нет-нет да бывает, проведает.

— Да? А я чего-то не видал его ни разу.

— Проведает, — утвердительно кивнул сосед. — Нечасто, раз или два за лето приедет. А зачем он тебе?

— Да усадьба-то у них всё одно пустая стоит, зарастает. Так вот, думал, может, овечек туда пускать, заместо стада. Оно, когда под боком, под приглядом, так всё лучше, да и лишнего не платить.

— Вот про это не знаю, это с Женькой надо говорить. Ежели приедет когда, увижу, так спрошу.

— Спроси. — Матвей, опёршись руками о колени, поднялся с чурбака. — Ладно, пошёл я, однако.

— Ну давай, давай... Картошка-то не всходит ещё у вас? — спросил напоследок Фёдор, бросив взгляд на соседский огород.

— Нет ещё, сидит.

— У нас вот тоже. Видать, всё же прихватило её морозцем. Ну ладно... Покедова. — И, махнув рукой, сосед пошёл к себе.

Глава 3

Гости приехали в воскресенье ближе к обеду. На лужайку перед домом, густо поросшую мягкой невысокой травкой, подрулила небесно-голубого цвета машина — «Жигули» седьмой модели. Матвей как раз сидел у окна в прихожей.

— О! Кажись, приехали, — сказал он жене, отдохавшей на диване в комнате.

Они ждали дочь с семьёй вчера, в субботу. Клавдия сделала уборку, прибрала в избе, напекла пирогов с картошкой и с малиновым вареньем, сварила куриный суп, нажарила

картошки с яйцами да сметаной, весь день суетилась, несколько раз выходила на улицу, смотрела вдаль, но к вечеру устала, перегорела. Матвей был более спокоен. «Чего бегаешь-то туда-сюда? — выговаривал он супруге. — Приедут, никуда не денутся. Днём раньше, днём позже, какая разница?» Но он лукавил. На самом деле старик тоже с нетерпением ждал гостей, хотел, чтоб приехали уже поскорее, просто виду не показывал. И вот сейчас, увидев подъехавшую машину, встрепенулся. Клавдия тут же выскочила в прихожую и тоже глянула в окно:

— Приехали? Ну, слава тебе господи. — И она побежала на улицу. Матвей вышел следом.

Первым из машины выскочил Валерка:

— Привет, баб! — заулыбался он, увидев бабушку.

Следом из «Жигулей» выбралась Наталья.

— Ой, ой, мои вы хорошие... — заойкала Клавдия, выходя за ограду. — А мы вчера вас поджидали, все глаза проглядела.

— Мам, ну я же писала: или в субботу, или в воскресенье приедем, чего ты... — Дочь поправила коротко стриженные обесцвеченные волосы, заправила в джинсы выбившуюся светлую блузочку, потом подошла к матери, обняла и поцеловала её в щеку. — Привет, мамочка.

— Так, ждём ведь вас... — Губы у Клавдии мелко затряслись, она шмыгнула носом и часто заморгала.

— Ой, мам, ну чего ты, в самом деле... — Наталья легонько похлопала её по спине. — Ты чего-то схуднула, или мне кажется?

— Так... нам-то уж толстеть ни к чему сейчас.

К калитке подошёл Матвей:

— Здорóво живём. — Он погладил бороду и улыбнулся. — Ну, как доехали?

К деду тут же подскочил Валерка, широко заулыбался, глаза у него светились, было видно, что он соскучился и очень рад:

— Привет, дед! Да нормально доехали, за два часа. Там-то вообще быстро, асфальт, это здесь вот медленно ехали, от райцентра. Дорога разбитая, яма на яме, — затараторил он.

— Ну ладно, ладно... — остановила его мать. — Успеешь, расскажешь ещё. Вещи доставай из машины. — Потом

посмотрела на мужа, который всё ещё сидел на своём месте, согнувшись и шаря руками под водительским сиденьем: — Юра, ты чего не выходишь?

— Да сейчас... Противоугонку только поставлю.

Юрий наконец-то вытащил из-под сиденья длинную железную палку с рогами на концах и стал крепить её к рулевому колесу. Потом снова согнулся и стал что-то делать в районе педалей.

Валерка, открыв багажник, взял большую сумку и потащил её в ограду.

— Длинный-то какой стал, — Матвей осмотрел внука с ног до головы. — Вверх-то меня уж обогнал, вширь только расти не хочешь.

— Нормально, дед! — засмеялся внук. — Зато я жилистый!

— Так ведь, пап, самый возраст сейчас такой. — Наталья, уперев руки в бока, смотрела на сына. — Он и Юрия уже догнал, а про себя так и не говорю. — Она снова повернулась к матери. — Ну вы-то тут как? Как живёте-то? Рассказывайте.

— Так, пошли в избу, чего на улице-то стоять. Обедать уже пора. Я, правда, вчера всего наготовила, сегодня-то свежего нет ничего, вчерашнее греть придётся, — виноватым тоном произнесла Клавдия.

— Ой, мам, да ну брось... Подумаешь, вчерашнее, — Наталья сморщила носик. — Съедем, мы не привередливые.

Наконец из машины с недовольной гримасой на мокром от пота лице выбрался Юрий — приземистый, с большим круглым животом и полными ногами и руками.

— Валерий! — сердитым тоном позвал он мальчика. — Иди на педали ещё противоугонку нацепи, не могу никак сам подобраться.

Валерка подскочил к машине и быстро сделал, о чём его просили.

— Готово!

— Ну вот... — буркнул Юрий, аккуратно захлопнул дверь, закрыл её на ключ, подёргал за ручку, проверяя, и глянул на тестя: — Как тут у вас, тихо насчёт машин?

— Чего — тихо? — не понял Матвей.

— Я говорю, машину не разуют ночью, слушаем?

Старик смотрел на зятя, не понимая, о чём тот говорит.

— Пап, — вмешалась Наталья, — Юра имеет в виду, колёса не снимут, если на ночь машину тут оставить? Не украдут?

— Колёса? — Матвей пожал плечами. — Так, так бы и спрашивал, а то разуют кого-то... Те-то годá ночевали же, никто не снимал ваши колёса.

— Ну, пап... «те года»... Время-то сейчас сам знаешь какое. У нас в городе глаз да глаз нужен. Но у нас-то хоть кирпичный гараж есть, а у вас ведь ничего такого нету, некуда загнать.

Матвей поморщился и досадливо махнул рукой:

— Да ничего с ней не сделается, с машиной вашей. Кому тут воровать-то её?

— Ну, мало ли... Да ладно, за одну-то ночь, поди, ничего не случится, — посмотрела Наталья на мужа. — А, Юр?

— Я почём знаю, — пробормотал тот, внимательно осматривая машину. — Будем надеяться, ничего не случится. — Он вынул из багажника ещё пару полиэтиленовых пакетов и поставил их на траву у калитки.

— Как за одну ночь? — удивилась Клавдия. — Вы что же, на одну ночку только и приехали? Завтра, что ли, ехать уже собрались?

— Ой, мам, мы бы и подольше с удовольствием погостили, да некогда.

— Как некогда? Ты же писала, что в отпуск пошла.

— Ну так это я в отпуске, а Юра-то работает.

— Так, пушай он и едет, а ты хоть недельку бы пожила, — сделала просительную мину Клавдия. — На автобусе потом уедешь, а то чего ж так-то...

— Нет, мам, не получится, — дочь свела брови. — Правда. Вот Валерку привезли и всё. Я бы рада, да никак. Дела.

Матвей молча покачал головой, ничего не сказав. Услышав на улице чужие голоса, в огороде залаял Амур.

— Ма, я пока к Амурке сбегаяю, — глянул на мать Валерка и сразу же побежал в огород.

— Только недолго, чтоб потом не бегать, не искать тебя! — крикнула вслед ему мать. — А то обедать уже пора.

Юрий между тем снял с лобового стекла «дворники» и протянул их жене:

— На, возьми, в доме положи где-нибудь, а я покурю пока. — Он достал из кожаной сумочки, висевшей на поясном ремне, пачку «Явы» и зажигалку.

— Ну пошлите в избу-то, что ли... — Клавдия повернулась и засемила к дому.

— Юр, докуришь, тоже сразу заходи. — Наталья, подхватив тяжёлые пакеты, направилась за матерью. Матвей пошёл следом.

Стол в прихожей пятерых человек вместить не мог, поэтому Клавдия накрыла обед в комнате. Пока она носила из кухни посуду, кастрюли, сковороду с едой, дочь достала из пакетов кое-какие гостинцы.

— Пап, — Наталья протянула отцу пёстрый свитер машинной вязки, — на вот, держи. Это тебе от нас на день рождения. Ты извини, что мы открытки никакой не прислали, думали, сами вот приедем, тогда и поздравим. Это раньше нельзя, а позже-то ничего.

Матвей взял свитер:

— Спасибо, конечно, но больно тонкий какой-то. Да на что он мне? Пусть, вон, лучше Валерка носит или Ромка из армии придёт, так ему сгодится.

— Здравс-сьте... — протянула дочь. — От подарков вообще-то не отказываются. Бери давай... И носи. Тонкий ему... Осенью, значит, носить будешь или весной, когда не сильно холодно.

— Дед, а я леску новую привёз. И грузила с крючками. — Валерка вытащил из своей сумки маленькие пакетики.

— Вот это хорошее дело. — Матвей взял катушку с леской, прищурился, взглядываясь в этикетку с иностранными буквами.

— Это не наша вообще, гэдээровская. Крепкая-прекрепкая! — объяснял внук.

— Да погодите вы с лесками вашими, успеете ещё, — перебила их Наталья. — Мам, на вот, это тебе. — Она протянула матери широкий шерстяной пояс.

— Чего это? — взяла та подарок.

— Это на поясницу надевать надо, чтоб не болела. Пояс из шерсти собачьей. Он очень тёплый и полезный. Лечебный.

— Ой, да не надо уж было... Зачем тратиться-то? Дорогой, поди.

— Не дороже денег. Здоровье важнее.

— Так, неужто прям из собаки их делают? — удивилась Клавдия, нюхая пояс. — Вроде и псиной не пахнет.

— Естественно, из собаки. Они же разные бывают, у некоторых знаешь какая шерсть! — нахваливала пояс Наталья. — А что не пахнет, так он же специально обработанный, стиранный.

Разобравшись с подарками, сели наконец обедать. Клавдия достала из шкафа припасённую бутылку водки, принесла рюмочки. Выпили за приезд, за Матвеев день рождения.

После обеда Валерка сказал, что пойдёт повидаться со своим деревенским приятелем Славкой Комлевым, жившим на соседней улице.

— Только ненадолго, — строго наказала ему мать. — На час, не больше.

— Мам, да рано же ещё совсем, — скуксился Валерка. — Почему на час-то всего?

— Я сказала на час, значит, на час, — Наталья была непреклонна.

Сын недовольно поджал губы и вышел из избы.

— Ты чего-то уж совсем, Наталья, — заступился за внука Матвей. — Ему же не пять годов. Вон, лоб какой вымахал, а ты его на час погулять отпускаешь.

— Ничего, ещё нагуляется, — проронила дочь, подходя к комоду и беря в руки поздравительную открытку от Андрея. — Вы тут его балуете, а мы потом с ним дома справиться не можем.

— Кто это его тут балует, чего ты выдумываешь? Он всё, что надо делает, по хозяйству помогает: и с сеном, и в огороде, и воды натаскать...

— Ладно, — дочь махнула рукой, — тебя не переспоришь...

— Так, а тут и спорить нечего. Какая-то шибко ты уж строгая стала.

— Нормальная, пап, нормальная... С ними по-другому в наше время нельзя.

— А с тобой?

— Чего со мной? — не поняла Наталья, вертя в руках открытку.

— С тобой-то по-другому обходились. Никто тебя в ежовых-то рукавицах не держал.

— Ой, пап... Время тогда другое было.

— Чего-то всё у тебя время какое-то не такое.

— Ладно вы, не ругайтесь, — примирительно сказала Клавдия, убирающая со стола грязную посуду. — Старик, чего привязался?

— Да ну вас, — Матвей в сердцах махнул рукой и, встав из-за стола, вышел в прихожую. — Слова им не скажи...

— Так, ну вы тут выясняйте кто прав, кто виноват, а я на улицу пойду, покурю маленько. — Юрий грузно поднялся с места, плетённый стул жалобно скрипнул под ним. Поморщившись, зять прогнулся назад в поясице и пошёл из избы.

— Так пойдёте все на улицу, — предложила Наталья. — Мам?

— Ой... вы идите, а я пока со стола приберу, посуду сразу ополосну, а то засохнет. — Клавдия составляла пустые тарелки одна на другую.

— Может, тебе помочь?

— Нет-нет, не надо, — замотала головой старуха, — сама управлюсь. Идите, отдыхайте. — Она смахнула с клеёнки в ладонь хлебные крошки.

— Ну смотри, как знаешь.

И Наталья пошла на улицу вслед за мужем. Матвей вышел за ней.

Во дворе, сидя на лавке, стоявшей ближе к забору около углярки, курил Юрий. Наталья, подойдя к нему, привалилась спиной к штакетнику, а Матвей сел на крыльцо.

— Ты бы лучше не спрашивала у матери, а взяла б, да и помогла без разговоров, — сказал он дочери. — А то спрашиваешь... Конечно, она скажет, что не надо, а ты и рада-радешенька.

— Пап, вот если б у меня дома кто-нибудь чужой без спроса пошёл на кухне хозяйничать, я бы не знаю, что с ним сделала. Терпеть такого не могу, — сердито возразила Наталья.

— А ты чужая, что ли? Ты ж не кто-нибудь, ты дочь. А она тебе — мать.

— Ой, ну ладно, всё... Закрыли тему, — с раздражением буркнула Наталья.

Некоторое время помолчали. Матвей с крыльца наблюдал, как Зина Сулова через дорогу разговаривает с какой-то женщиной. Потом на телеге мимо проехал знакомый мужик, махнул Матвею рукой, старик кивнул в ответ.

Зять, затушив сигарету и бросив окурок под дверь углярки, поднялся с лавки:

— Матвей Иванович, а где тут у вас в туалет-то сходить можно? — спросил он тестя.

Старик с недоумением посмотрел на него:

— Как где? Там же, где и раньше. Забыл, что ли?

— Да не забыл, но мало ли... Может, в другое место куда перенесли.

— Да пошто? Там же нужник и стоит, за баней.

Юрий пошёл в огород. Амур, увидев чужого, залаял было, но потом, узнав подзабытого гостя, умолк.

— Как Роман-то служит? — спросил отец у дочери о её старшем сыне.

Наталья пожала плечами:

— Вроде нормально.

— Сколько ему ещё осталось? Год?

— Весной год был, значит, ещё один остался.

— Он нам сперва-то писал, а сейчас перестал чего-то. Редко когда напишет. Может, осерчал на что?

— Да ну... осерчал... На что ему сердчать-то? Так... времени, может, негу.

Снова замолчали. Наталья, задумавшись о чём-то своём, сорвала травинку, взяла её в зубы. Из сенок вышел кот, махнул из стороны в сторону хвостом и улёгся у Матвеевых ног на нижней ступеньке крыльца.

— Так вы пошто на день-то только приехали? — спросил старик через некоторое время. — Что, даже на недельку нельзя остаться?

- Нет, пап, не получается. У Юры дела.
- Ты же писала, он сам себе хозяин.
- Сам, да не сам. Делаю не прикажешь. И Валерку через месяц заберём, нечего ему тут прохлаждаться.
- Как через месяц? — удивлённо вскинул брови отец. — Вы чего это нынче, а? Сами на ночь всего приехали и Валерку уже через месяц заберёте. Пошто так-то?
- Пап, ему на следующий год уже в институт поступать, а у него по английскому кое-как четвёрка выходит. Вот мы и нашли репетитора, чтоб поднатаскал его за лето. Понимаешь? Так что, Юрий числа десятого июля приедет, заберёт его.
- Так, год целый ещё впереди, успеет, поди, выучится. Мало вам, что ли?
- Мало. Надо, чтоб английский был на твёрдую пятерку. Даже с плюсом.
- А зачем ему этот английский?
- Ну-у... — протянула дочь, наморщив носик. Потом словно бы нехотя ответила: — Ещё рано говорить, конечно, но мы хотим его в Москву отправить учиться.
- В Москву? — ещё сильнее удивился Матвей. — Зачем в Москву-то? Ближе, что ли, ничего нету?
- Такого нету. Мы хотим, чтоб он в МГИМО учился.
- Это чего такое?
- Ну это... В общем, там на дипломатов учат. Институт международных отношений. Это очень престижно и перспективно, но туда просто так не поступить, блат нужен.
- Блат? — переспросил отец.
- Ну да... связи, то есть, знакомства. Ну и у Юры там нашлись кое-какие варианты. В общем, есть возможность пристроить Валерку. Конечно, денег очень много надо, ну и язык знать всё равно нужно.
- Тьфу ты, — ругнулся старик, — взятку, что ли, давать собрались?
- Ой, пап... Скажешь тоже — взятку. Не взятку, а так... Понимаешь, сейчас время такое, что без денег и без связей ничего не решишь.
- Опять у тебя время какое-то, — Матвей недовольно помотал головой. — А Валерка-то сам хочет туда? А то, может, оно ему сто лет не надо.

Дочь скептически усмехнулась:

— Сам... Да он сам пока ничего не хочет. У него в голове только в футбол погонять, музыку послушать, да «когда в деревню поедет?».

— Так чего, Юрий твой шибко богатый, выходит? Раз знакомства у него в Москве, да взятку давать собрались.

— Пап, давай больше не будем ни о каких взятках говорить, хорошо? — с напором сказала дочь, недовольно зыркнув на отца.

Матвей, не ответив дочери, снова спросил:

— Чего Юрий-то твой делает? Где он работает, что сам себе хозяин? Он раньше вроде как на обувной фабрике инженером был.

— Он и сейчас там же, на обувной фабрике, только в кооперативе.

— Слушай, а ты можешь мне толком объяснить, чего это такое? Кооперативы-то эти. С чем их едят-то? А то, вон, люди говорят, там одни барыги да хапуги.

В сенках слышались шаги, зять возвращался из огорода.

— А вот он сам идёт, у него и спроси, — кивнула на мужа Наталья.

— О чём спроси? — глянул на Матвея зять, снова усаживаясь на лавку.

— Да вот папа спрашивает, чем ты занимаешься. Как это, что сам себе хозяин? Я сказала, что у тебя кооператив.

— А-а... — протянул Юрий.

— Это, я так понимаю, под тип артели, что ли? — уточнил Матвей. — Раньше были такие...

Юрий кивнул головой:

— Верно, папаша, под тип артели.

— Ну и чего ты делаешь там?

— Чего делаю-то? — зять усмехнулся. — Да разное.

Юрий был вторым мужем Натальи, она вышла за него девять лет назад. К родне жены он относился с нейтральной прохладцей: нос не воротил, но и душу особо не раскрывал.

— Разное, это чего? — продолжал спрашивать Матвей. — Вот я после войны в одной артели работал, так мы коромысла там делали, дуги гнули, полозья к саням.

Юрий глянул на тестя, чуть заметно усмехнулся:

— А вы с какой целью интересуетесь?

— Как это? — не понял Матвей. — Какая тут ещё цель? Ты ж вроде как не чужой. Нешто это секрет какой, чтоб друг от дружки таяться? Ну не хочешь, так не говори, — старик пожал плечами, — я не неволю...

— Да нет, не секрет, — зять примирительно улыбнулся. — Ладно, расскажу, раз интересно. Вы же в курсе, что я на обувной фабрике работаю?

Матвей кивнул:

— В курсе.

— Ну вот. Ботинки, туфли, сапоги делаем, мужские и женские, даже детский ассортимент есть. Продукция у нас хорошая, спросом пользуется, а цены мизерные, толком не заработаешь, потому как государство наше разлюбозное не разрешает наценку выше установленной нормы делать. Ну вот мы и сделали при фабрике кооператив. Как вы говорите, под тип артели, только всё же это маленько другое. Это уже несколько лет разрешено, так сказать, для развития частного предпринимательства.

— Так чего вы там делаете-то? Тоже ботинки шьёте? — спросил старик.

— Да нет... — продолжал зять. — Мы, то есть кооператив, выкупаем продукцию у фабрики по их ценам, — не всю, конечно, а две трети, примерно, или три четверти, по-разному бывает — а потом мелочь какую-нибудь от себя добавляем и продаем уже как свою, подороже. В два, а то и в два с половиной раза. По закону получается, что это как бы уже наша продукция, кооперативная, а не фабричная. Вот и всё. А мы — кооператив, как частное предприятие, можем ставить любые цены, какие пожелаем, тут государство нам не указ. — Юрий широко улыбнулся, глядя на тестя, в расчете, что тот оценит всю простоту и гениальность такой схемы.

— А какую мелочь-то добавляете, что цена у вас потом в два раза больше делается? — не понял старик.

— Ну... хлястик какой-нибудь, пряжку можем пришить, заклёпку поставить.

— Постой, так это как? — Матвей развел руками. — И берет? Ботинки-то ваши? В два-то раза дороже?

— Ой, пап, — вмешалась в разговор Наталья, — сейчас же дефицит везде, обуви нормальной в магазинах нету. Берут, конечно! Юра же сказал, что у них обувь очень хорошая. С руками и ногами отрывают.

Матвей покачал головой, словно что-то соображая, хмыкнул:

— Так, может, потому и нету в магазинах, что он вот, — дед кивнул на зятя, — все ботинки-то задарма себе забирает. А потом хлястики к ним пришивает. Так что же, и милиция вас не трогает? Это же спекуляция форменная получается.

— Не-не, — Юрий ухмыльнулся и помахал толстым пальцем, — у нас всё чётко, всё по закону.

— По закону... А ежели по совести?

— А что «по совести»? Милиция совестью не занимается. Тем более, мы фабрике всю денюжку до копейки платим, а потом уже, что хотим, то с товаром и делаем. Это абсолютно легально, всё разрешено, мы никого не обманываем.

— И что, и директор не против? Фабрики-то. Он-то почему вам всё отдаёт, а не в магазины?

— Пап, так директор у них сам этот кооператив и придумал, — засмеялась Наталья.

— Во как! — удивлённо расширил глаза Матвей. — Интересно... Ну ладно, а деньги-то вы потом хоть между всеми поровну делите? И работягам тоже?

Зять ухмыльнулся:

— А работяги-то тут при чём? Они на фабрике свою зарплату получают. Государственную. А кооператив — это кооператив. Нас там всего пять человек.

— Пап, ты, прям, как маленький. Сейчас же всё совсем по-другому, время такое.

— Тьфу ты, опять время у неё... — пробормотал Матвей, нахмурившись. — Когда оно стало-то у вас таким, а?

— Что именно? — не понял Юрий.

— Время-то, говорю, когда такое у вас стало, что вот такие выкрутасы делать можно, да ещё и по закону?

— Матвей Иванович, вы спросили, я рассказал. По-родственному. Надеюсь, вы не будете тут у себя в деревне распространяться на эту тему? Это же между нами. Сами говорите, не чужие.

Старик хмуро постучал ногой по ступеньке:

— Правильно люди говорят.

— Чего говорят? — не понял Юрий.

Матвей не ответил, лишь посмотрел на зятя, а того, видимо, зацепила тема, и он, поднявшись с лавки, продолжил:

— Понимаете, сейчас ведь действительно время другое, не такое как раньше было. У вас тут в деревне этого, может, и не видно, а в городе ещё как видно! Всё меняется, буквально, не по дням, а по часам. Обувь — это так, ерунда, мелочь. Есть гораздо более интересные в денежном плане темы: уголь, металл, древесина... Там совсем другие объёмы, масштабы. Понимаете? Вот где настоящие деньги! Всё меняется! Всё! Сами посмотрите — кто бы мог ещё два-три года назад подумать, что весь Советский Союз будет по швам трещать?

— Чего ты городишь? — хмуро спросил зять Матвей.

— Ничего я не горожу. Вы же газеты читаете, телевизор смотрите? Или нет?

— Нет у нас телевизора, — буркнул тесть.

— Ну газеты-то есть. Я видел, лежат там стопочкой в комнате. Да это, впрочем, неважно. Всё равно же знаете, что в стране происходит. Прибалты отделились, грузины отделились, Молдавия туда же... Буквально вчера сказали, что Украина все предприятия союзного значения себе забрала. Представляете? Предприятия союзного значения больше не предприятия союзного значения, а исключительно украинские! Каково? Через три дня выборы Президента РСФСР. Президента! Когда такое было? Вы понимаете, к чему это ведёт?

— К чему? — Матвей не смотрел на Юрия, смотрел вниз, на резиновый ребристый половичок, лежавший перед крыльцом.

— Да вообще непонятно, что от Союза останется! А что референдум этот был в марте¹, так это ерунда!

¹ Имеется в виду всесоюзный референдум о сохранении СССР, состоявшийся 17 марта 1991 года, на котором 76 % голосовавших высказались за сохранение СССР.

— Да леший с грузинами с этими, с президентами... Фабрика-то твоя тут при чём? — старик из-под бровей глянул на зятя.

— Так я ж и говорю: всё меняется! — Юрий, расхаживавший до этого взад-вперёд по двору, остановился и взмахнул полными руками. — И тут главное — оказаться в нужное время в нужном месте! Хочешь жить — умей вертеться! Вот так вот...

— То-то я смотрю, ты вертишься... — Матвей покачал головой. — А ты мне вот чего скажи... Ежели работяги на твоей фабрике перестанут ботинки шить, ты к чему хлястики-то свои пришивать станешь, а? Ведь грош цена тогда твоему кооперативу, тебе, да и директору вашему. Вы же первые на них молиться должны, а вы их дурите.

— Так я про это вам и толкую! — Юрий снова зашагал, не поняв иронии тестя. — Бог с ней, с этой фабрикой и с этим кооперативом! Это ненадолго. Я же говорю, что есть более интересные направления. Сейчас вообще на первое место выходит бизнес, деньги, умение зарабатывать. Понимаете?

Матвей вздохнул:

— Нет, не понимаю. Как по мне, так на первом месте завсегда люди должны быть.

Юрий, остановившись, умолк и со снисходительной улыбкой посмотрел на старика.

— Да ладно, Юр, хватит, — подала голос Наталья, — а то уж в дёбри полезли. Папе всё равно это не интересно.

— Ладно, хватит, так хватит, — согласился тот, снова садясь на лавку. — Как говорится, проехали...

— Да нет, погоди, — покачал головой Матвей. — Ты вот говоришь — деньги. Так тебе не хватает, что ли?

— Что значит «не хватает»? Денег много не бывает, — усмехнулся зять, — слыхали такую поговорку?

— Как не слыхать, слыхал. Да только не поговорка это, а так... присказка бестолковая. Вот ты одет, голодом не живёшь, — Матвей кивнул на круглый живот зятя, — на машине едешь, квартира с удобствами. Чего же ещё-то тебе надо?

— Не, ну ёлки-палки! — Юрий развёл руками в стороны и посмотрел на жену. — Да мало ли чего...

— Пап, ну ты прям... — укоризненно мотнула головой Наталья. — Если уж про машину говорить, так наша и не самая лучшая даже.

— А тебе лучшую надо?

— А почему бы и нет? — с вызовом спросил зять. — Я, может, «Волгу» хочу. Или «Мерседес»! У нас вот квартира трёхкомнатная, а я дом хочу. Двухэтажный! Коттедж! А что такого? Или съездить куда-нибудь. Я за границей ни разу не был, а мне охота мир посмотреть. Во Франции побывать, в Италии! На это тоже деньги нужны, между прочим.

— Зачем? — коротко спросил Матвей.

— Что — зачем? — не понял зять.

— В Италию-то тебе зачем?

— Интересно!

— А «Волга» зачем?

— Ездить!

— Куда тебе ездить-то на ней? Тебе сколь годов-то уж? На пенсию ведь скоро.

— Мне пятьдесят пять. Ещё пять лет до пенсии. Только я и на пенсии сиднем сидеть не собираюсь. Скучно!

— А-а... — протянул старик. — Ну понятно. Ты вот поговорку помянул, а я тебе сказку одну напомним. Про рыбку золотую. Читал? Пушкин написал. Писатель такой был когда-то.

Юрий иронически хмыкнул:

— Хм... В курсе. Читал, было дело. Так чего сейчас, с разбитым корытом всю жизнь сидеть?

— Зачем с корытом? Не надо с корытом. Просто меру знать надо, чтоб не лопнуть. Оно ведь как... Ни картошка, ни морковь, ни дерево какое не растут без конца-то. Вырастет до своей нормы и всё, так и сидит, зреет, семена даёт. Стало быть, понимает, когда хватит. А когда у человека на первом месте деньги получаются, так ему завсегда мало. Это уж так заведено. Не может он никак остановиться. А там и лопнуть от жадности недолго.

— Ой... ладно. Не надо меня только жизни учить, хорошо? — недовольно поморщился зять. — Норма... Кто её, эту норму установил?

— Бог, — коротко ответил Матвей.

— Кто?! — скептически скривил губы зять.

— Пап, ну какой ещё бог? Я вот тебя тоже не понимаю. Что плохого, что человек больше зарабатывать хочет? — опять вступилась за мужа Наталья.

— Так он не зарабатывает, а народ дурит! Государство обманывает. На казённой фабрике сапоги шьёт, а потом финтиля такие выкидывает, хлястики пришивает. Людям носить нечего, а он дерёт с них втридорога. Да ещё и «Волгу» ему подавай. На «Волгу»-то честно не заработаешь, я слышал, сколь она стоит.

Зять кхекнул и ухмыльнулся, покачав головой:

— М-да уж... Понятия у вас.

— Пап, ну ты вот тоже... думай, что говоришь-то. — Взгляд у дочери сделался колючим.

Старик отвёл глаза в сторону и вздохнул. Ему стало неприятно от получившегося разговора. Сердито пожевав губами, он тихонько пробормотал:

— Да живите вы, как хотите. Моё дело маленькое, я своё по́жил.

Стукнула избная дверь, и на крыльцо вышла Клавдия.

— Ну слава богу, управилась, — устало промолвила она и села рядом с Матвеем. — Руки чего-то болеть стали последнее время. Пальцы ломит. Ночью иной раз как возьмётся, так, прям, не знаешь, куда их засунуть.

— Может, у тебя артроз? Может, мазь какую-нибудь надо? — хмуро спросила дочь.

Клавдия внимательно посмотрела на неё:

— Ты чего такая? Случилось чего?

— Да так... Папа тут... жизни нас учит.

Клавдия сердито глянула на мужа:

— Старик, ты чего опять? Да не слушайте вы его, он под старость-то лет совсем вредный какой-то сделался.

— Да ничего, всё нормально, — махнула рукой Наталья, — проехали...

Матвей, насупившись, молчал.

— Мам, так я говорю, может, мазь тебе какую надо? Ты у врача-то была? — спросила дочь у Клавдии.

— Да какие уж врачи в мои-то годы.

— Что значит «какие врачи»? Врачи в любые годы нужны.

— Так у нас ведь и нету в деревне-то уж никого. Весной ещё амбулатория закрылась. Я ж писала тебе, врач-то, которая была, так в декрет ушла, а больше и некому работать. Сейчас в случае чего, так в райцентр ехать надо.

— Ну и съездила бы.

— Да когда мне...

— Ну, смотри сама. — Наталья подошла к скамейке, на которой сидел Юрий. — Дай тоже сяду, а то ноги стоять уже устали. — Тот подвинулся, и она села рядом мужем.

Матвей молча поднялся и пошёл в сенки.

— Ты далёко? — спросила вслед Клавдия. — Куда пошёл-то?

— По воду схожу.

Старик снял с крючка висевшее на стене коромысло, взял со стола два оцинкованных ведра и вернулся на крыльцо.

— Так, потом бы ходил, не к спеху. Посидели бы все вместе, поговорили бы.

— Ничего, насидимся ещё. — Матвей, сунув ноги в галоши, вышел за калитку.

— Чего вы тут не поделили-то? — как-то жалобно глянула на дочь Клавдия.

— Да ничего, мам. Так... ерунда... — махнула дочь рукой.

— Ой, господи... В кои-то веки приехали, да и то не может с характером своим совладать. — Клавдия поджала губы и недовольно покачала головой.

Колодец был дальше по улице, через два дома за переулком. Матвей не торопясь выкрутил ведро воды, перелил в своё, достал второе, стал переливать, но расплескал, и немного студёной колодезной воды попало в галошу.

— Тыфу ты! — ругнулся старик, вытирая рукой мокрый носок.

Из дома поблизости вышел с вёдрами Саня Саенко, пятидесятиррёхлетний мужик, и тоже пошёл к колодцу.

— Здорово, дядя Матвей, — весело улыбнулся он, подходя ближе.

— Здорóво. — Тот сунул мокрую ногу обратно в галошу.

— Я гляжу, гости к вам приехали. Наталья, что ли?

— Наталья.

— А чего ты такой смурной? — заметил Саня настроение Матвея.

— Да так, ничего... Ногу вот замочил.

Матвей подхватил вёдра на коромысло, выпрямился, собрался уж было идти, но вдруг задержался. Искося глянув на Саенко, спросил:

— Слышь, Саня, чего спросить у тебя хотел...

Тот поставил вёдра на низенькую приступочку у колодезного сруба.

— Чего?

— Ну подойди поближе, чтоб не кричать.

Саенко подошёл к старику, тот пригнул к нему голову и тихонько спросил:

— Слушай, а ты не мог бы сегодня ночью у них колесо скрутить? — Он кивнул на стоявшие возле своего дома «Жигули».

— Чего-о? — Саня удивлённо нахмурил брови.

— Ну, ночью колесо сними с машины.

— Зачем оно мне? — Саенко, ничего не понимая, уставился на Матвея.

— Ну так просто. Или даже два. Два ещё лучше будет.

— Дядя Матвей, ты чего, перегрелся?

— А-ай! Да ну тебя... — Матвей махнул рукой и, повернувшись, пошёл к дому.

— Во даёт... — покачав головой, пробормотал вслед Саенко.

Когда старик подходил к переулку, из него выбежал запыхавшийся Валерка с приятелем.

— О, дед! Ты за водой ходил? Давай помогу, — резко тормознув, предложил он Матвею.

— Не надо, — отказался тот от помощи, — сам донесу, кого тут... А ты чего, нагулялся уже?

— Да кого нагулялся, — скуксился внук. — Мама же только на час отпустила. Ты не знаешь, прошёл уже час или нет? Пойду, спрошу, может, ещё разрешит погулять.

— Иди гуляй. Я разрешаю. К ужину только приходи, часам к семи.

— А мама? — неуверенно спросил Валерка.

— Чего мама? Говорю тебе иди, значит, иди.

— Ну ладно. Ты, дед, тогда уж меня прикрой, — улыбнулся внук, повернулся к Славке, чтоб идти обратно, но потом остановился и снова предложил: — Давай я всё же помогу тебе воду донести.

— Да брось ты! Чего я, сам два ведра не донесу? Три шага осталось.

— Ну ладно, — повторил Валерка, и они с товарищем скрылись в переулке.

Войдя в калитку, Матвей проронил:

— Там Валерка прибежал, я ещё гулять его отправил.

Наталья, по-прежнему сидящая около мужа, криво усмехнулась:

— Вот здорово! А меня спрашивать уже не надо? Я, вообще-то, мать ему.

— А я дед.

Дочь помотала головой, но спорить с отцом не стала. Матвей поставил в сенках вёдра с водой на стол, прикрыл их тонкими струганными дощечками и пошёл в огород. Клавдия протяжно вздохнула:

— Ох-хо-хонюшки...

Наталья поднялась с лавки, подошла к калитке, стала смотреть на улицу. Потом повернулась к матери:

— Мам, а как Андрей-то поживает? Они что-то нам и не пишут совсем. Живы-здоровы?

— Да ничего, слава богу, живут помаленьку.

— Он где сейчас?

— Работает-то? Так... в совхозе всё.

— А кем он там?

— По-разному, — Клавдия неопределённо склонила голову набок.

— Как это — по-разному? — не поняла дочь.

— Ну так-то всё больше на тракторе, а ежели когда проштрафится, так снимают с трактора. Тогда в разнорабочие ставят.

— Как это — проштрафится? В каком смысле?

— Ну... — Клавдия замялась, — ежели пьяный когда попадётся или прогуляет.

— Что, так и пьёт?

Мать словно бы виновато пожала худыми плечами:

— Да не так, чтоб уж шибко, но бывает. Загуляет, так может и день, и два на работу не ходить, а то и боле. Но, когда тверёзый, так работник хоть куда, не нарадуются. Поэтому и не выгоняют вовсе-то, жалеют. Ссадют с трактора на неделю, на две, а потом опять. Ведь работает-то, так на время не глядит: ночь-полночь может и пахать, и косить, и всё, чего надо. Безотказный. Если б не водка эта проклятушая...

— Понятно. А Татьяна у него? Она-то как?

— Татьяна? Да она всё там же, в детском саду воспитателем.

— Ничего живут? Или ругаются?

— Так, ежели пить zaczynaет, так и ругаются, бывает, не без этого. Кому ж поглянется-то? А когда не пьёт, так грех жаловаться, мирно живут. Он заезжал намедни-то, сказывала я ему, что вы приехать сулились. Говорил, может, заедет.

И словно в подтверждение её слов вдалеке послышался треск мотоцикла и буквально через минуту к дому подрулил «Иж» с коляской.

— А вот и он, лёгок на помине, — встала с крылечка Клавдия.

Калитка распахнулась, и в ограду быстро вошёл Андрей — невысокий, худощавый, в пыльных брюках и рубахе с коротким рукавом навывпуск. Широко улыбнувшись, он распахнул руки и радостно крикнул:

— Здорóво!

— Привет, привет, — заулыбалась Наталья. — Только что о тебе говорили, а ты тут как тут нарисовался.

— Богатым, наверное, буду. — Андрей осторожно приобнял сестру. — Привет, сеструха! Не замарать бы тебя... А чего говорили? Ругали, поди? Привет! — Продолжая улыбаться, он подошёл к Юрию и протянул руку.

Тот не поднимаясь пожал протянутую ладонь:

— Здорóво.

— Ты, прям, как на сносях стал, — захохотал Андрей и легонько хлопнул Юрия по животу.

Зять с шурином были одногодки, но внешне Юрий выглядел лет на десять старше. Он сдержанно усмехнулся в ответ и снисходительно посмотрел на Андрея:

— Трудовая мозоль. А ты всё такой же, словно и не кормят тебя.

— Да-а... Наверное, не в коня корм. А где батя?

— В огород зачем-то пошёл, не знаю, — ответила Клавдия.

— Понятно.

Стали разговаривать: кто как живёт, у кого какие новости. Болтали, смеялись, что-то вспоминали. Матвей слышал в огороде, как подъехал на мотоцикле сын, но выходить не торопился: не было настроения.

— А ты, кстати, чего не на работе? — спросила брата Наталья.

— Здрасьте... — усмехнулся тот. — Сегодня, вообще-то, воскресенье. Выходные никто не отменял.

— Интересно, с каких это пор летом в деревне выходные по дням недели стали считать, а не по погоде, а? Погодка-то шепчет.

— Да мне плевать, — презрительно скривил губы Андрей. — Это, вон, кто на тракторе, те пусть и пашут, и сеют без выходных-проходных. А у меня воскресенье.

— А-а, — протянула сестра, — понятно. Так ты сейчас безлошадный, значит? Сняли?

— Да оно мне не шибко-то и надо, — равнодушно пожал плечами брат.

— А зарплата? Денег-то меньше ведь платят.

— Нам хватает, — Андрей сунул руки в карманы, — так что, вы за нас не переживайте.

— Да я и не переживаю. — Наталья подошла к крыльцу и села рядом с матерью. — Мне-то чего переживать.

На какое-то время замолчали. Андрей прошёлся туда-сюда, пиная по двору сухую веточку. Юрий, сидя на лавке, смотрел себе под ноги. В сенках послышались шаги, на крыльцо вышел Матвей.

— Здорово, — поздоровался с сыном.

— Привет, батя. Чего ты там в огороде делаешь-то?

— Так... проверил кое-чего. Огурцы нынче какие-то совсем вялые. Взюшли вроде бы хорошо, а потом стоят в одной поре, не растут. Не знаю, будет толк с них или нет, а то, может, ещё подсаживать придётся.

— У нас тоже они не шибко, — согласно кивнул Андрей.
— Да нынче все жалуются. Год, может, такой.

— Может, и год такой.

Снова замолчали. Андрей ещё потоптался в нерешительности по двору, потом глянул на сестру, на Юрия:

— Ну так чего, может, за приезд, а? Того?

— Чего — того? — не поняла Наталья.

— Ну... приезд-то отметить бы надо. А то сто лет уж не виделись, ёлки зелёные!

— Да мы уже отметили, — повела плечом Наталья и глянула на мужа. — В обед.

— Ой, господи... — прошептала Клавдия, недовольно поджав губы. Возразила тихонько сыну: — Ну к чему это опять?

— Что значит — к чему? — поднял брови Андрей. — Я ж говорю: за приезд — святое дело! А, Юрок?

Юрий протяжно вздохнул, словно раздумывая, пожал плечами:

— Не знаю...

— Да чего тут знать-то? — настаивал Андрей. — Натаха?

— Я не хочу. — Та отрицательно помотала головой.

— Юрок, ну так, может, мы с тобой вдвоём тогда посидим? — глянул Андрей на зятя. — Поболтаем, расскажешь, чего там у вас в городе хорошего.

Тот снова неопределённо пожал плечами, глянул искоса на Матвея и согласился:

— Ладно, давай посидим.

— Тогда, может, ко мне, а? Чтoб местное население не смущать.

— Юр, может, не надо? — протянула Наталья. — Нам же ехать завтра. Будешь с запахом.

— Как завтра? — удивился Андрей. — Вы чего, завтра уже обратно собрались?

— Ну да, надо, — кивнул Юрий. — Ничего, я немного, — успокоил он жену. — Всё равно после обеда только поедем, выветрится,

— Ну всё тогда! — Андрей улыбнулся и потёр ладони друг о друга. — Как говорится, вперёд и с песней!

Клавдия болезненно поморщилась, зашептала:

— Господи Иисусе, прямо не знаю, тошнѐхоньки мне...

— А твоя-то как? Это... Татьяна? Не будет против? — спросил на всякий случай Юрий.

— А чего она? Гости же, не просто так. Сейчас в магазин заскочим, возьмѐм чего-нибудь и посидим как белые люди: чинно, благородно.

— Тебе ж на работу завтра, — напомнил сыну Матвей. — С трактора попѐрли, хочешь, чтоб вообще с совхоза турнули?

— Бать, — скривил щѐку Андрей, — да всё нормально будет. Юрке, вон, завтра вообще за руль. Маленько посидим и всё, — он успокаивающе махнул рукой. — Время-то детское ещё. — Глянул на часы. — Четыре, вон, только доходит. Пошли, Юрок! Там в коляске каска лежит, надевай и поехали.

Зять поднялся с лавки. Пить особого желания у него не было, но сидеть весь вечер у стариков тоже не хотелось: разговор с тестем подпортил настроение. Выходило так, что в этом смысле Андрей подвернулся как нельзя кстати.

— На чём катаешься-то? — спросил Юрий, с усмешкой осматривая Андреев мотоцикл, когда они вышли на улицу.

— Так, всё на том же, на «Планете». А ты, я смотрю, растѐшь, — Андрей кивнул на сверкающие «Жигули». — У тебя же, вроде, «трѐха» была.

— Была да сплыла. Развиваться надо, шуряк, вперёд двигаться. А иначе нам удачи не видать, — хохотнул Юрий. — Года ещё лайбочке нету. — Он ласково похлопал машину по крыше.

— Юр, ну ты недолго только, хорошо? — попросила мужа Наталья, тоже выходя на улицу.

— Да недолго, недолго... Не бойсь, — успокоил тот жену, надевая каску. — Ты тут за машиной приглядывай.

— Хорошо. Когда тебя ждать-то?

— Да чего меня ждать... Когда приду, тогда приду. — Юрий сел на сиденье позади водителя.

— Натах, да я ж говорю: пару часиков посидим и всё. — Брат торопливо топнул по заводной ножке раз, другой, мотоцикл завёлся. Перекинув ногу, Андрей ловко запрыгнул на водительское место, и мужики тут же уехали, оставив позади себя сизое облачко выхлопных газов.

— Знаем мы его «маленько». У него маленько-то не получается, — пробормотал Матвей, когда дочь вернулась во двор.

— М-да... — задумчиво протянула Наталья. Потом глянула на отца: — А вообще-то, пап, ты сам виноват.

— Я? Это в чём же это? — изумлённо поднял брови Матвей.

— А вот если б ты к Юре со своей моралью не полез, так он сейчас, может, и не уехал бы. Я же видела, как у него настроение испортилось после вашего разговора. А Юра бы не поехал, так и Андрей не пил бы сегодня.

— Вот молодец ты какая! — усмехнулся отец, хлопнув себя ладошкой по колену. — Свалила с больной головы на здоровую. Твоему Юрию сейчас что — и слова не скажи? Нацеловывать его прикажешь? Нет уж, что думаю, то и говорю, вот так вот.

— Ой, старик, ну ты как всегда, — поддержала дочь Клавдия. — Вечно со своим языком лезешь куда не просят.

— Да ну вас! — насутился Матвей. — Мне девятый десяток идёт, помирать скоро, а они учить меня надумали. — Он поднялся, стяхнул со штанины прилипшую травинку, и пошёл в дом.

Клавдия, после того, как старик ушёл, решила пойти в огород — надо было прополоть грядку с луком, до которой всё никак не доходили руки.

— Мам, может, тебе помочь? — предложила Наталья.

— Нет, нет... не надо, сама управлюсь, — замахала рукой старуха. — Сиди, отдыхай. Кого там, делов-то...

И дочь не стала настаивать, тем более, что отца, который мог бы снова пристыдить её, поблизости не было. Но если честно, то и помощь-то она предложила без особого энтузиазма, более из соображений, что так принято, а не потому, что действительно хотела помочь матери полоть траву.

Нет, от деревенской работы она давно уже отвыкла, и когда мать сказала «не надо», то вздохнула даже с некоторым облегчением.

— Ну как знаешь, хозяин-барин. Вернее, хозяйка, — усмехнулась она и, оставшись во дворе одна, села на крыльцо.

Да, от деревни Наталья отвыкла и, если первое время после отъезда на учёбу в город она реденько, но всё же грустила по родному дому, то через пару-тройку лет — наоборот: приезжая к родителям на каникулы или на праздники, старалась поскорее уехать обратно. Подчас даже придумывала несуществующие причины, требовавшие отъезда, тем более что уличить её в обмане никто не мог.

По большому счёту и в этот свой приезд она могла бы остаться и на неделю, и даже больше, но желания такого у Натальи не было. Зачем? Полоть грядки? За водой ходить на колодец? В туалет каждый раз бегать на улицу, в этот, извините за выражение, нужник, с его запахами и мухами? Бр-р... нет уж, увольте. Все эти деревенские «прелести» вовсе её не привлекали, их ей вполне хватило в детстве. Просто погостить у родителей? Пожить у них подольше? И это ни к чему, они давно уже привыкли жить сами по себе, одни, так что... Можно подумать, какая-то неделя что-то решит. Повидались, пообщались, подарки подарены, чего ещё надо? Чего тут высиживать?

Вообще, свою деревенскую бытность Наталья всегда вспоминала без особой теплоты. Даже то, что это было время детства, школьные годы, ранняя юность, иными словами, всё то, что выходит на первый план, когда человек ностальгирует по прошлому, — даже это не делало воспоминания приятными. Почему-то ей больше вспоминалось не что-то доброе и хорошее, что несомненно тоже было, а теснота, в которой они жили впятером в маленьком доме, полати¹, на которых приходилось спать, морозные зимы с буранами, переметавшими дороги так, что ни пройти ни проехать, грязь по колено в межсезонье и прочие малоприятные детали сельского быта.

¹ Полати — настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком.

Мимо по улице, заглядывая через забор, не спеша прошёл Саня Саенко. Увидев Наталью, радостно заулыбался:

— Здорово, Наталья! — Он остановился у калитки и приветливо махнул рукой.

— Здравствуй, Саша, — вяло улыбнулась та в ответ.

— В гости приехали?

— Угу, — коротко ответила Наталья.

— Понятно, — протянул Саенко, продолжая непонятно чему улыбаться. Сам-то он был не прочь поболтать, для этого и пошёл мимо Заречневского дома. — Как жизнь-то вообще?

— Нормально.

— Ясно. — Саня, видя, что Наталья не выказывает никакого желания к разговору, несколько стушевался, замаялся. — Ну ладно, пойду я, тогда, — словно бы спрашивая разрешения, сказал он.

— Ага, счастливо, — кивнула та и отвернула голову в сторону.

И Саенко, сунув руки в карманы, пошёл дальше.

Давным-давно Наталья с Саней были одноклассниками и даже какое-то время — не то в шестом, не то в седьмом классе — дружили. Он ходил за ней хвостиком, когда она шла в школу и обратно, пару раз даже носил её портфель, но после того, как малышня начала, глядя на них, приговаривать «тили-тили тесто...», Наталья портфель Сане больше не давала и стала сторониться его. Чуть позже, когда она заканчивала десятый класс, Саенко, учившийся в то время в сельхозтехникуме, попытался было снова задружиться с ней, стал оказывать знаки внимания, демонстрируя серьёзность своих намерений, но Наталья резко осадил его и на этом дело закончилось, так толком и не начавшись.

«Слава богу, отвёл господь от ухажёра, — думала она сейчас, посмотрев в спину удалявшемуся Саенко. — А то так и сидела б в деревне этой по сей день». Но сидеть в деревне Наталья не собиралась никогда. По крайней мере уже с пятого класса, когда они съездили однажды от школы на экскурсию в областной центр, она чётко определила для себя — как только закончу школу, так сразу же и уеду сюда, в город. С тем и жила последующие годы.

Да, честно говоря, в последнее время её и город этот уже перестал устраивать, казался не таким уж и большим, и хоть и областной был центр, но в масштабах страны, как ни крути, а всё равно периферия. Хотелось чего-то большего, чтоб театры были, музеи, красивые дома, проспекты, достопримечательности разные, возможности... Она вообще не понимала, как некоторые живут вот так вот, как её родители, как этот Саенко, как брат Андрей, почти всю свою жизнь на одном и том же месте, да ещё и в деревне. Понятное дело раньше, лет сто назад, когда попросту деваться было некуда, но сейчас-то? Что хорошего в этой деревне? Зимой печку топи, снег гребь, летом огород, сходить некуда, посмотреть нечего... Ну уж нет, такая жизнь не для неё.

Она могла бы даже укатить со своим первым мужем на ПМЖ¹ в Израиль; нашлись у него там какие-то родственники, вот он и засобирался. Наталья была уже практически готова к этому шагу, и то, что в её жилах не было ни капли еврейской крови, и то, что надо было не просто куда-то уезжать, а менять страну, гражданство, её сначала вовсе и не пугало. Но когда до отъезда оставался какой-то месяц, когда уже и документы все были почти готовы, вдруг пошла на попятную. От ставшей в какой-то момент не абстрактной, а вполне осязаемой мысли, что она уедет так далеко и насовсем, ей сделалось настолько страшно, что, как ни увещевал её супруг, какие только доводы ни приводил, она упёрлась и осталась в Союзе. Она сама тогда толком не могла объяснить почему осталась: может, из-за того, что вдруг не умом, а сердцем почуяла, что там, куда она собралась, всё совсем другое — другой язык, другая вера, другие люди, другой климат; может, из-за того, что Валерка тогда был совсем ещё маленький, в школу даже не ходил; может, испугалась предстоящего разговора с родителями, которых к тому времени ещё даже и не известили о предстоящем отъезде на землю обетованную, а может, всё это вместе взятое. И как часто бывает в таких случаях, потом уже, когда переиграть ничего было нельзя, спрашивала себя: «А вдруг сглупила, вдруг и надо

¹ ПМЖ — постоянное место жительства.

было ехать? Вон их сколько туда уехало, и ничего, живут как-то же. Да и не «как-то же», а вполне себе неплохо живут».

Впрочем, сильно она ни о чем не жалела, так как свой второй брак — с Юрием, считала довольно удачным. Во всяком случае, для немолодой уже женщины с двумя детьми — даже очень и очень удачным. Юрий, конечно, тоже не молоденький уже был, и алименты платил на ребёнка от первого брака, но с его материальным положением он вполне мог найти себе кого-нибудь помоложе, да и без детей. По крайней мере, так казалось Наталье. И, что немаловажно, с новым мужем они оказались единомышленниками в том вопросе, что сидеть на одном месте нечего, а надо стремиться к чему-то большему. И это большее в последнее время чуть-чуть даже замаячило на горизонте. Совсем чуть-чуть, но — замаячило. Дело в том, что у Юрия образовались новые связи, причём не абы где, а в самой столице, и был уже даже разговор, что, дескать, хорош в Сибири своей сидеть, надо бы на простор выбираться, туда, где решаются все дела, где больше перспектив и возможностей, и где крутятся все деньги. И если всё это получится, то и сына проще будет в МГИМО пристроить, да и вообще — Москва она и есть Москва. Но говорить об этом открыто было пока ещё преждевременно, боялись вспугнуть, сглазить. Поэтому молчали, и даже при Валерке речи об этом не заводили.

Вот и сидела сейчас Наталья на крылечке родительского дома, а мыслями была далеко-далеко отсюда, даже не слышала, как разговаривает мать с курицами в стайке, как ходит в сенках отец, как бренчит цепью в огороде Амур и как сосредоточенно гудят на цветах пчёлы.

Юрий пришёл к восьми. Видно, что выпивший, но на ногах стоял крепко. К этому времени успели поужинать и почти управились по хозяйству: Клавдия подоила корову, покормили овечек, собаку, а Матвей с Валеркой полили почти все грядки, остались только огурцы. Когда Валерка вернулся домой, мать было накинулась на него, но Матвей заступился за внука, и Наталья, махнув рукой, отстала. Сейчас Валерка черпал из бочки вёдрами воду, подносил к огуречной гряде, а дед ковшом поливал под корень вялые плети.

Юрий, войдя во двор, тяжело опустился на крыльцо и протяжно зевнул. Наталья, которая с матерью в это время была дома, услышав, как хлопнула калитка, вышла на улицу:

— Ну как, отметили приезд?

— Слушай, а чая у них нету? — вместо ответа спросил жену Юрий. — Я бы сейчас чайку сладенького попил.

— Сейчас сделаю. — Наталья ушла обратно в дом и через пять минут вынесла большую кружку горячего чая. — На, держи. Только осторожнее, кипяток.

Юрий, подув на чай, сделал пару осторожных глотков и удовлетворённо кивнул. Следом за дочерью из дома на крылечко тихонько вышла Клавдия — не нужно ли зятю ещё чего-нибудь? Тот тяжело вздохнул, снова отхлебнул из кружки, усмехнулся и сказал с ухмылкой:

— Ну и балбес всё-таки этот Андрюша ваш.

— Ой, господи, — пробормотала Клавдия. Страдальчески сморщив лицо, спросила: — Чего он там?

Юрий оглянулся на тещу:

— Пардон, мамаша, не заметил вас.

— Чего случилось-то? — хмуро спросила Наталья.

— Да... — муж лениво махнул рукой. — Там в магазине ещё мужик какой-то к нам прибился. Братик твой сказал, что друган его, Иваном кличут. Вот... Ну, короче, две бутылки коньяка взяли, посидели, думал, всё, хватит, а ему мало. Пристал ко мне — пошли ещё возьмём, да пошли ещё возьмём. Кое-как отвязался.

— Ой, господи, господи... — снова зашептала Клавдия, качая головой.

— Ты представляешь, — Юрий посмотрел на жену, — у них тут «Белый аист» свободно стоит. Я аж обалдел. В городе днём с огнём не найдёшь, а тут, в дыре этой — пожалуйста. Спросил у продавщицы, говорит, завезли недавно пару ящиков, да никто не берёт, дорого, и не пьют тут у них такого. Во дела...

— Ну так у них тут снабжение-то другое, тут же геологи. Оно и раньше так было. В городе нету, — ту же тушёнку возьми или молоко сгущённое, — а тут было, завозили. Даже сапоги финские как-то выбрасывали, дублёнки.

— Ну, так это раньше. Я думал, сейчас-то везде всё одинаково. Завтра домой поедем, надо будет остановиться

у магазина, взять бутылок десять про запас, я попросил на всякий случай, чтоб оставила.

Клавдия помялась с ноги на ногу, спросила:

— Так, а Андрей-то чего?

— А? Кто? — Юрий, повернувшись всем телом к теще, глянул на неё снизу-вверх. — Андрей? Да я почём знаю... Пятёрку выпросил у меня, я сюда пошёл, по деревне ещё немного прогулялся, посмотрел, чего тут у вас хорошего, а они с тем мужиком куда-то подались.

Клавдия огорчённо замотала головой и, что-то бормоча себе под нос, ушла в избу.

— Уж не говорил бы при ней, — попеняла мужу Наталья. — Чего мать лишний раз расстраивать.

— Ну уж, прямо... расстраивать... А то она его не знает.

— Ну, всё равно.

Юрий поморщился:

— А-ай... — Повертел головой по сторонам. — А Валерка где? Не нагулялся ещё, что ли?

— Да в огороде он с дедом. Грядки, кажись, поливают.

— Понятно. Воспитание трудом. Ну что ж, дело хорошее. Пойду тоже в огород схожу. Надо посетить одно ма-аленькое помещеньеце. Мадам, вы не возражаете?

— А если возражаю, так не пойдёшь? — усмехнулась в ответ Наталья.

— А если вы против, так я могу прямо здесь, — муж показал рукой на двор.

— Иди давай... Здесь...

Юрий засмеялся:

— Шучу, шучу. — Грузно поднявшись, он пошёл в огород.

Валерка с Матвеем к тому времени уже сделали все огородные дела. Старик сидел на своём чурбаке у столярки и смотрел, как внук играет с Амуром. Увидев зятя, спросил:

— Ну как? Посидели?

— Посидели...

Юрий, сходя в туалет, вернулся, повертел головой в поисках, на что бы присесть.

— Вон, за грядкой огуречной табуретка стоит, ежели сесть хочешь, — показал рукой Матвей, догадавшись о желании зятя.

Тот взял табуретку, вынес на дорожку и сел. Хоть и не сложился у него с тестем разговор днём, но сейчас, после того как выпил, у Юрия снова появилось желание немного поболтать.

— Так что, папаша, вот такие дела... — сказал зять и поцокал языком.

Старик удивлённо посмотрел на него:

— Какие дела?

— Кирдык, похоже, социализму вашему приходит, — криво усмехнувшись, зять глянул на Матвея.

Тот посмотрел в мутноватые глаза Юрия:

— Это почему ж он мой?

— Ну а чей? Вы ж его строили.

— А ты не строил? Сам же говоришь, пять лет только до пенсии осталось. Вон сколь, выходит, строил.

— Не, папаша, я ничего не строил, — помотал головой Юрий.

— Ну так и я не строил. Жил да жил себе.

— Ну да, ну да... — Зять сорвал травинку, взял в зубы. — Жили-были и приплыли... — задумчиво произнёс он, глядя себе под ноги. — А социализму всё равно кирдык приходит. Не оправдала себя идея-то, не оправдала. Вон, в газетах-то чего пишут. Вся верхушка ворует. Прогнило всё насквозь, номенклатура... Дворцов себе понастроили, привилегии сплошные. В Средней Азии как были эти... как их... баи, так и остались. Вон, Гдлян с Ивановым¹ разворошили гнездо, так их самих потом прищучили. Мафия кругом! Ну ничего, Ельцин придёт, он им всем покажет.

— Ельцин? А он чего — из другого теста сделанный?

— В смысле — из другого теста?

¹ Т. Х. Гдлян и Н.В.Иванов — следователи Генпрокуратуры СССР, руководившие в 1980-х годах расследованием уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях, выявленных в Узбекской ССР.

— Сам же говоришь, верхушка ворует, а Ельцин-то твой кто — не верхушка?

— Не, он другой, — возразил зять, по-прежнему вертя в зубах травинку.

— Ну да... Был бы другой, так не был бы в верхушке этой.

— Гм... — Юрий усмехнулся. — Не знаю, не знаю... — Поднялся с табуретки, подошёл к бочке с водой. — Папаша, вода чистая?

— Из колодца натаскана да с дождей набралась. А чего делать собрался? Ежели пить, так не посоветую, лучше в избу сходи.

— Да нет, умыться хочу. — Зять скинул рубашку, обнажив полный белый торс с обвислыми грудями, зачерпнул ладонями воды и энергично растёр лицо, обтёр шею. — Бр-р... Хорошо.

— Так, значит, говоришь, власть виновата, что, как ты выражаешься, кирдык социализму приходит? — спросил Матвей.

— Ну а кто ещё? Рыба всегда с головы гниёт. — Юрий стряхнул с головы капли воды.

— А народ не при чём?

— А чего народ?

— Народ не воровал? Только начальство?

— В смысле?

— Чего «в смысле»? В прямом смысле. Ты говоришь, власть проворовалась, а я тебя спрашиваю, народ-то не воровал? Не тащили с работы, кто что мог?

— Ой, да бросьте вы... Может, и тащили, да сколько там работяга утащит?

— Один немного, а миллионы? Что, не так, что ли? А то начальство у вас всегда виновато. Все хороши.

— Матвей Иванович, а чего вы их защищаете? Вы же, насколько я знаю, сами в начальниках никогда не ходили.

— А при чём тут это? Ты по совести думай, а не как бы себя получше выгородить. У нас, вон, в леспромхозе только ленивый тёсу мимо конторы не уволок. Бутылку-две поставят кому надо, и готово. Зина, вон, соседка напротив живёт, так про сына своего сказывала. Он у ей на мясокомбинате работает,

так килограммами каждый божий день тащат. Одних ловят, содят, а другие всё равно тащат.

— Так, начальство-то ещё больше тащит! Они тысячами, десятками тысяч воруют, вагонами! Чего вы о людях? У людей и так ничего нет, вот и тащат.

— А может, наоборот — тащат, потому и нет ничего? И начальство твоё... Оно откуда берётся? С луны, что ли, на землю падают? Тот же народ оно и есть. Пока он в простых ходит, так ничего ещё кажется, а как чуток приподнимется, смотришь — и не узнать. Так что, ты, зять, прежде на себя посмотри, а потом уж про «кирдыки» рассказывай.

— А чего я? — Юрий снова надел рубашку, сунул руки в карманы.

— А того, что, если б ты хлястики к ботинкам своим сразу пришивал да продавал бы их по нормальной цене, а не потом втридорога, так, может, оно и лучше было бы. И дефицита не было бы, и никаких «кирдыков». Если б честно все работали.

— Матвей Иванович, вы опять начинаете? Дались вам эти хлястики, ей богу! Рассказал на свою голову... Давайте не будем, а то точно поругаемся. — Зять подошёл ближе к тестю. — Дефицит у нас и до кооперативов был, так что... Не надо всё на меня валить. И вот скажите, а вы сами за свою жизнь с работы так-таки ничего и не утащили? Ни гвоздика не взяли?

Матвей серьёзно посмотрел на зятя:

— Нет, не утащил.

— Ну, тогда вы уникам. — Юрий развёл руками. — Или святой, прямо.

— При чём здесь святой? Совесть иметь надо, вот и всё.

— А-ай... — Зять безнадёжно махнул рукой. — Опять про совесть свою. По-вашему, выходит, я бессовестный, так, что ли?

— А это ты уж сам думай.

— Ой, ладно! — Юрий поморщился. — Всё, хватит...

Матвей умолк. Ему вдруг стало грустно, он отвернулся и опустил голову.

Валерка, игравший всё это время с Амуром, наконец оставил собаку и, вымыв в бочке руки, спросил:

— Дед, а когда на рыбалку пойдём? Я хоть завтра готов.

— Завтра-то уж, поди, не надо. Надо будет сперва гостей проводить, удочки поправить, леску новую твою поставить, потом уж. На неделе сходим.

— На лодке?

— Можно на лодке.

— Или на Звониху?

— Да куда душа попросит, туда и пойдём.

Юрий, стоявший тут же, протяжно зевнул:

— Ладно, рыбаки, мечтайте, а я пошёл. Спать пора ложиться. — Он повернулся идти, но взгляд его упал на стоявший у столярки мешок с консервными банками. — А вот, кстати... Я ещё в прошлом году его заприметил, да только не сказал тогда ничего. — Юрий ткнул пальцем в мешок. — Там же у вас банки консервные? Только сплющенные. — Зять подошёл, попробовал мешок на вес. — Килограмм семь-восемь будет, не меньше. Это за сколько же лет вы столько накопили, а? При этом, насколько я успел понять, сами вы консервами не питаетесь, так?

— Так, — подтвердил Матвей.

— Ну вот. Где ж вы тогда столько их набрали? Значит, всё же стащили где-то? — ухмыльнулся Юрий. — А говорите, нигде ничего не взяли.

— Ну да... Банки вот стащил, — кивнул старик.

— Ну вот видите. А зачем они вам, кстати? В металлолом сдавать, что ли, собрались?

— Может, и в металлолом.

— Вот то-то же! Так что, не надо, папаша, мне тут рассказывать. — И, назидательно помахав указательным пальцем, Юрий направился в дом, но потом остановился. — Кстати, — обернулся он к Матвею, — не примут их у вас в металлолом. Такую жёсть не принимают, слишком тонкий металл, из него потом ничего не сделаешь. Так что, зря вы их... того... — И зять пошёл дальше.

— Дед, а правда, откуда у тебя столько банок этих? — поинтересовался Валерка. — Ты ж не стащил их.

— Да так... Нашёл как-то в лесу и домой вот принёс.

— А чего тогда дяде Юре так не сказал?

— Да он бы всё равно не поверил. Ладно, бог с ним, с дядей Юрой... Может, тоже в избу пойдём, а? — глянул дед на внука.

— Да светло ещё. — Валерка сел на табурет, на котором до этого сидел отчим. — Давай ещё посидим.

— Ну давай посидим. Пусть они там пока укладываются.

На деревню опускалась вечерняя прохлада. В наступивших сумерках угасли звуки дневной суеты, и только в нагретой за день траве по-прежнему звонко стрекотали кузнечики, а из-за того, что вокруг сделалось тихо, казалось, что стрекочут они как-то особенно громко. В стайке протяжно замычала Дочка. Амур, лежавший возле будки, вдруг вскочил и, подняв уши торчком, уставился в конец огорода.

— Кто там? — спросил его Матвей и ответил сам себе: — Кошка, наверное, ходит. Ладно, — старик поднялся с чурки и потрепал внука по голове, — пошли, а то потеряют нас с тобой.

Глава 4

Андрей с серьёзным лицом сидел в прихожей у окна, перед ним на столе стояла эмалированная кружка с чаем, в вазочке из синего стекла лежали пряники. После их посиделок с Юрием прошло уже дней десять. Тогда, на следующий день в понедельник, он на работу явился только к полудню. После того как Юрий ушёл, они с дружкой Неустроевым Иваном продолжили гулеванить. Прошатались по деревне допоздна, домой Андрей заявился уже во втором часу ночи, ну и, естественно, наутро проспал. Однако с тех пор он капли в рот не брал.

Сейчас Андрей в обеденный перерыв заехал на мотоцикле к родителям занять денег и заодно пообедать. Матвей сидел тут же, за столом, вертел в руках коробок спичек.

— По старым бы временам тебя вмиг с работы турнули, а то и загремел бы за прогулы куда подальше, — сказал отец, искоса глянув на сына. — А нынче цацкаются с вами, как с дитярами малыши.

— Бать, да ну ладно... хорош, чё ты... — сын болезненно поморщился и отхлебнул чая.

Клавдия молча что-то делала на кухне, брякала там посудой.

— Сказал же, не буду пить, значит, не буду. Всё, в завязке я! — Андрей решительно рубанул ладонью воздух. — С директором вчера говорили, обещал с понедельника на трактор вернуть. С двадцать пятого числа косить уже хотят начинать.

— Не рано?

— Так, нынче трава хорошо прёт. Теплынь да дожди — слава богу! Как на Собанцево-то ехать, где поля идут за сосняком, там, говорят, травища уже чуть не с метр вымахала.

— Ну, дай бог. — Матвей положил коробок на стол. — На тебя-то нынче можно рассчитывать? Косить-то.

— Бать, ну чего ты спрашиваешь, конечно. Только вы когда хотите?

Старик пожал плечами:

— По погоде будем глядеть, но не раньше Петрова дня, думаю.

— Ну и всё! Помогу. Да я трактором накошу, чего руками-то махать.

— Ладно, загадывать пока не будем, далёко ещё, сперва дожить надо. — Матвей встал, подошёл к ходикам, подтянул гирю. Спросил сына: — Сколько там на твоих? Наши, кажись, отстают.

— Так, а те-то, которые мы тебе на день рождения подарили? Они-то идут? Глянь там, да и всё.

— Да я всё забываю, что у нас там тоже сейчас часы висят. Скажи уж сам.

Андрей глянула на свои наручные часы:

— Ну да, опаздывают ваши малёха. На моих без пятнадцати два, а на ваших тридцать пять ещё.

Матвей подвёл минутную стрелку вперёд:

— Там, поди, уж пыли в них... По-хорошему, так снять бы да почистить надо.

— Бать, ну так чего? — Сын просительно глянул на отца. — Займёте?

— Сколько, говоришь, надо вам?

— Да тридцатки всего и не хватает. Танька давно уже эту «Малютку» хочет. Да она и стояла-то раньше сороковник всего, а с весны уже сотню, в два с лишним раза подорожала. Если сейчас эту стиралку в магазине не возьмём, то потом вообще неизвестно чего будет. А на базар ехать, так там цены сам знаешь какие.

— Откуда я знаю. — Матвей, продолжая стоять, привалился плечом к дверному косяку.

— Ну... — сын поморщился, — три цены, как минимум, а то и больше.

— Она-то сама на работе сейчас? Татьяна.

— Да на работе, где ещё. Так она сама бы и пришла, да не успевает просто, вот меня и попросила, чтоб заехал. Говорю же, если сейчас не взять, то поздно будет.

Старик кхекнул в кулак и ушёл в комнату. Открыл шкаф, достал спрятанный за стопками белья кошелёк, вынул три десятирублёвые купюры, вернулся в прихожую и положил их на стол перед сыном:

— Держи.

— Спасибо, бать, — кивнул Андрей. — Мы это... с получки обязательно вернём.

— Да молчи уж... Вернёт он. С каких шишей возвращать-то будешь? Сколь за июнь-то получишь в коровнике своём? Копейки.

— Ну как... — смутился сын. — Всё равно.

— Не надо ничего возвращать, но только сразу тебе скажу: узнаю, что на водку пустил — лучше больше не приходи. На порог не пущу!

— Бать, ну ты чё, ёлки-палки! Обижаешь. Я же сказал, завязал, значит, завязал!

— А вот ты, Андрюха, хочешь — обижайся, хочешь — нет, да только сам веру-то к себе подорвал. Сколько раз уже зарекался, а толку? До седых волос дожил, внучка уже есть, а... — Матвей в сердцах махнул рукой, снова сел к столу. — Илюха-то пишет? Как там они? — спросил об Андреевом сыне, жившем с женой и дочкой в райцентре.

— Да пишет реденько. Так-то вроде ничего живут, да жалуется, что в магазинах пусто. Ну и цены... Как в апреле-то задрали... Спрашивал насчёт картошки да морковки, а у нас

у самих с прошлого-то года с гулькин нос осталось. Ведра три от силы, самим до новой только дотянуть. — Андрей хмуρο взял со стола червонцы, свернул вчетверо и положил в нагрудный карман рубахи.

— Прибрал бы получше, а то выпадут.

— Да я сейчас сразу к Танюхе на работу заскочу, отдам ей.

— Вот это правильно.

Клавдия до этого не вмешивалась в разговор, но тут вышла из кухонки в прихожую.

— Старик, — обратилась к мужу, — у нас-то картошка есть же ещё? Пусть приедут да возьмут. Илья-то. Ведра четыре-то можем дать. И моркови со свеклой, да и капуста квашеная ещё есть. Несколько банок-то пусть возьмут.

— Да не жалко, — Матвей пожал плечами, посмотрел на сына. — Напиши Илюхе, ежели будет оказия какая, так пусть приезжает да возьмёт. Да хоть и на автобусе, не шибко далёко.

— Ладно, — кивнул Андрей, — напишу сегодня.

В сенях стукнуло, и через секунду запахнулась избная дверь. С большой сумкой зашёл Валерка, — его отправляли в магазин — поздоровался:

— Здравствуйте, дядя Андрей!

— Привет! — Андрей улыбнулся, протянул племяннику руку. — Ну как отдыхается-то? Чего к нам не заходишь? Разок всего и был. Телевизор, если когда посмотреть, так не стесняйся, приходи.

Валерка поставил сумку возле двери.

— Да некогда всё, дядя Андрей!

— Ишь ты занятой какой! Чего делаешь-то?

— Так это... то со Славкой гуляем, с Комлевым, то, вон, деду с бабой помогаю, то на рыбалку... Два раза уже ходили. На Звонику раз, да на пруд второй. Три дня назад, когда дождь-то был. Вымокли все...

— Ой... рыболовы... — Клавдия вышла с кухни, взяла принесённую внуком сумку. — Вот правду говорят: что старый, что малый.

— Ба, ну ты не понимаешь ничего! — Валерка выразительно скривил губы и ушёл в комнату, где, взяв книгу, завалился на диван.

— Ну конечно, ничего я не понимаю, — пробурчала старуха и глянула на сына. — Ты чай-то пошто не допиваешь? Пей, пока совсем не остыл, да пряники ешь. Тарелкой-то супа одной шибко сыт не будешь, а картошка ещё не готова у меня.

— Да ничё, я наелся.

— Кого наелся-то? Ничего не поел толком. И так, вон, худющий какой. Есть-то не будешь, так вовсе отощаешь. — Клавдия, шаркая тапками, снова ушла на кухню, стала мешать в сковороде: оттуда послышалось шкворчание и пошёл запах жареной картошки.

Матвей проводил жену взглядом, спросил сына:

— Ты случаём не знаешь, геологи как в Петенёвку ездят?

— В Петенёвку? А зачем тебе туда? — поднял брови Андрей.

— Да не туда... Хотим вот с Валеркой на пруд в Колбику съездить. Мужики чего-то шибко уж нынче хвалят. Кто ни поедет, так налавливают.

— А-а... Ну так они от конторы гэрэповской¹ каждый вторник на вахтовке туда мотаются. На «газоне» шестьдесят шестом². В семь утра, кажется. А обратно вечером, поздно уже.

— Да обратно-то мы на автобусе бы доехали. На рейсовом.

Сын согласно кивнул:

— В принципе, можно. Да, он часа в два там идёт.

— Может, ты нас как-нибудь в выходной на мотоцикле бы свозил? Сам бы с удочкой посидел.

— Не, батя, боюсь, не получится. Если на трактор сейчас сяду, там без выходных-проходных вкалывать придётся.

— Ну да... Ладно, тогда с геологами, может, соберёмся. Охота всё же попробовать, давно я там не был.

— Попробуйте, — Андрей протяжно вздохнул, хлопнул руками себя по ляжкам и поднялся. — Ну ладно... Наелся, напился, спасибо за угощение, мне пора. К Татьяне ещё надо успеть заскочить, да на работу. Мам, я поехал!

Из кухни выглянула Клавдия:

¹ ГРП — геологоразведочная партия.

² Автомобиль ГАЗ-66.

— Не поел толком-то ничего... Ну, ступай уж с богом. — Она мелко перекрестила сына в спину.

Матвей тоже поднялся, взял с вешалки шляпу, пошёл следом за Андреем. Вышли за ограду.

— Ладно, бать... Спасибо ещё раз, что с деньгами выручили. — Андрей надел каску, сел на мотоцикл.

— Брось... Не чужие. Ну давай, путём-дорога. Татьяне поклон передавай.

Сын завёл мотоцикл и, кивнув на прощание отцу, уехал. Тот, приложив козырьком ко лбу ладонь, проводил его взглядом, потом присел на лавочку.

— Деда Матвей, — услышал он женский голос, — пляшите!

Повернув голову, старик увидел Ленку Паутову с сумкой на плече. Улыбаясь, та шла по улице и махала конвертом.

— Сегодня, прям, пёкло, — пожаловалась почтальонка, подходя ближе. — И парит. Опять дождь, наверное, ночью будет.

— Чего там? — кивнул Матвей на конверт, который Ленка по-прежнему держала в руках.

— Да письмо вот вам несу. Ну и «Знамёнка» ещё. — Она протянула конверт с газетой.

Дед взял письмо, прищурившись, взгляделся в обратный адрес:

— Не разберу ничего. Глянь, откуда?

Ленка назвала адрес отправителя.

— А-а... От Бориса, значит. Ну ладно, — Матвей поднялся с лавки, — в избу пойду, дам Валерке, пусть прочитает.

— До свидания, деда Матвей! — почтальонка улыбнулась и размашистой походкой зашагала дальше.

— Как жених-то твой? Пишет? — спросил вслед старик.

Ленка остановилась, живо повернулась на пятках, заулыбалась ещё шире.

— Ага! Чуть не каждый день письма шлёт! — Глаза её светились от радости. — Пишет, что скучает.

— Ну и ладно... Бог даст, всё хорошо будет, — тоже улыбнулся Матвей.

— Но как подумаю, что два года ещё... — улыбка слетела с Ленкиного лица и она жалобно скривила губы.

— Ничего... Два — не двадцать пять, как ране-то служили. Пролетят, и не заметишь. Ну, беги с богом.

— Ага, до свидания! — почтальонка снова заулыбалась и потащила свою тяжёлую сумку дальше.

Зайдя в сенки, Матвей бросил конверт на стол, подумав: «Потом прочитаем, после обеда. Пойду пока тяпки наточу, а то картошку уже протяпать надо будет».

Картошка взошла, но вперёд неё повылазили сорняки, из-за которых картофельную ботву было и не видать. «Что путнее бы так росло», — думал старик, глядя на осот да на пырей, поднимавшиеся над посадками. Взяв массивный напильник с крупным зубом, он вытащил из-под крыши в бане две тяпки и стал затачивать их, положив на верстак. Через пять минут прибежал Валерка.

— Дед, пошли обедать, баба зовёт! — позвал он Матвея.

— Садитесь пока без меня, ежели шибко голодные, я чуть попозже приду, тяпки сперва заточу.

— А ты долго?

— Да минут пять, десять.

— Ладно, мы тебя подождём! — крикнул внук и убежал обратно.

После обеда Матвей прилёт на кровать отдохнуть. Клавдия, убрав со стола и вымыв посуду, тоже пришла в комнату, легла на диван. Валерка, севший с книгой у стола, глянул на старика:

— Дед, ты не спишь?

— Нет, — отозвался тот. — Чего хотел?

— Сразу забыл тебя спросить, ты с дядей Андреем говорил чего-то про Колбиху.

— Ну да, спрашивал.

— Ну и чего?

— Говорит, геологи по вторникам туда ездят.

— Так, давай, может, в этот вторник и маханём? Сегодня четверг, это через четыре дня, получается.

— Надо картошку сперва протяпать, а то травища прёт, ботвы не видать.

— Так чего мы, не управимся за это время, что ли?

— Я ещё пчёл вчера смотрел, с двух ульев можно мёд уже качать. Тоже хотел на днях заняться, ежели погода даст. Главное, дождя чтоб не было.

— Ну ты мёдом занимайся, а с картошкой я сам управлюсь, — поёрзал на стуле внук.

— Да кого ты сделаешь-то один... — с сомнением отозвался Матвей.

— Ну не один, так с бабой вдвоём. А чего?

Старик вздохнул:

— Поглядим. — Помолчал немного, размышляя, потом добавил: — Ладно, давай попробуем, съездим в этот вторник. Ой, слушай-ка! — Он, скрипнув кроватью, повернулся к внуку. — Я там в сених конверт оставил, на столе. От Бориса письмо пришло. Ты возьми да прочитай-ка чего пишет.

Старший сын писал, что у них всё по-старому, всё в порядке, все живы-здоровы. Сообщал, что с середины августа выходит на пенсию, и обещался либо в конце того же августа, либо в начале сентября приехать в гости.

Глава 5

В понедельник после обеда стали готовиться к рыбалке. Съездить в Колбиху, это не на Звонихинский пруд сбежать. Хоть и был Колбихинский водоём не особо далеко, всего-то километрах в десяти, но бывали там нечасто, поэтому и отношение к такой поездке было соответствующим.

— Дед, мы же с лодкой поедem? — спросил Матвея Валерка.

— Конечно, — кивнул тот. — Чего там на берегу-то сидеть? Если уж собрались, так с лодкой надо.

— А зачем тогда две удочки берёшь? — внук кивнул на бамбуковые удилица, которые старик поставил в сенках в угол.

— Как зачем? — Матвей удивлённо пожал плечами. — На две-то больше наловить можно, чем на одну.

— Ой... — недовольно нахмурился Валерка. — Когда вдвоём на лодке, то с двумя удочками неудобно. Они у тебя путаются вечно. Клевать будет, так и на одну наловить можно.

— Ничего у меня не путается, — отмахнулся старик.

Днём он накачал в огороде лодку и тщательно осмотрел её, прикладывал к тугим бортам ухо, прислушиваясь, не пропускает ли она где воздух. Проверил на просвет дно: нет ли трещин, иных повреждений, через которые может поступать вода. Убедившись, что всё в порядке, аккуратно свернул лодку и убрал обратно в мешок.

Ближе к вечеру пошли копать червей в дальний конец огорода, туда, где была сделана загородка для сена. Тут у деда с внуком тоже не было единства: Матвей старался набрать червей покрупнее, потолще, а Валерка наоборот — поменьше, поаккуратней.

— Как таких червей на крючок-то насаживать?! Здоровенные, как... как змеи, прям ... — горячился внук. — Сползать же всё время будут.

Дед спокойно возражал:

— Ничего ты не понимаешь. На большого червя и рыба большая клевать будет.

— Большая рыба и маленького червя съест, а вот если её там нет, большой-то, так рыба поменьше такого слона и заглотить не сможет. Будет только мусолить и всё, — приводил свои доводы Валерка.

— Ничего... — бормотал старик, выворачивая очередной ком земли и разбивая его лопатой. — Вот две-то удочки как раз и сгодятся. На одну покрупнее червя насадить — для большой рыбы, на другую — поменьше.

Вечером, управившись по хозяйству, поужинав и сварив пшённой каши на прикорм, сидели на крыльчке. Клавдия, вымыв после перегонки молока сепаратор, вынесла его сушиться на улицу. Посмотрев на сидящих рядом деда с внуком, пробормотала тихонько:

— Ой, рыбаки, рыбаки... Смотрите аккуратней там, с лодкой-то. Не потоните.

— Ба, да всё нормально будет, не переживай, — заверил её внук, потом спросил деда: — Может, будильник завести, а? На всякий случай, чтоб не проспать.

— Да не надо, так встанем. Сейчас уж в четыре часа светло делается.

Наутро пошли в половине седьмого, аккуратно, когда выгоняли скотину в стадо. Дочка неторопливо вышла из стайки на улицу; овцы, которых остригли около недели назад, суетливо выбежали следом. Без шерсти они смотрелись непривычно маленькими, худыми, и от утренней прохлады их била мелкая дрожь.

— Мási, máси, máси... — тихонько приговаривала Клавдия, идя следом и ласково поглаживая овечек. — Давайте, мои хорошие, бегите.

Улица наполнялась мычанием, блеянием, глухим топотом сотен копыт. Раннее июньское солнце к этому времени уже поднялось и тысячами искр отражалось в капельках росы, густо покрывшей мелким бисером траву.

Валерка энергично взвалил на спину мешок с лодкой, Матвей повесил на плечи рюкзак и взял удочки.

— Когда вас ждать-то? — поинтересовалась Клавдия.

— На двухчасовалом хотим обратно, на рейсовом. Ежели всё нормально будет, так часам к трём должны быть. Может, и раньше, как получится. — Матвей поправил шляпу, проверил, застегнуты ли пуговицы на рыбацкой куртке.

— Ладно, идите с богом. — Старуха перекрестила внука со стариком, и те, не оглядываясь, пошли по улице прочь.

Фёдор Гуменников, проводивший в стадо бычка, стоял у своей калитки, курил.

— Доброго здоровьица, рыбаки, — улыбнулся он, приподнимая кепку.

— Здорóво, Лукич, — кивнул в ответ старик.

— Здравствуйте, деда Федя, — поздоровался Валерка.

— Далéко вы? — спросил Гуменников.

— Да вот в Колбиху хотим съездить, — не останавливаясь ответил Матвей.

— Собрались всё же? Молодцы. С гэрэповскими?

— С ними.

— Расскажите потом, как там оно.

— Расскажем, съездить сперва надо.

На длинной лавке у конторы геолого-разведочной партии сидело уже несколько человек, тут же стоял КУНГ — ГАЗ-66 с будкой вместо кузова. Некоторых из сидевших на лавке Матвей знал, некоторые были ему незнакомы.

— Утро доброе, — слегка наклонил он голову, когда они с Валеркой подошли ближе. — Возьмёте попутчиков до Колбихи?

— Здорово, дед Матвей, на рыбалку, что ли, собрался? — улыбнулся ему, затянувшись беломориной, Просвирина Илья, крепкий широкоплечий мужик средних лет.

— Да вот охота бы съездить... — Матвей оперся на удилица. — Нынче не бывали ещё там.

— Не сидится дома-то? — поддержал разговор другой знакомый.

— Так чего в избе-то сидеть, — Матвей слегка пожал плечами. — Да и внук, вон, просится, — он повёл головой в сторону Валерки. — Пока на каникулах гостит.

Валерка покосился на деда и подумал: «Ага... Внук просится... Сам готов вперёд меня в Колбиху эту бежать».

Чуть в стороне сидел не на лавке, а на корточках незнакомый Матвею болезненно худой, костлявый, довольно молодой ещё парень с белёсыми, словно выцветшими глазами и с синими наколками на пальцах. Сплюнув сквозь зубы, он криво ощерился:

— Ох, дед, рискуешь...

Матвей посмотрел на него:

— Пошто?

— Так... дело известное — ты из хаты, сосед в хату... — хохотнул парень. — К бабке-то быстро хахаль прибежит, пока ты там рыбку ловишь, а? — он снова хохотнул и весело глянул на остальных.

Старик погладил рукой бороду и, чуть помедлив, спокойно сказал:

— Глупый ты, паря.

Ухмылка слетела с лица парня с наколками.

— Чего, чего? — он недобро прищурился.

— Чего слышал. Я тебе в деды гожусь, а ты мне про старуху мою похабщину всякую несёшь. Кто ж ты в таком разе?

— Слышь, дед, ты за базаром-то следи. — Парень снова сплюнул, в голосе его послышалась лёгкая угроза. — Я ж не посмотрю, что ты...

— Ну-ка, хорош! — прикрикнув, перебил его Просвирина. — Ты сам за своим базаром следи, понял?

Сидевший на корточках умолк и с недовольным видом отвернулся в сторону.

— Ну так чего, — снова спросил Матвей, — до Колбихи-то доведёте?

— Да конечно довезём, дед Матвей, чего спрашиваешь. — Просвирин поднялся с лавки, затушил о подошву сапога папиросу и бросил её в ведро, служившее урной. — Место есть, так что... согласно купленным билетам, — усмехнулся он.

Через пару минут из конторы вышел старший, все загрузились в машину и поехали. Шофер почему-то поехал не по гравийке, а по шедшей вдоль неё грунтовке. Трясло тут, может, чуть поменьше, но зато пыль лезла в КУНГ во все щели, мельтешила мелкими звёздочками в жёлтых лучах солнца, пробивавшихся в будку сквозь грязные мутные окошечки под потолком.

У озера шофёр остановился, и Матвей с Валеркой сошли. Солнце к этому времени поднялось уже довольно высоко.

— Поздно уже, — недовольным тоном пробурчал Валерка, скидывая с плеч мешок с лодкой, когда они с дедом дошли до берега. — Сюда бы часов в шесть хотя бы приехать, чтоб на зорьке посидеть.

— Так, ежели не на чем раньше-то ехать, — возразил Матвей. — Чего уж сейчас. Что есть, то есть.

— Да я понимаю, только клёв уже, может, прошёл. Да и мало времени вообще остаётся.

— Ничего... — Старик развязал мешок и вывалил лодку на траву. — До часу времени полно ещё, хватит нам. На-ка вот, подушки пока надуй.

Пруд в Колбихе был намного, раз в десять, наверное, больше Звонихинского. Несмотря на то, что сегодня был будний день, по берегам виднелось довольно много рыбаков, стояло с десяток машин, человек пять-шесть рыбачило с лодок. С воды тянул лёгкий ветерок, гнавший к берегу небольшую волну.

— Слушай, дед, а давай сделаем, как у того мужика видели, а? — глянул на Матвея Валерка, когда тот, приптопывая, стал накачивать ножным насосом лодку.

— У какого мужика? — не понял старик.

— Ну когда на наш пруд-то ходили... Помнишь, там какой-то дядька приезжал, он на борта дощечку положил, а подушку уже на неё сверху, и сидел потом, как на стуле. Высоко, здорово. А то на дне сидеть неудобно, будто в яме какой: ноги затекают, да и вообще...

Матвей с сомнением пожал плечами:

— Не знаю... У того-то мужика лодка с надувным дном была. Она поустойчивее будет.

— Ну и что? Ты же на бортах сидишь.

— Так, ногами-то всё равно на дно опираешься.

— Ой, дед, да какая разница? — гнул своё внук. Надув одну подушку, он поиграл ею, подбрасывая в воздух, потом взялся за вторую.

— Нет, — Матвей покачал головой, — опасуюсь я.

— Ну, ты как хочешь, а я себе так сделаю.

Старик не ответил. Попробовал рукой упругость накаченной половины лодки, подсоединил насос ко второй половине и стал накачивать её.

— А, дед? Ну ты не против? — снова спросил внук.

— Как знаешь, — пробормотал Матвей. — Я не буду.

Валерка тут же кинулся вдоль берега и быстро вернулся с двумя палками подходящей длины:

— Вот! В самый раз будут. Под подушку положу их и всё.

Полностью надув лодку и положив в неё удочки с рюкзаком, поплыли — дед на подушке, лежащей на дне лодки, а Валерка на «табуретке», то есть сидя на этих самых палках, положенных на борта.

— Ну, господи благослови! — сказал дед, взявшись за вёсла.

Чтобы не тратить лишнего времени, решили сильно далеко не заплывать, а начать ловить у ближних, торчавших из воды, коряг. Привязавшись к ним одним бортом, собрали удочки, — Матвей две, Валерка одну — наладили снасти и забросили. Матвей кинул к поплавкам по щедрой горсти прикормки. Ветер к этому времени усилился, волна стала заметно выше, и лодку болтало с борта на борт.

— Всё, — ворчал Валерка, — сейчас точно клевать не будет, вон волна какая пошла. На нашем пруду такой и не бывает.

Матвей молчал. Проверив, как сидит на крючке червяк, он поплевал на него и снова забросил.

Через некоторое время, несмотря на волну, потихоньку всё же стало поклёвывать. Сидели уже минут сорок, и за это время выудили восемь хороших, размером покрупнее ладошки, карасей. Настроение улучшилось: если дело пойдёт так и дальше, то можно было рассчитывать на неплохой улов, главное, чтоб клёв не оборвался.

— Ну вот, — улыбнувшись, подмигнул внуку Матвей, — не зря поехали, слава богу. Оно и понятно, воды-то вон сколь, рыба должна быть. — Он повертел головой по сторонам, щурясь от ярких солнечных зайчиков, скакавших с волны на волну.

— Ага, — радостно согласился Валерка, глядя сверху то на свой поплавок, то на деды.

Палки под его подушкой от болтанки немного сбились, и он решил их поправить. Не доставая удочки из воды, мальчик слегка приподнялся на ногах и начал пододвигать деревяшки под себя. Что случилось дальше, не поняли ни он сам, ни Матвей — настолько молниеносно всё произошло. Видимо от накатившей волны Валеркина нога в какой-то момент потеряла устойчивость, и он вдруг, коротко взмахнув руками, в мгновение ока полетел в воду вниз головой.

Глубина здесь была метра полтора, может, чуть больше, но Валерка дна ногами не почувствовал. Куртка его вмиг намочила, а моментально потяжелевшие резиновые сапоги потянули вниз. Выпучив глаза и шумно отфыркиваясь, он стал отчаянно лупить руками по воде, однако Матвей проявил завидное хладнокровие. Не растерявшись, старик быстро схватил одно из своих удилищ и протянул его комлем внуку.

— Хватайся! — крикнул он, навалившись при этом всем телом на противоположный борт.

Валерка схватился. Проморгавшись, он пришёл в себя и немного успокоился. Дед подтянул его к лодке и схватил за шиворот.

— Залезай! — Матвей стал тянуть внука вверх, не забывая при этом подаваться назад, дабы не опрокинуть лодку и не свалиться в воду самому.

Валерка взялся второй рукой за резиновую уключину со вставленным в неё веслом и подтянул себя на борт. Ещё пара усилий, и он смог забраться в лодку полностью. Надувная подушка и палки плавали рядом. Схватив одну, Валерка со злостью запустил её в сторону. Матвей подобрал подушку и стал быстро отвязывать лодку от коряг.

— Гребь к берегу! — бросил он внуку, доставая из воды удочки и садок с рыбой. Тот взялся за вёсла.

Будучи ещё на берегу, они заметили поблизости одного рыбака, который, видимо, приезжал на рыбалку с ночёвкой, потому что там поднимался дымок от костра.

— Выгребайся вон к нему, — показал дед рукой на это место.

Рыбак, похоже, видел, как Валерка кувыркнулся в воду, и, сообразив, что сейчас плывут именно к нему, подкинул в костёр дров. Когда лодка причалила к берегу, огонь полыхал уже довольно сильно.

— Разболокайся¹, скидывай всё с себя! — Матвей, выбросив из лодки все вещи, перевернул её, выливая набежавшую с Валерки воду.

— Давай к костру, — позвал мальчика рыбак. — Сейчас палки вокруг воткнём и развесим твою одежду. Мигом высохнет.

Валерка, раздевшись до трусов, быстро покрылся гусиной кожей: хоть и не холодно было, но ветерок, дувший с воды, неприятно морозил мокрое тело.

— Как тебя так угораздило-то? — улыбнулся рыбак.

— Да-а... — досадливо скривил губы мальчик. — Палки на борта положил, хотел, чтоб сидеть поудобней было. Ну и кувыркнулся с них.

Мокрую одежду хорошенько выжали и развесили на колышки, воткнутые вокруг огня. Валерка, чтобы согреться, скакал рядом. Матвей снял с себя брезентовую куртку, подал ему:

— На-ка, накинь, а то простынешь ещё. — Потом посмотрел на рыбака: — Хорошо, что хоть вы тут погодились, с костром-то. А то самим бы нам нескоро...

¹ Разболокаться — раздеваться.

— Это точно, ещё минут тридцать, и я бы точно уехал, собирался уже. — Посмотрев на Матвея, он чуть прищурился. — А мы с вами, кажется, знакомы. Вы меня не помните? Вы не из Рубаново? Недели три назад мы с вами на Звонихинском пруду встречались. Меня Григорий зовут.

Старик присмотрелся, кивнул:

— Ну да, кажись, виделись.

— Вот оно как бывает, — заулыбался Григорий. — Правду говорят, мир тесен. А у меня отпуск скоро заканчивается, решил вот ещё разок на рыбалку выбраться, только сюда уже.

— Не понравилось у нас? — Матвей поправил Валеркины штаны, висевшие у огня.

— Нет, почему, — пожал плечами рыбак, — понравилось. Просто новое место посмотреть захотелось. У вас, кстати, наоборот — лучше, мусора меньше, и даже, наверное, красивее. Но — здесь воды больше, просторнее как-то, в этом тоже есть своя прелесть.

Согревшись в дедовой куртке, Валерка перестал скакать, сел на раскладной стульчик, предложенный Григорием, и смотрел на огонь, время от времени подкидывая в него сухие сучья.

— Ты давай тоже следи, чтоб не сгорело у тебя ничего, — наказал ему дед. — А то мокрое-то ещё ладно — высушить можно, а сгорит, так уж всё, не воротишь. — Он потрогал руками сохнувшие вещи, выдернул колышек, на котором висела футболка, воткнул подальше от огня.

— Давай-ка мы с тобой перекусим, пока одёжа твоя сохнет. А то не завтракали ведь ещё, — предложил внуку Матвей.

Вынув из рюкзака еду, он взял сваренную в мундире картофелину и протянул Григорию:

— Угощайся.

— Нет, нет... спасибо. Я уже поел, — замотал тот головой, отказываясь от угощения. — Лучше вы вот возьмите, а то у меня осталось, а домой везти ни к селу ни к городу. — Он залез в машину и достал несколько длинных свежих огурцов.

— Ух ты! — удивился старик. — Это такие уж вымахали?

— Да нет, это покупные, тепличные.

— А-а... А то у нас нынче огурцы чего-то не хотят расти. — Матвей взял огурец, разрезал его пополам, посыпал солью, потёр половинки одна о другую, протянул одну внуку и с хрустом откусил свою. Пожевав, помотал головой: — Не-а... вкус не тот. С грядки-то они вкуснее будут.

— Ну да, наверное, — согласился Григорий. — Но у нас дачи нет, всё покупать приходится.

Пока завтракали, Валеркина одежда почти досохла. Однако, одевшись, мальчик снова зябко поёжился: штаны с кофтой были ещё влажноватыми.

— Ты побегай ещё, побегай, — посоветовал ему Матвей. — Оно на самом-то быстрее сохнет, да и не замёрзнешь опять.

Валерка стал снова скакать вокруг костра, размахивая руками.

Старик посмотрел на часы:

— Сколько уж? Десять почти. Ну что, с лодки-то ещё будем рыбалить? — спросил он внука. — Или уж ладно, раз такое дело, на бережку посидим?

— Да ты чего, дед? — возмутился Валерка. — Поплыли, ещё же рано!

— Ну давай, часика три можно будет ещё посидеть. Ты пока удочки погляди, а я лодку подкачаю.

Через десять минут стали отплывать. Валерка, естественно, сидел уже на одной подушке безо всяких палок на бортах.

— Спасибо, мил человек, что выручил нас, — поблагодарил Матвей Григория. — Если б не костёр твой, так до сих пор бы сохли.

— Ерунда, — махнул тот рукой. — А ты, смотри, больше в воду не падай, — погрозил он Валерке пальцем.

— Не буду, — улыбнулся в ответ мальчик.

— Счастливо вам, всего хорошего! — кивнул Григорий Матвею. — Кстати, ещё раз спасибо за рыбу, что тогда мне дали. Жена дома со сметаной пожарила, очень вкусно получилось.

— Нынче-то наловил чего? — спросил Матвей, становясь одной ногой в лодку, а второй отталкиваясь от берега.

— Наловил! Штук пятнадцать точно поймал, за вчера и за сегодня.

— Ну и хорошо. — Старик уселся поудобнее и снова взялся за вёсла.

На этот раз решили рыбачить ближе к берегу, среди зарослей рогоза и кувшинок. Клевало не так уж чтоб сильно, но и жаловаться было грех: нет-нет, но то один, то другой доставали из воды карасиков, и в садке их плавало уже десятка два.

Стало совсем жарко, и Валерка, сняв куртку, спрятал её в рюкзак, дед то и дело обмахивался шляпой и вытирал со лба пот. Из прибрежных кустов доносилось кряканье уток, а над открытой водой кружили белые чайки, громко крича дико-хохочущими голосами. Время от времени они стремительно падали к воде и хватали клювами неосмотрительно всплывшую наверх и зазевавшуюся рыбёшку. По поверхности воды скользили на тонких длинных ножках водомерки, а с кувшинки на кувшинку перепархивали стрекозы с красиво переливавшимися на солнце полупрозрачными слюдяными крылышками.

Матвей глянул на часы: была половина двенадцатого. Клевать почти перестало. Утренний ветерок стих и волн практически не было, а в зарослях рогоза так и вовсе. Валерка протяжно зевнул и потянулся:

— Дед, может, ещё прикорму подбросить? Там осталось?

— Да я уж всё издержал, нету больше. — Матвей тоже зевнул, глянул на поплавок внука и тут же пихнул его ногой. — Ты чего, уснул? Клюёт у тебя!

Валерка, который и вправду отвлёкся на орущих чаек, встрепенулся и схватил удочку. Его поплавок, уходя в сторону, медленно погружался в воду. Мальчик подсёк, но леска вдруг непривычно сильно натянулась, и кто-то под водой резко повёл её в сторону.

— Ох, ё! — Валерка вцепился за удочку двумя руками и вытаращил глаза.

Увидев такое дело, Матвей заёрзал на подушке и, протягивая к внуку руки, громко зашептал враз осипшим голосом:

— Тихо, тихо, тихо... Не тащи шибко-то, не то оборвётся. Подержи его, подержи. Пусть устанет сперва.

Рыба повела в другую сторону, пошла к кувшинкам, потом к рогозу. Валерка, казалось, перестал дышать.

— Ой-ой, деда, в камыши уйдёт...

Когда леска остановилась, он аккуратно потянул на себя, и рыба подалась, медленно пошла наверх, и через несколько секунд на поверхности показалась голова здорового карася.

— Давай ко мне его сюда, — по-прежнему шёпотом сказал Матвей, — ко мне, ко мне подтягивай, сам не вытащишь.

— Деда, деда, деда... — тихо бормотал Валерка, не отводя глаз от карася. — Ты только аккуратнее.

Он медленно подвёл рыбину ближе к Матвею, карась ещё раз дёрнулся, взбурлил воду, но быстро затих, и старик, ловко подхватив его руками, поднял в лодку. Освободив добычу от крючка, он осторожно опустил её в садок и только после этого облегчённо выдохнул:

— Фу-у... Ты смотри, какие тут лапти, оказывается, водятся. Это ж грамм на восемьсот, а то и боле будет!

Валерка сидел и глупо улыбался, но глаза у него при этом счастливо сияли:

— Дед, слушай, я аж обалдел! Нет, ну ты видел, а?! Я таких карасей сроду не видывал!

— Это ещё хорошо, что ты нынче леску новую привёз, старая бы точно не выдюжила, ушёл бы, — тоже улыбался старик, глядя на внука.

Понемногу успокоились.

— Ну ладно, давай дальше-то удить. Ещё часик можно посидеть, а там и выбираться будем. Пока лодку высушим, пока до дороги дойдём, вот и будет два часа.

Обновив на всех крючках наживку, снова забросили. Время от времени оба усмехались и, качая головой, переглядывались с довольной улыбкой.

У Валерки снова клюнуло, он с азартом схватил удилице, дёрнул, но, видимо, поторопился — крючок был пуст. Минут через пять клюнуло у Матвея. Взявшись за удочку, он дал поплавку полностью уйти под воду и лишь потом подсёк. И тут уже его леска натянулась как струна, а кончик удилица изогнулся дугой. Валерка засучил ногами.

— Деда, держи! — чуть не закричал он.

Старик закусил губу, и предыдущая сцена поимки большого карася повторилась почти один в один. Только на этот раз уже Матвей осторожно подвёл рыбину к борту, а внук, аккуратно подхватив её руками, втащил в лодку. Этот карась оказался даже немного крупнее пойманного Валеркой.

Тяжело дыша, внук с дедом молча переглянулись.

— Слушай, дед, — взволнованно глотнув, пробормотал Валерка, — так можно и инфаркт схлопотать. От волнения.

— Слава тебе господи. — Матвей снял шляпу и перекрестился. — Хоть не ушли, не оборвались, а то вон ведь какие. Я таких и не помню, когда уж последний раз лавливал. Да чтоб вот так, на удочку, так, наверное, и сроду не лавливал. — Он покачал головой, вытер вспотевший лоб, потом, наклонившись за борт, прямо шляпой зачерпнул воды и жадно сделал несколько глотков. — Фу-у... Пряма, руки трясутся.

Валерка нервно хохотнул:

— У меня тоже. Слышь, дед, это нам за моё купание.

— Не знаю, не знаю...

— Дед, слышь... — И внук размеренно, торжественным тоном произнёс слышанную когда-то и переиначенную им сейчас фразу: — Рыбалка требует жертв! — он засмеялся. — Я в воду плюхнулся, а потом нам за это караси эти.

— Ага, от водяного. — Матвей вытащил из воды вторую свою удочку, первая после поимки карася так и лежала в лодке. — Слушай, может, ладно уже на сегодня? Хватит нам, поди, рыбы-то. Поплыли. Высушимся потихоньку, соберёмся, перекусим ещё... Чтоб не бегом потом бежать.

— Ладно, поплыли, — легко согласился внук. — С таким уловом можно и домой собираться.

По деревне от остановки до дома шли не спеша. Матвей пару раз останавливался, стоял, опёршись на удочки, снимал шляпу, вытирал пот и задумчиво смотрел в сторону. Если кто-нибудь попадался навстречу и спрашивал, как улов, он степенно кивал и многозначительно отвечал «Ничего, есть маленько... Слава богу», но в подробности при этом не вдавался. Валерка, пока стояли, терпеливо держал мешок с лодкой на спине, время от времени подпрыгивал на месте, поправляя тяжёлую ношу.

Ещё на пруду, пока сушили лодку да укладывали вещи, договорились о Валеркином купании Клавдии не рассказывать, а то начнёт причитать, потом с лодкой на рыбалку не сходишь. Про улов тоже решили с ходу не говорить, а дожждаться, пока сама достанет из рюкзака садок.

Когда до дома оставалось метров сто, Валерка не утерпел:

— Дед, я быстрее пойду, а?

— Ладно, беги, — кивнул Матвей.

Когда он сам дошёл до ворот, на крыльчке стояла Клавдия, о её ноги тёрся Васька. Внук, с трудом сдерживавший загадочную улыбку, был тут же.

— Ну как? — спросила Клавдия мужа. — Не зря хоть съездили-то? Полдня проболтались, голодные, поди? Спрашиваю Валерика, как порыбачили, а он молчит, не говорит ничего толком.

Мельком глянув на супругу, старик поправил шляпу, прислонил к забору удочки. Наконец сказал негромко:

— Да поймали маленько. На, доставай, — протянул он старухе рюкзак.

— Так доставай уж сам, — дёрнула плечами та. — Пошто я-то доставать буду?

— Держи, держи... Мне лодку расстелить ещё надо.

Старуха, недовольно бормоча что-то себе под нос, развязала рюкзак, достала полиэтиленовый пакет, в котором был садок. Васька, учуяв рыбный дух, просительно заорал.

— Да погоди ты, — отпихнула его ногой хозяйка.

Вынув из пакета садок, Клавдия ахнула:

— Батюшки мои! — Удивлённо глянув на внука, потом на Матвея, она невольно заулыбалась. — Это где ж вы таких взяли-то? Неужто сами выловили?

— Ну а кто ещё! — запрыгав на месте, крикнул Валерка. — Конечно, сами!

Старуха сразу как-то засуежилась, закрутила головой в поисках, куда бы вывалить из садка улов. Взяла в сенках большой эмалированный таз и выложила рыбу в него.

— Вот рыбаки, так рыбаки! Вот это я понимаю — рыбаки! Ах какие карасищи-то!

Кот, увидев рыбу, заорал пуще прежнего, потянулся лапой. Взяв самого маленького карасика, Клавдия бросила его под забор:

— На вот тебе...

Валерка, не в силах больше сдерживать эмоции, начал во всех красках рассказывать, как сначала он выловил своего карася и как потом дед поймал такого же. Чуть не проговорился про своё падение с лодки, ляпнув:

— Это нам за моё купание!

— За какое купание? — не поняла Клавдия.

— Да... это... — внук прикусил язык. — Я там сперва искупался маленько, а потом уж рыбачить поплыли. Ну это я так, просто сказал! Не обращай внимания.

Матвей, покосившись на внука, неодобрительно покачал головой и потащил в огород лодку — досушивать.

Карасей поменьше — на уху да на жарёху — Клавдия почистила и убрала в морозилку, а с крупными в этот же день испекла к ужину два пирога. И вечером Матвей с Валеркой важно сидели за столом и с удовольствием ели эти, казавшиеся им в эти минуты самыми вкусными в жизни, пироги.

Глава 6

На следующий день доедали вчерашние пироги с карасями. За ужином их целиком не осилили, поэтому ели сейчас. Вернее, доедал пироги уже один Валерка: на дворе стоял Петров пост и старики говели¹. Клавдия старалась не есть скоромное² все дни кряду, Матвей же соблюдал правила только по понедельникам, средам и пятницам, в остальные дни он позволял себе немного молосного³: съесть яичко или выпить полкружки молока. Впрочем, после удачной рыбалки и Клавдия сделала себе исключение, поев пирог с рыбой, после чего долго

¹ Говеть — поститься.

² Скоромный — запрещенный к употреблению в постные дни (о мясной, молочной пище).

³ Молосное — скоромная еда.

молилась перед сном у икон, прося у Бога прощение за свою слабость.

Сейчас, когда до Петрова дня оставалось всего полмесяца, старуха за завтраком уговаривала Матвея поститься каждый день:

— Уж две-то недели попостись как положено. Не выдюжишь, что ли?

— Да пошто не выдюжу-то? — Матвей макнул кусок хлеба в чашку с жёлто-янтарным, сверкнувшим золотом в луче солнца, мёдом и с удовольствием отправил его себе в рот, запив чаем. — Не в этом же дело. — Он стряхнул с усов хлебную крошку.

— А в чём тогда?

— В чём, в чём... Нешто Богу плохо будет, ежели я иной раз яичко съем? Куры-то каждый день несутся, так чего, выбрасывать сейчас их прикажешь, яйца-то? Они ж испортятся.

— Тьфу на тебя... — недовольно поморщилась Клавдия. — Каждый раз одно и то же. Наверное, не дураки пост-то придумали, а поумней тебя люди. Богу-то плохо не будет, он о тебе заботится, о душе твоей, а ты о яйцах переживаешь. О себе переживай.

— А чего мне переживать? Я, ежели захочу, так и вовсе могу молосного не есть. Ежели надо будет да приспичит. Не заплачу, не бойся.

— Ну вот и давай, — упрямо мотнула головой старуха. — Две-то недели попостись как следно быть¹. Яйца пока в погреб снести можно, ничего им там не доспеется, долежат. Те-то года так и делали, забыл, что ли? Из молока масло собью. Валерику, вон, буду оставлять сколько надо, а остальное в масло.

Старик спокойно пожал плечами и на уговоры супруги согласился, лишь бы не донимала.

Сразу после завтрака Валерка собрался на улицу:

— Мы вчера с пацанами договорились с утра в футбол пойти поиграть на школьном стадионе.

— Шибко долго-то не ходи, — наказала ему Клавдия, убирая со стола. — Чтoб не потерять тебя.

— К обеду приду.

¹ Как следно быть — как полагается, как следует.

Натянув кеды, внук убежал. Матвей тоже вышел из дома. Дал курицам комбикорма, прошёл между грядок, выдернул нарощие сорняки, потом отправился на улицу, где сел на лавку.

Минут через пять из дома напротив вышла Зина Сулова. Увидев соседа, перешла дорогу, поздоровалась:

— Здорово живём, Матвей.

— Милости просим. Садись рядышком, — старик кивнул на лавку.

— Да ничё, постою. Я так, на минутку.

— Ну как знаешь.

Соседка, задумавшись, замолчала, потом растерянно спросила:

— Как у вас в огороде-то нонче? У меня морковка чего-то совсем плохая. Не знаю, будет толк, нет ли...

— Да у нас, вроде, нормально. Огурцы только вот... Вчерась вечером первый сорвал, а так и не росли толком. Цвести вроде цветут помаленьку, а завязей нет, да и которые завяжутся, так кончики худые сразу делаются.

— Ну... — Зина махнула рукой, — на огурцы ноне все жалуются. У меня то же.

— Картошку, вот, думали, не дождёмся, но ничего, вроде вылезла. Валерка на той неделе протяпал, скоро надо будет окучивать.

— А я свою ещё не трогала. Тоже надо будет пройти, прополоть маленько. — Зина опять замолчала, потом глянула на Матвея: — А ты мне тяпку не наточишь?

— Приноси, наточу, — согласился тот, — не жалко.

Из дома вышла Клавдия, подошла к калитке, поздоровалась с Зиной.

— А! Вот чего хотела-то! — Воскликнула вдруг соседка и взмахнула рукой, наморщив своё и без того морщинистое личико. — Памяти-то совсем не стало: вышла из дома, Матвея увидела, дай, думаю, подойду спрошу, а пока через дорогу шла, забыла, — она тихонько засмеялась. — И смех и грех, прям... Старушня бестолковая...

— Чего ты? — Клавдия вышла за ограду и, сев рядом с мужем, как и он, предложила соседке: — Да ты садись, чего стоишь-то. В ногах-то, говорят, правды нет.

Зина коротко мотнула головой:

— Ничё, ничё... Постою. Женька-то Бормотов приезжал вчера, дом-то кому-то показывал, так чего? Сговорились, нет? Не знаете?

Матвей, пожав плечами, посмотрел на жену:

— Когда приезжал? Кому показывал? Мы-то с Валеркой вчера полдня на рыбалке пробыли, к трём только вернулись.

— И я не видала, — растерянно заморгала Клавдия. — Когда это было-то? Покупатели, что ли, какие?

— Да не знаю кто, но кто, поди, ещё, кроме покупателей-то? Кого он ещё повезёт сюда? Утром — часов девять, однако, было — приехали на какой-то легковой, я их не разбираю. Женька сам за рулём сидел, а с ним мужик да бабёнка. Я-то тоже издаля только их видала. Походили по усадьбе, в избу зашли, да и уехали. Минут тридцать, однако, и побыли всего. Я и не подходила близко-то, и он сам не зашёл, не поздоровался.

— А какие из себя-то? — поинтересовался Матвей. — Молодые, старые?

— Так... на вид не старые, молодые, вроде. Ну как молодые... Не совсем уж, конечно, лет под сорок, наверное.

— Ну что... — Матвей слегка развёл руками. — Бог даст, так, может, и купит кто путный, а то усадьба уж пятый год пустая стоит, бурьяном зарастает.

— Ну вот, — Зина пожевала губами. — Дай, думаю, у вас спрошу, может, вы знаете, чего да как.

— Нет, матушка, никого не знаем, — промолвила Клавдия. — Надо лучше, вон, Фёдора с Раисой спросить, может, они видали.

— Ну да, они-то, поди, лучше знают, — согласилась соседка. Потом, замолчав, сняла с левой ноги галошу и вытряхнула из неё небольшой камушек. Пробормотала тихонько: — А я думаю, кого тут мне мешает. Камушек какой-то попал. — Надев галошу обратно, она снова повернулась к Заречневым: — Вы на могилках-то апосля Троицы не бывали?

— Нет, не хаживали, — отрицательно мотнула головой Клавдия. — Да надо бы, а то травищей, поди, уж всё заросло.

— Я вот тоже думаю сходить. Может, в огороде сейчас управлюсь да пойду. Или вместе пошли сходим, ежели делов никаких нет.

— Ой, нет, наверное, — отказалась Клавдия. — Я сегодня шерсть перебирать собралась. Овечек-то остригли, а до шерсти руки так и не дошли ещё. Сегодня вот как раз хотела, а то сору шибко уж много нынче в ней, репёв где-то понахватали. Переберу, да и помыть бы сразу надо.

— А-а... Ну как знаешь. А в церкву на Петров день собираетесь? Я причаститься хочу, так, думаю, может, лучше загодя сходить исповедаться, в воскресенье перед Петровым. Численник смотрела, там, кажись, седьмое число будет, а на праздник потом уж и причаститься.

— Я бы тоже причастилася, — кивнула Клавдия. — Седьмое, говоришь, воскресенье-то будет?

— Ну да.

— Тоже б сходить надо.

— Хотя, может, лучше в сам праздник исповедаться, — Зина, словно раздумывая, склонила голову набок. — Прямо перед причастием, а не седьмого. А то ведь там целых пять дён ещё получается: не захочешь, так снова нагресишь.

— Может, и так, может, и так... — соглашаясь, снова закивала Клавдия.

— Надо будет с отцом Евгением посоветоваться, чего он скажет. Вы сейчас-то хоть поститесь? — Зина строго посмотрела на Матвея.

— Постимся, матушка, — ответила за двоих старуха.

— Надо, надо... — Соседка переступила с ноги на ногу, но вдруг закричала, схватилась рукой за спину, снова сморщила своё старушечье личико. — Ой-ой-ой... Вот ведь поясница проклятушая, никак покоя не даёт. Чем только я её не мазала, а всё толку негу. Чуток получше сделается, и опять...

— Богу лучше молись, вот и не будет болеть, — исподлобья глянул на неё Матвей.

— Да и так молюся. — Зина, крихтя, потёрла рукой поясницу. — Клава, а кого ты тогда говорила, что Матвей на батюшку за что-то обиделся? Это пошто так?

— Тьфу ты... — Старик покачал головой. — Поговорить вам больше не о чем, что ли?

— Ой!.. — не обращая внимания на замечание супруга, Клавдия махнула рукой. — Это ведь в марте ещё было, когда Алексея-то, Божьего человека, день отмечался. Тебя тогда на службе не было, кажись, а мы-то вместе ходили.

— Да я простывшая тогда болела. Лежмя лежала, думала, всё, помру.

— Ну вот... А отец-то Евгений после службы — аккурат, она на следующий день была, после дня-то Святого Алексея — стал проповедь читать. Ну и про него говорить стал, про Алексея-то этого. Дескать, родители у него богатые были да знатные, а сам он с малолетства к Господу такое рвение имел, что хотел ото всех благ земных отказаться и от мира-то уйти, вот... А мать с отцом, наоборот, хотели, чтоб он женился, так он волю-то их не нарушил, а выполнил. Женился, стало быть, на ком велено было, и уж потом только, после свадьбы, у жены прощения попросил и всё одно из дома удалился, ничего с собой не взяв, вот... Скитался потом, милостыней жил, страдания всяческие претерпел за ради Христа. — Увидев кого-то в конце улицы, старуха прищурилась и, глядя в ту сторону и подавшись всем телом вперёд, умолкла.

— Ну и чего? — нетерпеливо спросила её Зина, видя, что та отвлеклась от своего рассказа. — Дальше-то чего было?

— А? Ну так и вот... — Клавдия снова повернулась к соседке. — А этот, — она сердито ткнула рукой на мужа, — возьми, да и вылезь с языком своим.

— А чего он?

— Да говорит, ежели он всё равно уходить собрался, так зачем вообще тогда женился? Дескать, получилось, что молодую жену при живом муже вдовой оставил. Не женился бы, так она, глядишь, за кого другого вышла, жила бы себе спокойно, детей нарожала. А так...

— Ой, батюшки... — Зина приложила руку к губам. — Ты чего это? — осуждающе посмотрела она на соседа.

— А чего? — пожал тот плечами. — Не так, что ли? Я ж не вообще против него что-то говорю. Я понимаю — святой человек, преподобный. Я же не спорю с этим. Но ежели мне чего не понятно, я что — спросить уже не могу? А мне не понятно. Чего тут такого-то? Ты объясни мне, ежели

грамотный, а тем более поп! А сам не знаешь, так так и скажи. Или, может, там чего недосказано, мало ли.

— Ага, недосказано... А ты умней всех, да?

— Да при чём тут умней всех-то?! — Матвей досадливо поморщился. — Где я говорил, что я умней всех? Ты растолкуй мне, вот в чём дело! Он, Алексей-то этот, чтобы волю родительскую не нарушить, женился, проявил почтение к отцу да матери, хорошо, молодец. Но потом, в первую же ночь после свадьбы из дома ушёл, и с концами. А я и говорю: так воля-то родительская, наверное, была не просто, чтоб он женился, а чтоб так и жил дальше с женою, чтоб внуков им нарожал. Так, нет? А жене свойной потом каково было? Молодая девка, венчанная, как ей дальше-то жить одной без мужа? Ей же детей, наверное, охота иметь, нянькаться с ними, при мужике быть. Выходит, он о них-то и не подумал, как следует! И получается, если б он сразу от женитьбы отказался, так оно честнее бы вышло. Сказал бы, простите уж меня Христа ради, но семейная жизнь не про меня, не смогу я. Разве не так, ежели по совести-то рассудить? Родителям его так и так горевать потом, ведь хоть и женился он, а толку-то? А тут и жена ещё... Она-то почему страдать должна?

— Ой, господи прости... — Зина перекрестилась и недовольно помотала головой. — А тебе больше всех надо! Куда лезешь-то с языком своим? Ну не понимаешь, так молчи сиди, всё лучше будет.

— Так вот батюшка-то ему и говорит: грех это, высокоумие, — поддакнула Клавдия.

— Да при чём тут высокоумие-то? — Матвей стал горячиться, заёрзал на лавке. — Высокоумие выдумал какое-то, да ещё и «кайся» говорит.

— Ну так и покайся! — с напором произнесла соседка. — Поумней тебя люди-то есть, да и то не лезут с глупостями всякими.

— Да в чём каяться-то?! В чём?

— А вот в этом и кайся! В высокоумии.

— Тьфу ты! — Матвей тихонько ругнулся.

— Ну поругайся ещё, поругайся! Пост на дворе, а он ругается.

— Да ну вас, — старик махнул рукой. — Им про Фому, а они про Ерёму.

— Ну вот как с ним? — жалобно глянула на соседку Клавдия.

Та, поджав губы, промолчала. Потом, потоптавшись на месте, сказала:

— Ладно, пойду я. Дел дома полно, за меня-то никто не переделает. — Но потом снова повернулась к Матвею: — Ну так, а как ты сейчас причащаться-то будешь? Батюшка-то не допустит до причастия без исповеди.

Матвей поднялся с лавки:

— Как, как... Жили же мы как-то без батюшки столько лет и ничего. И не причащался никто, и не исповедовался. Церковь-то три года всего как построили.

— Так чего о ранешнем-то говорить? Сейчас-то есть.

— Ладно, иди делай дела свои. — Матвей повернулся и пошёл в ограду.

— Ну вот как с ним?.. Никого не слушает, — Клавдия недовольно покачала головой, спрошавшись с соседкой и засемила следом за мужем.

— Слышь, старик, — сказала она, снимая со штакетин сохнувшие на них стеклянные банки, — на могилки-то и правда сходить бы не мешало. До Петрова-то дня, пока пост. А то там покос начнётся, не до того будет.

— Да я не против, на могилки сходить можно. Давай в воскресенье в это и ходим.

— Давай.

Валерка, потный и пыльный, прибежал домой ближе к обеду. Матвей в огороде полил ему с ковша воды, и тот, раздевшись до плавок, фыркая и мотая головой, смыл с себя грязь.

— Дед, я дядю Андрея сейчас видел. На тракторе. Он передать просил, что заедет вечером после работы.

— Пусть заезжает, куда не собираемся.

Когда внук обтёрся полотенцем, старик сказал:

— Мы тут думаем в воскресенье на могилки сходить, так ты сейчас на вышку заскочи по-молодецки. Там под стропилом серп приткнут, достань, надо будет не забыть с собой взять.

— Я тоже, что ли, пойду?

— Ну а как... Надо попроведать родню-то.

— Дед, да не люблю я туда ходить, — недовольно сморщил нос внук.

— Что значит — не люблю? Люблю, не люблю, а уважить надо. Все когда-нибудь там будем, так что...

— Ладно, — нехотя согласился Валерка. — Где, говоришь, серп? На вышке?

— Ну да. Как залезешь, так сразу налево, под стропилом смотри. Я нынче ещё не доставал его.

Старик остался в огороде оборвать на помидорах нарощие пасынки. Внук вернулся быстро, минуты через три, и с растерянным видом подал серп Матвею:

— Слышь, дед, а чего там на чердаке лежит? Гроб какой-то, что ли?

Матвей взял серп, повертел его в руках, проверяя, хорошо ли сидит ручка, глянул на Валерку:

— Ну гроб, и чего?

— Взаправдашний, что ли?

— Ну а какой ещё? Игрушечный? — Матвей сорвал пучок травы и стал протирать ею пыльное лезвие.

— А откуда он взялся? Раньше-то, в прошлом году, кажется, не было.

— В прошлом не было, а сейчас есть. Нынче зимой сделал.

— Сам, что ли?

— Ну а кто мне делать будет? Сам, конечно.

— Так он же из цельного бревна сделан, не из досок.

— Ну и чего? Лесину подходящую привезли, я и выдолбил за зиму. Хорошацкий гроб получился, сухой, лёгонький!

— А зачем он тебе? — не понимал Валерка. — Это для кого-то, что ли? На продажу?

Матвей посмотрел на него как на несмышлёныша:

— Да пошто на продажу-то? Мне это. Зимой, бог даст, старухе сделаю, обещали ещё такую же лесину осенью привезти.

— Так вы же живые ещё! Зачем вам гробы-то? — искренне изумился внук.

— Ну так не вечно же мы живые будем. Всё равно когда-нибудь помрём. Может, завтра помрём, а может, через год, кто его знает.

— Так, когда помрёте, тогда и гроб пусть делают.

Дед усмехнулся:

— Бестолковый ты ещё. Зачем же я людям жизнь усложнять буду? Им и так хлопот с моими похоронами хватит, так хоть гроб готовенький будет. Не бегать, не искать, вон он — наверху лежит, припасённый. Да и не абы какой, а любо-дорого посмотреть, как игрушечка. Вот так вот.

— Ну не знаю, — Валерка скептически оттопырил нижнюю губу. — Как-то это всё... Мне даже не по себе стало.

— Тьфу ты! Тебе-то чего не по себе стало? Всегда так путние-то люди делали, сперва приготовят всё ко смерти, тогда и помирают.

— Ну а если заболел или несчастный случай и не успел сам себе гроб сделать, тогда как?

— А я тебе не про случаи всякие толкую, а про нормальную жизнь. Это вы там в городах по-другому живёте, да хотя и у нас уже тоже на городской манер жить стали, а испокон-то веку так оно и было. Всяк, кто до старых-то лет доживал, завсегда сам себе домовину готовил. Ну или просил кого, но, чтоб готово было.

— Хм... первый раз слышу.

— Так ты малой ещё, тебе простительно.

— Ты говоришь, в городе... Так не будешь же в квартире гроб держать? Это ты, вон, на чердак затащил его, а в квартире куда? Посреди комнаты же не поставишь.

— Так я тебя и не агитирую так же делать. Ты меня спросил, я тебе и толкую, а вы там живите, как хотите. Так у вас там, поди, торгуют ими, гробами-то, на каждом шагу.

— Ну не на каждом, конечно... Я не знаю, — Валерка пожал плечами.

— Ну вот... А у нас-то где возьмёшь? В город ехать, оттуда везти? Это ж машину надо искать, на автобусе-то не попрёшь, всё лишние расходы. А самим делать, так и досок нормальных не найти. На гроб же надо сухонькие, чтоб лёгкие были, а у нас на лесопилке сырые да горбыли одни. Вот я и говорю тебе — помру, а тут всё готово уже. Крест вот ещё надо

будет сделать и всё. А там останется только яму вырыть да закопать, всего и делов.

С крыльца послышался голос Клавдии:

— Старик, вы где там?! Идите обедать!

— Пошли. — Матвей ополоснул руки в бочке. — Воды уж мало. На сегодня ещё хватит полить, а завтра, ежели дождя ночью не будет, так таскать придётся.

Когда садились есть, то обычно старик со старухой усаживались вдвоём у длинной стороны прямоугольного стола, а внук сидел один у короткой. Валерке никогда не готовили отдельно, и даже в пост он ел вместе со всеми постный суп, картошку, жареную на растительном масле, да кашу, сваренную на воде. Клавдия могла лишь потом уже добавить ему в тарелку с той же кашей кусочек сливочного масла, могла в иной день на скорую руку поджарить или сварить яичек да налить кружку молока.

Когда несколько лет назад Валерку в первый раз в жизни оставили с дедом и бабой одного, он сперва попробовал было капризничать: это я буду — это не буду, это я ем — это не ем... Клавдия, побаиваясь дочери, решила угодить внучку и приготовить что-нибудь специально для него, но Матвей остановил старуху: «Нечего!». Валерке же, скривившему за столом недовольную физиономию, спокойно, но строго сказал: «Не хочешь — не ешь, выходи из-за стола. Нам больше достанется», и всё.

Было это за завтраком. Внук, немного опешивший от такого поворота, вышел из-за стола голодным. Через пару часов он пришёл к бабушке с просьбой дать ему чего-нибудь поесть. Та, ласково погладив изголодавшегося внучоночка по голове, повела его на кухню, но снова вмешался дед: «Вот обед придёт, тогда и будешь есть вместе со всеми». На слезливые Валеркины просьбы, на закатанную было истерику, на заверения, что он сейчас умрёт от голода, ответ был один: «Надо было есть со всеми, когда давали». Одного такого раза хватило, чтобы с тех пор Валерка ел всё подряд. Нравится — хорошо, не нравится — ну и ладно, другие же едят, и ничего. Да и кому охота потом голодным ходить?

Вот и сейчас Валерка сидел за столом и за обе щёки уплетал постный суп, сваренный с пучкой¹. Вкусно? Наверное, не особо, но, когда набегаешься, когда в животе урчит, тогда о таких вещах и не думаешь. Да, ему по-прежнему не нравился ни жареный лук в картошке, ни варёная капуста в супе, и, честно говоря, дома он этого и не ел, но здесь, в деревне, ему было просто стыдно заявлять «не хочу» и «не буду». Дед с бабой рядом с тобой сидят и едят, а ты чем лучше? Поэтому ел и лук, и капусту, и всё, что клали в тарелку.

С аппетитом умяв обед, — тарелку супа, картошку, жареную на постном масле, пару ломтей хлеба, намазанных мёдом, да большую кружку молока — Валерка облизал ложку и вышел из-за стола:

- Ба, спасибо. Я пойду ещё маленько погуляю.
- Шибко до поздна не ходи. Чего делать будешь?
- Да на агитплощадку со Славкой пойдём, там чего-нибудь поделаем. Не бойся, я недолго: часик, полтора. — И внук ушёл.

Андрей приехал совсем поздно, когда уже почти стемнело. Заглушил свой «Беларусь», погасил фары и устало спрыгнул на землю. Матвей, услышав рёв трактора, вышел из дома на улицу.

— Здорово, бать. Я чего заехал-то. — Сын устало присел на лавку, закурил. — Косить-то когда начинать будем? У меня, боюсь, числа до двадцатого июля вообще запарка будет. Погоду хорошую обещают, без дождей, так что недели три точно без выходных-проходных придётся в совхозе сенокосить.

Матвей, стоя у калитки, прислонился плечом к забору и спросил:

— Не перерастёт трава к тому времени? Жёсткая, поди, станет.

— Не знаю, — сын пожал плечами. — Ну а как быть? Ты косить-то вообще где нынче хочешь? Там же, где и всегда?

— Ну а где ещё? За Звонихой, как на Серебряковку ехать. Не знаю, может, тогда сам, руками начну помаленьку. Копёшку, другую накошу, а там ты посвободней станешь.

¹ Пучка — растение семейства зонтичных, сибирский борщевик.

— Тяжело руками-то будет, — возразил Андрей.

— Так потихоньку... Если погода будет, чего ждать. Пост кончится, и начну.

— А когда он кончится?

— Двенадцатого, в Петров день.

Андрей встал, подошёл к трактору, подёргал какой-то проводок снизу, потом, выкинув окурок, снова вернулся к отцу, сел на лавку.

— Туда пёхом-то далёко топать.

— Ничего...

— Ну или с Валеркой вон... Пусть помогает. Его когда заберут-то? До конца лета погостит?

— Да нет, его нынче рано хотят забрать, в начале июля уже приедут.

— Во как! Понятно... Ну тогда сам смотри, а то после двадцатого я трактором могу. Раз-два и готово!

— Да там всё равно трактором-то везде не выкосить. По загогулинам да по полянам всяко разنو руками придётся докашивать.

— Ну ладно, так и договоримся тогда! — кивнул сын и поднялся. — Матери привет передавай. Да, чуть не забыл! Татьяна просила сказать, в садике у них говорили, что завтра в магазине сахар, масло подсолнечное да порошок стиральный выкинуть должны. Так что, если вы талоны на них ещё не отоварили, имейте в виду.

— Да Клавдия, кажется, брала уже за июнь.

— Ну ладно, моё дело передать, а там сами смотрите.

— Мыло у нас, кажись, одно не взятое осталось, а так всё уже отоварили.

— Ну давай, пока!

Взревев трактором, сын уехал. Матвей, нахмурившись, отмахнулся от солярного выхлопа и пошёл в избу.

Глава 7

До выходных Матвей успел упустить аж два пчелиных роя. Сначала в четверг в одном улье с самого утра большинство пчёл не полетело, как обычно, за взятком, а осталось дома:

кружили вокруг, ползали по прилётной доске, возле летка, и старик решил, что сегодня выйдут рой.

Так и вышло. Роёвню Матвей повесил в огороде на вбитый в землю шест ещё неделю назад. Натёр её воском, свежую Melissa внутри положил, но это не помогло. Рой, вышедший к одиннадцати часам, собрался в гулящую тучу и быстро ушёл куда-то за огороды.

Старик хотел было бежать искать пчёл, но, потоптавшись на месте, махнул рукой. Если рой сел на какой-нибудь куст или дерево, ему одному снять его было бы уже не под силу, а просить помочь было некого: внук слишком молод, да и неопытен для такого дела, Андрея в это время не сыскать, а из соседей днём дома сидели одни старики, от которых толку никакого нет.

К удивлению Матвея, история повторилась в субботу, но уже с другим ульем. Этого он, если честно, совсем не ожидал: и семья здесь была не такая уж и сильная, и трутней молодых с новыми маточниками, вроде, не видать было, а может, плохо смотрел старик, только этот рой вышел ближе к обеду.

Беспокойные пчёлы успели два раза жаркнуть Валерку, который в это самое время как раз таскал в баню воду; тот побросал ведра и сломя голову кинулся в избу, прятаться. Укусили один раз и Клавдию, половшую в огороде грядки. А потом этот рой, как и предыдущий, с шумом улетел, только уже в сторону леса.

Матвей, конечно, посокрушался по этому поводу, но после драки, как говорится, кулаками не машут. Да и оставшиеся семьи, вроде, были вполне себе в силе, поэтому дед махнул рукой — куда ему ещё улы, ежели он за четырьмя доглядеть не успеваешь? А мёда, собираемого с этих, вполне хватало и себе поесть, и на гостинцы детям. Так что — бог с ними, улетели и улетели.

В воскресенье после завтрака Клавдия напомнила:

— Старик, ты молоток-то с гвоздями возьми, не забудь. На Троицу ходили, так помнишь: у Ефросиньи перекладинка на кресте отпала да у Дьячковых оградку поправить бы надо, а то тоже завалился угол-то.

Взяв всё, что было нужно, закрыли избу на замок и пошли втроём. Валерка нёс хозяйственную сумку, в которой лежали серп, молоток с гвоздями, пакетик пшённой крупы и печенье с конфетами, а старики шагали налегке, каждый лишь со своей палочкой.

До могилки надо было пройти через всю деревню, и там ещё с полкилометра до заросшего березником косогора, где и было деревенское кладбище. Клавдия редко ходила в магазин или ещё куда-нибудь далеко от дома, поэтому, встречая давно не виденных ею знакомых старух, она останавливалась и, опираясь на свой батог¹, подолгу разговаривала с каждой. Матвей с внуком при этом тоже останавливались и ждали чуть поодаль.

— Слышь, старуха, — сказал ей после третьей такой остановки Матвей, — мы так с тобой и к обеду не дойдём. Ты б поменьше языком чесала.

— Всё, всё... Не ворчи, как дед старый. — Клавдия торопливо зашагала вперёд.

— А я кто? — усмехнулся старик. — Дед старый и есть.

Наконец дошли. Хоронить на этом месте начали сразу после войны. Тогда здесь и берёз-то почти ещё не было, лишь голый бугор, плавно уходящий вниз к Звонихе, которая, делая крутой изгиб, подходила в этом месте почти вплотную к деревне. С годами кладбище огородили и сделали это даже с запасом, но всё равно пришлось потом несколько раз забор с одной стороны переносить дальше. Так и было здесь — с одного края стояли старые, потемневшие, покрытые бурым мхом, деревянные кресты да железные памятники с красными, облупившимися звёздами, а с другого почти каждую неделю появлялись новые холмики свежей земли и венки с яркими бумажными цветами.

Войдя в калитку, Матвей, Клавдия и Валерка направились в ту часть кладбища, где были старые могилы.

— О, дед, глядя какая тут земляника! — закричал внук и нагнулся сорвать крупную сочную ягодку.

— Цыть! — негромко прикрикнул Матвей. — Не тронь!

¹ Батог — палка; опора для пешехода: трость, посох.

Валерка удивлённо поднял на деда глаза, но потом смущённо улыбнулся:

— А-а... Я забыл, на кладбище же нельзя ничего брать.

— Не надо. — Старик кивнул на могилы. — Это ихнее.

На кладбище было тихо, только ветер, казалось, как-то задумчиво и особенно серьёзно шумел листвой в густых берёзовых кронах. И было здесь ещё настоящее буйство диких цветов и разнотравья. На могилах и между ними розовела душица, белели пахнущие мёдом метёлки белоголовника, шмели да пчёлы сосредоточенно перелетали с клевера на колокольчики, с васильков на тысячелистник, со зверобоя на ромашки...

Валерка не спеша брёл за дедом и с интересом смотрел на кресты, на высокие пирамидки со звёздами. На многих было не разобрать уже ни имён, ни дат, какие-то могилы были за оградками, но большинство нет. Некоторые были окошены и аккуратно прибраны, — видно, что недавно их кто-то навещал, — но в основном лежали заросшие травой, да кустами акации и сирени.

Подошли к трём крестам, стоявшим в ряд за низкой деревянной оградкой с облупившейся синей краской. Здесь были похоронены Клавдиины родители и младшая сестра Ефросинья.

— Ну вот, мои хорошие, вот мы и пришли. Маменька, тятя, сестричка моя родненькая. — Клавдия открыла калиточку и зашла в оградку. — Старик, серп-то давай.

Взяв у мужа серп, она стала срезать наросшую за лето траву, приговаривая:

— Сейчас травку вам уберу, хорошо будет, аккуратненько. — Потом посмотрела на Матвея: — Ты перекладинку-то сразу припей Фросюшке. Пока не забыли.

Матвей вынул из сумки молоток с гвоздями, пробормотал тихонько:

— Не бойся, не забудем, для этого и пришли.

На кресте Ефросиньи отвалилась верхняя, короткая перекладинка. Она так и лежала внизу, прибранная с Троицы, когда были на могилах в прошлый раз. Матвей аккуратно приколотил её на место гвоздиком.

— Ну вот. — Он попробовал рукой, как стоит весь крест, потрогал нижние перекладыны. Вроде, всё было достаточно крепко и надёжно. Подошёл к могилам тестя и тёщи, проверил их кресты и вышел из ограды, положив молоток в карман пиджака.

Клавдия продолжала скашивать траву.

— Валерик! — позвала она внука, ходившего среди крестов неподалёку. — Ты, внучонок, траву бы отнёс к ограде. Прямо в берёму её бери и тащи.

— Хорошо, ба. — Валерка сгрёб траву в охапку и поволок к кладбищенскому забору.

Клавдия между тем закончила с травой.

— Ну вот и слава богу, вот и ладно. — Она взяла у Матвея сумку, достала три печенюшки, три конфетки и аккуратно положила по одной под каждый крест, взяла горсть пшена и бросила его на могилы. — Вот и птички божины пусть поклюют, порадуются. На-ка, милёнок, — протянула она шоколадный батончик вернувшемуся внуку, — скушай, помани прадедушку да прабабушку своих. — Сама откусила печенье.

— Ба, — спросил Валерка, — а у тебя сестра, вон, написано, что ещё в сорок девятом году умерла. А почему так рано?

— Фрося-то? Так, заболела и померла. Простудилася.

— От простуды, что ли, умерла?

Клавдия пожала плечами:

— Да поди разбери от чего там. Помню, сперва простыла, а потом, может, и ещё чего прицепилось. Оно ить как бывает — одно за другое, вот и нет человека. Недели две полежала, да так и не оклемалась, померла.

— И сколько ей лет было?

— Так, с какого она года-то? С двадцать первого, вот и считай.

— Сорок девять минус двадцать один, это двадцать восемь лет получается. Взрослая уже.

— Так она ведь уже и замужем была, и дитё у ей было, да вот прибрал Господь. А муж ейный, Архип, тогда на другой женился, ну и уехали они потом в Расею куда-то. Мы даже и не знали куда, не сказался он нам.

— Как это — в Расею? — не понял Валерка. — В смысле — в Россию? А мы тогда где живём?

— Как где? Мы в Сибири.

Внук озадаченно нахмурил брови:

— А Расея тогда это что? Она где?

— Ну, где... там, — старуха неопределённо махнула рукой в сторону.

Валерка удивлённо хмыкнул:

— Если я так на географии скажу, мне сразу двояк влепят. Тогда получается, что мы и не русские, что ли? Раз здесь не Расея, как ты говоришь. Мы тогда кто? Сибиряки?

— Правильно, сибиряки. Русские сибиряки. Потому как все мы русские — и там, и тут. Оттуда ведь когда-то сюда и пришли. Мой вот дед, к примеру, на Волге раньше жил, а потом сюда перебрался, когда землю тут народу давать стали. У Матвея с Вятки приехали. Так что, все мы тут русские. И в Расее, и в Сибири, и везде... Вот так вот, внучонок.

Старуха заново повязала сбившийся платок и, приняв более степенный и серьёзный вид, подошла к могиле отца. Размашисто перекрестившись, она поклонилась в пояс, говоря при этом:

— Прости меня, тятенька, Христа ради, и тебя Господь простит, — снова перекрестилась и снова поклонилась, — благослови, и тебя Господь благословит, — в третий раз перекрестилась и опять сделала поклон, — помолись Богу обо мне грешной, и о тебе помолится Пресвятая Богородица.

Отступив пару шагов в сторону к могиле матери, Клавдия повторила всё перед её крестом, потом проделала то же у могилы сестры.

— Ну вот... — удовлетворённо выдохнула она, выходя из оградки. — Вот и слава богу, вот и попроведовали. Пошлите сейчас к Прасковье.

— А это кто? — тихо спросил у Матвея Валерка.

— Прасковья-то? Тётка её. Здесь она, недалёко лежит.

Старик с внуком пошли следом за Клавдией.

— Дед, а твоя родня тоже здесь же похоронена, на этом кладбище?

— Нет, моих здесь никого нету.

— А где они?

Матвей усмехнулся:

— А кто где, сейчас уж не сыщешь.

— Тьфу ты! — Валерка влез лицом в паутину, растянутую пауком меж двух рябин, стал мотать головой, стряхивая с себя липкие цепкие нити. — Понаплёл тут... — Отряхнувшись, догнал деда. — Слышь, дед, а твои родители когда умерли? Давно уже?

— Давно.

— А от чего?

Матвей молчал, неспешно шагая впереди внука.

— А, дед? — не отставал тот.

— От чего, от чего... Мать надорвалась да померла, после войны уж, а тятю убили.

— Как убили?

— Ну как убивают... Застрелили и всё.

— Застрелили? На войне, что ли?

— Дома застрелили, не на войне.

— Как дома? — удивился Валерка. — Бандиты, что ли?

— Бандиты.

— А кто? Когда это? Дед, слышь, расскажи, а? Их поймали?

Старик поправил шляпу, помолчал, потом спросил внука:

— Ты про войну-то чего-нибудь слыхал, про ту, что апосля переворота была?

— После какого переворота? — не понял тот.

— Ну... в семнадцатом-то году который был.

— После революции, что ли?

— Ну да, революции.

— Это когда гражданская война была? Когда белые с красными воевали?

Матвей кивнул:

— Ну да.

— Слышал, конечно. Мы в школе проходили. И чего?

— Ну вот тогда и застрелили его. Тятю-то.

— Белые, что ли?

— Да нет, не белые.

— А кто?

— Ну кто кроме белых ещё был?

— Красные, что ли? Так он что, против них был, за белых?

— Да ни за кого он не был. За себя он был да за нас.

Подошли к старой могиле без ограды. Креста здесь не было, лишь к берёзе, росшей в ногах, была приколочена табличка с фамилией, именем и датами рождения и смерти. Клавдия стала сразу же срезать серпом траву.

— Слышь, дед, расскажи, а? — внук просительно посмотрел на Матвея, прислонившегося плечом к берёзе. — Красные же, вроде как, хорошие были.

— Хорошие... Тогда хороших-то особо не было. Я тебе так скажу, в те годы много народа ни за что ни про что погубили. — Старик глядел на согнувшуюся над могилой Клавдию.

— Как это? — Внук, похоже, по-настоящему заинтересовался этой историей. — Нам в школе рассказывали, что красные за народ воевали, а белые против. Ну расскажи... — снова попросил он деда.

— Да чего рассказывать... Людям-то простым чего надо? Жить себе тихо-мирно да робить¹, вот и всё. А эти за власть друг с дружкой воевали. У нас тут в те годы она каждую неделю туда-сюда менялась. Приедут в деревню белые — где на постой встать? Посмотрят, чей двор побогаче, где, стало быть, поесть-попить получше можно, туда и едут. Поживут день-два, и дальше. Через пару дней красные заявляются — у кого белые стояли? у тебя? почему пустил? А как их не пустишь, ежели они все при оружии? Да они и не спрашивают, согласный ты или нет, заехали на двор и всё. А неважно, говорят, раз у тебя стояли, значит, виноватый — выведут человека на улицу, да и порубают саблями или стрéлят, а сами к кому другому на постой едут. Так же — у кого хозяйство покрепче, у кого дом побольше. К бедному-то чего соваться, голодом у него сидеть? Поживут пару деньков и дальше поехали, а там опять белые возвращаются — у кого красные стояли? почему пить-есть давал? И всё, нет человека. Вот так вот, милоч. Да и бандитов развелось тогда... По одиночке-то ездить далёко боялись,

¹ Робить — работать, делать что-то.

собирались, чтоб несколько мужиков было, да чтоб с ружьями, тогда и ехали. Много народу тогда ни за что погубили.

Валерка, открыв рот, с интересом слушал деда.

— Ничего себе... — пробормотал он задумчиво. — Так, а твоего-то отца за что застрелили? За это же?

— Да нет... К нам тогда в Боровушку — это деревня такая, где мы жили в то время — красные как раз приехали. Шибко-то богатыми мы никогда не были, но дом у нас справный был, крепкий. Они и заявили, говорят, штаб у нас здесь будет. А нас семья семь человек: тятя с мамкой, дед с нами ещё жил, материн отец, я, братовьев двое, да сеструха. Ну и вот... Стали нас выгонять, идите, говорят, дескать, пока у кого-нибудь поживите временно. А куда мы пойдём, всемером-то, кому мы нужны? У всех и так теснота. Тятя и заспорил. Нас-то повыгоняли из дому, а он встал в дверях, руками упёрся в косяки и ни в какую. Не могут его с места сдвинуть и всё! Не пущу, говорит, в дом никого. Ну а те... наган кто-то выхватил, да, недолго думая, и стрелили его. На глазах у матери да у меня с сеструхой. Мне-то тогда годов десять только было, а братья — они постарше меня были — их не было дома, в тайге охотничали, а то и их бы, наверное, там же...

— А потом? — тихо спросил внук.

— А чего потом... Жили потом, вот и всё. Дом нам так и не вернули, мы к зиме землянку вырыли.

— Землянку? Землянки же на войне были. У партизан, там, или у солдат.

— Э-э... — усмехнулся старик. — У нас по первости в землянках-то много народу жило. Кто победней, так те в землянках все и жили. Вот и нам довелось.

— Ладно, хватит тебе жаловаться-то, — перебила мужа Клавдия, с кряхтением выпрямляя спину. — Идите, лучше, траву, вон, снова унесите.

— Да я разве жалуюсь... — повёл плечом Матвей. — Пусть знает, как раньше-то жили, раз интересно. А то они нонче в удобствах все живут, думают, небось, всегда так было.

— Чего ты, баб? Мне, правда, интересно. — Валерка схватил кучу срезанной травы и потащил её к забору.

Старуха поморщилась, разминая рукой поясницу.

— Ладно, давай конфеты с печеньем, — протянула она руку к Матвею. — Я чего думаю... Может, сделать, всё же крест-то Прасковье, а?

— Да как его тут вкопаешь-то сейчас? — возразил старик. — Берёза-то вон какая вымахала, и аккуратно, где кресту стоять бы надо. Так и рядом не вкопать уже, там в корнях всё сейчас. Я ж тебе тогда ещё предлагал, пока она маленькая была: давай уберу, так ты ж заладила своё: не надо, да не надо, пусть растёт берёзынька. Вот она и вымахала... Сейчас-то её уж никак не удалишь, корни, поди, до Прасковьи твоей добрались.

— Да так-то оно так, но всё же крещёная она была, крест-то надо бы, по-хорошему. Может, сделать какой, да хоть к берёзе проволокой примотать. Если уж не вкапывать. Он так-то ещё дольше простоит, не сгниёт.

— Ну не знаю, твоя тётка, ты и думай. Скажешь, так сделаю.

— Давай, наверное, сделай. К осени поближе. Там ещё разокходим на могилки, тогда и примотаем.

— А зачем вообще её тут сажали? Берёзу эту? — поинтересовался внук, выбросивший траву и вернувшийся назад.

— Да не сажал её никто, — пояснила Клавдия, — самосевная она. Упало, видать, зёрнышко, вот и выросла.

— Ничего себе...

— Крест-то тоже сперва был, а потом куда подевался, я уж и не знаю. — Клавдия, оправив на себе юбку, платок, снова приняла более строгий вид. — Ну вот, тётушка, и у тебя побывали, и тебя попроведали. — Перекрестившись, она поклонилась и повторила то, что говорила у могил родителей и сестры: — Прости меня, тётка Прасковья, Христа ради, и тебя Господь простит, благослови, и тебя Господь благословит, помолись Богу обо мне грешной, и о тебе помолится Пресвятая Богородица.

С умиротворённым лицом она отошла от могилы.

— Надо бы ещё к Дьячковым зайти, как думаешь, старик? — глянула на деда Клавдия.

— Надо, так пошли, чего спрашиваешь. Сама ж говорила, оградку им поправить надо.

— Ну... может, вы голодные уже.

Матвей посмотрел на часы:

— Десять минут второго. Да, поди, уж не замрём с голоду-то. Раз пришли, так давай всех обойдём, кого хотели. Ты не шибко ещё голодный? — спросил он внука.

— Да нет, ничего...

— Ну пошлите к Дьячковым тогда. — Клавдия, держа в одной руке серп и подхватив другой сумку, пошла промеж могил на другой конец кладбища.

Старик с Валеркой снова пошли следом.

— А я-то думаю, кто тут ходит, кто тут ходит, — послышался вдруг голос.

Из-за кустов навстречу им вышел низенький мужичок на вид лет сорока. Обросший, с лохматой бородой, он широко и приветливо улыбался.

— Думаю, кто тут ходит, пойду посмотрю, — повторил мужчина. При этом глаза его светились какой-то неподдельной, детской радостью. В левой руке он держал довольно большое распятие, сделанное из жёлтого металла.

— Здравствуй, Лёня, здравствуй, — ласково поприветствовала мужчину Клавдия. — Это мы тут ходим, своих вот попроведать пришли.

— Ага, — кивнул Лёня и замахал крестом из стороны в сторону. — А я думаю, кто тут, пойду посмотрю.

— Молодец, молодец, — похвалила старуха. — Надо посмотреть, кто тут ходит, конечно, надо.

Валерка, когда незнакомец резко появился из-за кустов, даже вздрогнул от неожиданности. Потом подошёл поближе к деду и, дёрнув того за рукав, тихонько спросил:

— Дед, а это кто?

— Лёня это Бердников, дурачок.

— Дурачок? — удивился мальчик.

— Ну да... Вон они, там, — дед махнул рукой в сторону, — в крайней избе живут. Он, ежели увидит кого на кладбище, так сразу смотреть бежит.

Лёня продолжал махать крестом, размеренно покачиваясь всем телом с бока на бок.

— Смотрю, кто-то ходит, дай, думаю, схожу, — снова нараспев проговорил он, весело улыбаясь.

— Правильно, Лёня, правильно. Это мы тут ходим.

— Вдруг, думаю, кто пакостит, — дурачок радостно засмеялся при этих словах.

— Нет, Лёня, мы не пакостим, не переживай, — ласково кивнула ему старуха. Потом глянула на Матвея с внуком: — Ладно, пошлите потихоньку.

— Как дела-то, Лёня? Как здоровье? — спросил дурочка дед.

— Хорошо! — покачал головой тот. — Хорошо здоровье.

— Ну и слава богу! Пойдём мы дальше, а ты привет своим передавай. — Матвей легонько похлопал Лёню по плечу.

— Ага, ага! А я думаю, пойду посмотрю, вдруг, кто пакостит.

Матвей, Клавдия и Валерка двинулись дальше.

— Вот надо же, — удивилась старуха, — увидал как-то ведь. Ума бог не дал, а глаза острые. Ведь тут метров пятьсот будет, не меньше, да ещё и посреди деревьев. И прибежал...

— А я думаю, вдруг кто пакостит, посмотреть надо! — снова крикнул вдогонку дурачок и засмеялся.

— Молодец, Лёня, молодец. — Обернувшись, Матвей махнул тому рукой. — Надо посмотреть, а как же! Иди домой, всё хорошо тут!

— А чего он с крестом ходит? — оглядываясь на Лёню, спросил Валерка.

— Ну а чего, пусть ходит... Не с ножом же.

Вскоре дошли до могил Дьячковых. С этого края на кладбище не было высоких пирамидок со звёздами, а больше стояли современные каменные надгробия с портретами похороненных, было много свежих ещё венков с искусственными цветами.

Клавдия снова принялась за траву.

— У них тут совсем малоросло, быстро управимся. — Она показала рукой на угол оградки, где одна сторона отвалилась от столбика: — Старик, прибей прожилинку сразу.

Матвей молча достал из кармана пиджака молоток, гвозди и стал прибивать прожилину.

— А кто это — Дьячковы? — спросил внук.

— Ты уж не помнишь? — не поднимая головы, ответила старуха. — Те-то годá ведь тоже бывали у них на могилке, ты ж с нами ходил.

— Да я, если честно, позабыл уже всё.

— Мы с Дарьей подружками были. Уж как мы дружили с ей — не разлей вода! Робили мы вместе. И мы к ним в гости, и они к нам, и помочь ежели чего надо было, так никогда не отказывали. Вот... Они с мужем-то уж лет пять как померли. Быстро там они, друг за дружкой, через полгода, кажись. Сын с дочкой у них есть, так разъехались они кто куда. Давно уж. Ну а мы вот за могилками и приглядываем.

— Ну вот и слава богу, — удовлетворённо сказала через пять минут Клавдия, разгибая спину и оглядывая ставшие аккуратными могилы. Так же положив под кресты печенье с конфетами, посыпав пшена, она вышла из оградки. — Больше уж, наверное, ни к кому не пойдём нынче, а то я чего-то пристала¹, да и жарко сегодня. Пить охота, надо было хоть воды бы с собой взять, что ли. Не подумали.

— Так, а к кому ещё идти-то? — Матвей спрятал молоток с гвоздями в сумку. — Если к Геннадию только зайти. К Зайцеву-то. Но у него весной были, поди уж и не обязательно сейчас-то.

— Ну вот и я говорю, ежели чего, так осенью ещё попроведаем, да и ладно. К Покрову ближе сходить, чтоб листья заодно сгрести, не оставлять до весны. — Клавдия посмотрела по сторонам, потом подошла к заросшей травой могиле неподалёку. — Сейчас вот тут ещё маленько приберу, и домой пойдём. Пять минуточек.

— А здесь кто похоронен? — спросил Валерка, вглядываясь в плохо различимую надпись на потемневшем кресте.

— Не знаю, милёнок, кто тут лежит.

— Не знаешь? А зачем тогда траву косишь? — изумился внук.

— Зачем? А вот никто могилку-то эту не навещает, не ухаживает за ней, а мы приберём её, покойнику-то и приятно будет. Тётка Пана завсегда говорила, что это самое что ни на есть богоугодное дело будет — могилку-то чужую да неухоженную прибрать. Оно покойнику-то, душе его, радостно на том свете сделается, вроде как помянули её, не забывают.

¹ Пристать, здесь — устать, утомиться.

После того как Валерка снова утащил срезанную траву за ограду, отправились обратно. В деревне Клавдии снова встретился кто-то из знакомых и она опять остановилась поговорить.

— Ну, мы тебя уж не будем дожидать, — махнул рукой Матвей, — сама тут дотопаешь. А мы домой пойдём потихоньку.

— Идите, идите, — кивнула старуха, — дойду. В магазин только зайдите сперва, а то хлеба дома нету. И сахар ещё глянь, вдруг да без талонов выкинут, так взять бы побольше, чтоб на варенье-то.

— Хорошо.

И внук с дедом пошли дальше.

— Слышь, дед, я чего спросить ещё хотел, — глянул на старика Валерка. — Ты говорил, когда отца у тебя убили, то братья твои на охоте были. А потом? Они к белым не ушли?

— К белым? Зачем это?

— Ну... чтобы отомстить.

— Ну вот ещё... Старший, Тихон, хотел было сперва стрéлить того, который отца-то решил¹. Караулил даже, да мать, как узнала, взвилась так, что не дай бог. Тятю, говорит, уже не воротись, а ты сейчас и себя, и нас всех погубишь — не вздумай! Вот и всё. Уехали мы тогда в тайгу к родне отцовской на заимку да лет десять там и жили без малого.

— А потом?

— Потом обратно в деревню перебрались, тогда уж колхозы делать стали. А Тихона с Колькой на войне убили. С немцами-то уже которая была.

Матвей немного запыхался и остановился перевести дыхание. Было жарко, он расстегнул пиджак, снял шляпу и вытер носовым платком мокрый лоб.

— А ты сам на войне был? — не отставал от деда Валерка.

— Я нет, не был.

— А почему?

Старик повёл левым локтем.

— Так вот... Из-за руки и не был.

¹ Решить жизни (прост.) — убить.

— Из-за руки?

— Ну да. Рука-то у меня покалечена.

— А-а, да... точно.

Левая рука у Матвея всегда была чуть-чуть согнута. Сгибаться она дальше сгибалась, а вот разогнуться до конца не могла, оставалась полусогнутой. Впрочем, под рубахой или в пиджаке, или в другой какой одежде это было почти не заметно, поэтому многие даже не знали об этом Матвеевом увечье.

— Дед, а откуда это у тебя? С рукой-то? Это, получается, ещё до войны случилось?

— До войны. Я мальцом тогда был, вот навроде тебя как раз. На покосе как-то копны вершнем¹ возил, а коня то ли шершни, то ли осы покусали, он меня и скинул, а я и упал, да прям на локоть. То ли сломал там чего, то ли выбил просто, не знаю, но так на всю жизнь и осталось. Сгибаться-то сгибается, а выпрямить дальше не могу. — Матвей посмотрел на руку, подвигал ею туда-сюда. — Так калеккой вот и остался на всю жизнь.

— А врачи что? — поинтересовался внук.

— Да какие тебе врачи на заимке? Это ж надо в город ехать, далёко, да и кто меня повезёт — сенокос аккурат. Самó вот, как было, так и зажило. Мать-то сперва горевала, что работник я стал никудышный, а потом уж, как война пришла, да как Тихона с Колькой забрали, так, говорит, рука-то твоя спасением вышла, хоть ты дома останешься. А уж когда похоронки на них пришли, так и вовсе. Да я к войне женатый уже был, и мать твоя тогда уже была, и Борис с Андреем.

Валерка немного помолчал, потом снова спросил:

— Слушай, дед, а ты сам на войну не хотел пойти?

Матвей удивлённо покосился на внука:

— Сам?

— Ну да. Были же, кто добровольцами уходили. Мы в школе проходили, и в кино показывают.

Дед пожал плечами:

— Может, где и были, но у нас в деревне я о таких не слышал. Не знаю. Когда призывали, тогда понятно —

¹ Вершнем — на коне, сидя на лошади.

собирайся и иди, а чтоб сам... Может, в городах где, или кто коммунистом был. Так, хоть и сам, кто б меня взял с покалеченной рукой, какой из меня вояка? Я в колхозе всю войну и проработал. Вот такие пироги.

Матвей, надев шляпу, снова пошёл по направлению к магазину, Валерка задумчиво зашагал сзади.

Дома в почтовом ящике их ждала свежая «Знамёнка» и письмо. Валерка, вытащив корреспонденцию, глянул на конверт:

— От мамы.

Матвей сел на крылечко:

— Ну читай чего пишет.

— Так, может, бабу подождать? Когда придёт, тогда и прочитаю.

— Да чего её ждать-то? Она, может, часа через три только придёт. Сейчас встретит подружку какую-нибудь и будут стоять, балясы точить, пока всё друг дружке не расскажут.

— Так, обедать же надо, — растерянно посмотрел на деда внук. — Я уже есть хочу.

— Да шучу я, шучу... Придёт твоя бабушка, куда не денется.

— Так, с письмом-то что делать? Читать, нет?..

— Как хочешь, мне без разницы.

— Ладно, тогда бабу сперва дождёмся.

— «Знамёнку» мне дай пока, — попросил старик. Прищурившись, всмотрелся в заголовки. — Вот на улице, когда свет хороший, так ещё вижу маленько, а в избе уж без очков и не разобрать никого. Чего там творится-то в мире? — Он тряхнул газету, расправляя страницу. Спросил у внука, севшего на лавку: — Ты-то не знаешь, кого они там всё мусолят с договором каким-то? — Медленно прочитал: — «Договор о Союзе суверенных государств». Каких государств-то ещё?

Валерка безразлично пожал плечами:

— Да я почём знаю, дед.

Над калиткой показалась голова Комлева Славки:

— Валерка, здорово!

— О! Славян, привет!

— А вы где были с утра? Я заходил уже, а вас дома никого не было.

— Да мы на кладбище ходили. Пришли только вот.

— А-а... — протянул Славка. — Пошли в футбол погоняем.

— Да я ещё не обедал. Давай, сперва пообедаю, потом и пойдём.

— А когда это?

— Баба Клава сейчас придёт и тогда.

— Вон она идёт, — Славка мотнул головой в сторону.

— Ну сейчас тогда поем, и пошли.

— Ладно, я ещё к Олегу забегу, а потом мы с ним вместе за тобой зайдём. — И Славка убежал.

Когда пообедали, Валерка собрался бежать играть в футбол, но Матвей остановил его:

— Ты погодь-ка! Письмо-то прочитай сперва, а потом уж и беги.

— Какое письмо? — не поняла Клавдия.

— Да от Натальи пришло.

Валерка поспешно разорвал конверт, сел на стул у окна и стал быстро читать:

— «Здравствуйте, дорогие наши мама, папа и Валерий. Писать не собиралась, но у нас кое-какие новости, поэтому пишу. Валеру забрать, как обещали, в начале июля не получится. У Юры на работе кое-какие изменения, ему предлагают место в Москве, поэтому мы в первых числах июля поедем туда вместе. Может получится так, что придётся переезжать жить в Москву», — Валерка перестал читать и растерянно посмотрел поочередно на Матвея и на Клавдию, сидевших тут же, в прихожей. — Вот ни фига себе...

— Ой, господи, — старуха прикрыла рот ладонью, — это как же так-то? Пошто в Москву-то?

Матвей молчал.

— Ну чего дальше-то пишет? — спросила умолкшего внука Клавдия.

Тот снова опустил глаза в письмо:

— «Вернёмся числа пятнадцатого, и потом только Юра приедет за Валеркой. Может, вместе приедем, если получится. Вот такие у нас новости. Вы пока нам ответ не пишете, всё

равно нас дома никого не будет. Когда вернёмся из Москвы, тогда обговорим, что к чему. Может, ещё ничего и не получится. Там с жильём вопрос решать надо будет, и пока ничего не ясно. Ну ладно, буду заканчивать, писать больше особо нечего, больше никаких новостей нет. Передавайте привет Андрею с семьёй. Не болейте. Да, чуть не забыла. От Романа письмо было. Пишет, что всё нормально, служба идёт помаленьку, передавал всем привет. Валера, слушайся бабушку с дедушкой, читай книги, которые задали на лето. До свидания. Наталья и Юрий». — Валерка положил письмо на стол, неуверенно спросил непонятно кого: — Чего я там делать-то буду, в Москве этой?

— Ой, прости господи. — Клавдия поднялась со стула и, качая головой, пошла на кухню. — Чего удумали...

Дверь открылась, и заглянул Славка Комлев, быстро глянул на Валерку:

— Ну чего ты? Идёшь?

Валерка посмотрел на деда:

— Дед, я пойду в футбол поиграю маленько?

— Иди, иди, — кивнул старик, вставая с табуретки.

Сказал старухе: — Пойду полежу маленько.

Управившись на кухне, Клавдия тоже зашла в комнату, села к столу, поправила клеёнку, спросила:

— Слышь, старик, куда собрались-то они, а? Москву какую-то выдумали. Кого там делать-то?

— Чего ты меня-то спрашиваешь? — сердито пробурчал Матвей с кровати. — Я почём знаю.

— Да я так... Кого мне ещё спрашивать. Уедут, а мы как?

— Как, как... У них своя жизнь. Чего они, на тебя глядеть будут?

— Так, страшно чего-то.

— Чего страшно-то тебе? Не в тайге живём, люди вокруг. Андрей-то здесь. Запричитала...

— Да так я. — Старуха растерянно теребила край фартука. — Шибко уж далёко кажется. Это сколько от нас до Москвы-то? Тыщи четыре, а то и больше километров-то будет.

Матвей не ответил, лежал, глядел в потолок. Клавдия посидела ещё немного, потом встала:

— Тоже прилягу, полежу, а то пристала сегодня, ажно ноги гудят. Ой-ой-ой, — заойкала она, ложась на диван и вытягивая ноги. — Но хоть на могилках побывали, слава тебе господи...

Замолчали. В комнате стало тихо, слышно было только, как тикают часы.

— Да ну и ладно, и пушай едут! — вдруг громко сказал со своей кровати Матвей.

Клавдия встрепенулась:

— Чего?!

— Всё равно их в гости не дождёшься. Что есть, что нету, один хрен. Раз в год приедут, да и то... Какая тебе разница, что в Москве они, что тут, под боком? Нам-то с тобой чего?

— Ой, господи... Ты о Наталье, что ли? Так, нас всё равно никто не спрашивает. Чего уж теперь...

— Вон, Андрюха есть. Поди, уж не бросит, доходит. Помрём, так будет кому схоронить.

— Да вот не пил бы только. Ой-ой-ой... — снова заойкала, закряхтела Клавдия. — Ой, ноженьки мои... Тянет, сил нету.

— Да ладно ты там... Раскряхтелась, — сердито проронил старик.

— Так чего я поделаю, раз болят.

На улице залаял Амур.

— К нам кто-то идёт, что ли? — тихо сказал Матвей.

— Да так, поди, гавкает. Может, кто мимо прошёл, а может, на кошку.

На какое-то время снова умолкли.

— Вот придумал же кто-то. Идут и идут себе, и заводить не надо, — пробормотал со своей кровати старик.

— Кто идёт? — не поняла Клавдия.

— Да про часы я. Додумались же, собаки.

— Так давно уж такие есть. Вон, у Зины похожие. Сын уж года два ли три как привёз ей.

— Ну и чего? Так и идут? И не заводила ни разу?

— Так, а кого там заводить-то? Там и нету ничего, чтоб заводить их, только стрелки подводить и всё. Она эту, как её... кругленькую-то... поменяла раз и горя не знает. — Помолчав,

Клавдия спросила: — Старик, ты радио-то не слушал нынче? Чего там про погоду говорят? Вёдро будет или как?

— Не знаю, не слушал. Да их слушать-то... Наврут, глазом не моргнут.

— Хотя на сенокос бы дождей не было. А то сейчас-то вёдро стоит, а там вдруг да дожди пойдут.

— Ну так всё равно ещё полмесяца ждать. Сто раз всё переменится. Будет, поди, погода, накосим.

— Овечек-то всех в зиму оставим?

— Не знаю, там видно будет.

— Да я о том, что сена-то сколь ставить будем? Как всегда или, может, поменьше?

— Да сколько там овечке-то надо? Полкопёшки. Главное на корову накосить, а овцы-то... так...

— Ну смотри сам, тебе косить. Я-то уж не помощница, если грести только.

— Так, чего смотреть, всё равно Андрюха сулился на тракторе помочь. Ему там работы на полдня, а то и меньше.

— Ну дай бог, дай бог...

Снова замолчали. Из подпола выбрался кот, потянулся всем телом, заскочил на диван и, свернувшись калачиком, лёг Клавдии на живот, громко замурчал.

— Васька, ты, вон, на ноги мне ложись, чего на меня-то улёгся. — Она пихнула кота, сдвигая его в ноги, тот нехотя слез с неё и снова улёгся, но не на ноги, а рядом. — Я тебе говорю, на ноги ложись, а ты куда лёг? — упрекнула кота старуха. — Бестолковый.

Минут через пять она встрепенулась:

— Ой! Курям-то в обед не дали!

— А?! — вскрикнул Матвей. — Кого ты?!

— Я говорю, курям-то в обед не дали. Ты не давал им, как с могилочек-то пришли?

— Тьфу ты! С курами своими... Только задремал. Нет, не давал. Да чего им делается-то? Лето на дворе, не зима, не замрут.

— Ой, нет... — Клавдия, кряхтя, села. — Пойду, дам всё же комбикорма им. Лето-то лето, да всё равно надо подсыпать хоть маленько. — Встав, она пошла в сени, осторожно ступая

на ноги. Кот зевнул, показав длинный розовый язык, вытянул лапы и так и остался на диване.

Полежав ещё немного, Матвей тоже встал с кровати, подошёл к радио. Передавали какой-то концерт. «Гляжу в озёра синие, в полях ромашки рву...» — пела красивым голосом певица. Дослушав песню до конца, старик одобрительно покачал головой, выключил радио и пошёл в огород.

Вечером после ужина, когда все дела в огороде были переделаны и скотина накормлена, Матвей сидел на крыльце. Молодой бледный месяц поднялся в небе уже довольно высоко, хотя солнце ещё и не скрылось за горизонт. По деревне после жаркого дня растекалась лёгкая освежающая прохлада.

Из избы вышел Валерка, присел рядом с дедом. Какое-то время просто молчали, слушали вечернюю деревню: в доме напротив громко ругала за что-то свою комолую корову Зина Сулова: «Да ты совсем сдурела, что ли?! Куда прёшь-то?! Стой давай!»; в огороде Амур гремел цепью то залезая в будку, то выбираясь обратно; где-то на соседней улице нудно и противно тархтел трактор; через переулок, у соседей слева в стайке деловито и сосредоточенно похрюкивали свиньи.

— Ну что, набегался за день? — наконец спросил внука Матвей. — Устал?

Тот вяло пожал плечами:

— Да не, нормально.

— На жаре-то в футбол свой гонять.

— Ничего... Дед, а когда ещё на рыбалку пойдём?

— На рыбалку? Так вот же только были, позавчера.

— Так, то на озере, а я бы на Звонику ещё сходил.

— На Звонику можно, песканов потаскать. Погода бы только не испортилась.

— Погода? — внук удивлённо посмотрел на деда. — Жара же стоит.

Матвей кивнул на закатное солнце:

— Видишь, солнце в тучи ложится, а днём их не было. Вот, как бы к утру дождик-то и не собрался.

— Жаль, конечно, если погода испортится, — вздохнул Валерка.

— Ничего, дождь тоже нужен, пусть помочит, и так ведро уж долго стоит.

— Да на рыбалку бы ещё походить охота, а то и так в этом году раньше уезжать придётся.

— Чего тут поделаешь, жизнь — она такая. Это наше дело стариковское, — Матвей снова кивнул на солнце, — на закат идёт, а у тебя всё ещё впереди, тебе учиться надо, работать, сёмью заводить.

Внук поморщился:

— Да это понятно. Я просто в Москву эту не хочу, чего я там забыл? Это же далеко! Как я сюда приезжать буду?

Старик усмехнулся:

— Чего об этом думать. Нам-то уж помирать скоро, не к кому приезжать будет.

— Да ну тебя, дед! — сердито воскликнул внук. — Помирать, помирать... При чём тут это?

— Ну а как? — Матвей шлёпнул себя по щеке, прихлопнув севшего комара. — Никуда не денешься.

— Да ну... Я всё равно в Москву эту не хочу. Я там никого не знаю, друзья у меня все здесь.

— Ну... это дело наживное. Познакомишься.

— Слушай, — внук недовольно покосился на старика, — ты так говоришь, будто хочешь, чтоб мы и вправду туда уехали.

— Ты ерунду-то не говори. Чего мне хотеть. Только нас с тобой никто не спрашивает. Я старый, ты малый... А тебе родителей слушаться надо.

Со стороны стайки послышался Клавдиин голос:

— Давайте, мои хорошие, давайте... Заходите, спать уж пора укладываться.

Там захлопал крыльями петух и вдруг громко, как-то даже отчаянно, словно желая ещё раз напоследок известить мир об окончании дня, заорал во всё горло.

— Ну-ну-ну... — примирительно забормотала старуха. — Чего орёшь как заполюшный. Давайте, давай, заходите, — загоняла она кур в стайку.

— Дед, — спросил Матвея Валерка, — а ты ещё расскажешь что-нибудь? Как раньше жили.

— Как раньше жили? — переспросил старик.

— Ну да. Сегодня-то рассказывал, когда на кладбище ходили.

Матвей пожал плечами:

— Так, а чего рассказывать. Жили, да и жили себе. Ничего там интересного не было.

— Ну... тебе не интересно, а мне интересно.

Старик неопределённо качнул головой:

— Ежели интересно, могу и рассказать, чего вспомню. Только сейчас-то уж поздно, спать пора идти.

— Ну... не сейчас, конечно. Потом. Завтра, послезавтра.

— Там видать будет. — Матвей поднялся, хотел было идти в избу, но остановился. — Вон, гляди. — Он показал рукой на одуванчик, росший у самого забора; его серо-жёлтый бутон только-только начинал пушиться.

— Одуванчик, что ли?

— Ну да, одуванчик. — Старик подошёл к низенькому цветочку, присел возле него на корточки, потрогал рукой. — Вот что взаправду-то интересно. Это сколько же силы да упорства в нём, а? Он ведь здесь ещё в мае в рост пошёл. Я его сперва не трогал, так он с пол-аршина вымахал.

— С пол-аршина? Это как?

— Ну... по нынешнему сантиметров тридцать будет. Стебель чуть не с палец толщиной, барином стоял и только потом уж зацветать начал. Цветок тоже хрушкой¹ дал, больше пятака раза в два, наверное. Ну ладно, думаю, не буду ждать, пока запушится, срубил его тяпкой. Гляжу, через какое-то время он по новой расти начал, но только уж в половину от прежнего дошёл и опять зацвёл. Я его снова срубил. И вот гляди-ка — опять он, и уж отцвёл! И когда только успел, я и не видал. Всего-то на вершок от земли и поднялся, стебелёк тоненький, а завтра-послезавтра пух уж с него полетит. Вот какая в нём сила к жизни заложена! Его раз срубят, а он опять своё гнёт, его ещё раз срубят, а он снова. И ведь не растёт вверх-то уж шибко, а чуток всего — и ладно, и того хватит. Это он, чтоб успеть, чтоб побыстрее. Вот ведь как природа его устроила!

Валерка молча слушал деда.

¹ Хрушкой — крупный, ядрёный.

— Вот так вот... — Старик выпрямился, глянул на внука. — Ты вот спрашиваешь, как раньше жили. А вот так, считай, и жили: тебя — тюк! — по голове, а ты сызнава подымаешься; тебя снова — тюк! — а ты опосля опять голову вверх, так и живёшь...

— А кто тюк-то? — не понял Валерка.

— Да мало ли кто. Это, я тебе скажу, завсегда желающих много было, кто простой-то народ тюкнуть по голове хотел. При любой власти.

— И при советской, что ли? — удивлённо поднял брови внук.

— А что — советская? Она ж не сама по себе, она ж тоже через людей делается, а люди... Они, я тебе скажу, при любой власти одинаковые, вот так вот. У нас, вон, при Хрущёве председатель сельсовета одно время был, так не приведи господи, хуже помещика какого. Народ от него воем выл. Чуть где скопил травьё не там — да, вон, в лесу, к примеру, полянку окосил, делов-то, пару навильников для козы, — нет, что ты! Или веток сухих из лесу на растопку принесёшь. Увидит — всё! Штраф плати, а то и к прокурору потащит. Так, ладно бы, на колхозное куда залез, тогда понятно, ругайся, а тут-то тебе чего, жалко, что ли?

— А чего он так?

— Да чего... Злой человек был, вот и всё. А они при любой власти бывают. Да и просто дураков у нас завсегда хватало. Так что, власть-то она хоть и советская, а люди, они люди и есть, а от человека многое зависит.

В сенях забренчала пустыми вёдрами Клавдия, выглянула на крыльцо:

— Вы чего тут? Чего сидите-то, в избу не заходите? Тёмно уж совсем.

— Идём, идём, — Матвей поднялся на крыльцо, прошёл в сени, за ним Валерка.

На улице и вправду стало совсем темно. Солнце давно уже скрылось за березником и оттуда красило в ярко-малиновый цвет тучи, собравшиеся в тонкую полоску над горизонтом.

Окна домов зажглись жёлтым светом. Где-то вдали вдруг визгливо затавкала собачонка, кто-то сердито прикрикнул

на неё, та умолкла. Над деревней стало совсем тихо, лишь у забора на лёгком ветру шумела листвой раскидистая корявая берёза. В небе одна за другой зажигались звёзды, и где-то там, далеко среди них, оставляя за собой тонкую бледно-розовую полосу, медленно двигалась почти невидимая глазу точка самолёта.

Было душно. Наступала ночь.

Часть 2

Глава 8

Всю ночь на Петров день моросил дождь. К утру он немного стих, но мелкая водяная пыль так и сыпала с неба на землю.

Проводив корову с овцами в стадо, Клавдия переделалась в чистое, повязала на голову белый платок с узорчатой каймой по краям и стала надевать болоньевый плащ с капюшоном.

— Вообще завтракать не будешь? — спросил её Матвей, сидя у окна в прихожей. — Может, поешь хоть немного, а то до обеда-то сведёт брюхо.

— Нет, — отрицательно покачала головой старуха. — Сам же знаешь, до причастия нельзя.

Подвязав плащ узким пояском, она обула туфли, открыла дверь и глянула на мужа:

— Может, тоже пойдёшь? Уж не исповедаться, не причащаться, так просто хоть на службе постоишь.

Тот поморщился и махнул рукой:

— Иди давай... Чего мне там делать? Дома посижу. Да и Валерка вон... — старик кивнул в сторону комнаты, где ещё спал внук.

— А чего он тебе? И один дома посидит до обеда-то, ничего с ним не случится, — продолжала настаивать старуха.

— Сказано тебе иди, значит, иди! — встал со стула Матвей. — Чего не понятно? — Он глянул в окно. — Вон, Зина тебя уже дожидается стоит.

— Ну как знаешь, — буркнула Клавдия. — Гирю-то подтяни, а то уж до полу свесилась, — кивнула она на ходики и вышла в сени.

Соседка и вправду стояла у калитки, дожидалась её.

— Ну чего ты там копаешься? — сердито глянула она на Клавдию.

— Успеем... — отмахнулась та. — До восьми-то ещё полчаса, считай.

— Так идти ещё сколько. Это молоденькие бы были, так ладно, а мы-то с тобой бегуны уже не те.

Старухи быстрым, как им казалось, шагом засемили вдоль дороги.

— Матвей-то не пошёл? — спросила Зина.

— Нет. Валерика одного не захотел оставлять, — наполовину соврала Клавдия.

— Залило, прям, всё, — посетовала на погоду соседка, задирая голову к небу. — То сушь стояла чуть не месяц, а то солнца уж сколь не видать.

— Так... на всё воля Божья. Чего поделаешь сейчас.

— Да понятно, ничего не поделаешь, только людям-то косить уж надо, а оно вишь чего...

— Да, поди, будет же вёдро-то ещё. Пол-лета только прошло, не осень.

Погода испортилась дней десять назад. Как-то резко вдруг похолодало, нагнало со всех сторон тучи, и редкий день с тех пор обходился без дождя. А холодный ветер и вовсе навевал мысли об осени, и если б не длинные ещё дни, то можно было б решить, что лето вовсе закончилось. В совхозе, где начали косить ещё в июне, сено, которое не успели собрать, так и лежало в полях, гнило.

— Одно хорошо... ой, господи!.. — Зина, поскользнувшись на мокрой траве, резко схватилась за Клавдию. — Не упасть бы...

Та поддержала соседку за локоть:

— Осторожнее шагай. Чего — хорошо?

— Да говорю, одно хорошо, что хоть поливать не надо, а то я с вёдрами таскаться уж замаялась. С колодца-то.

— Да тоже плохо, ежели зальёт-то всё. Я вот боюсь, как бы лук не погнил.

— Ничего... Перестанет же когда-то. Бог даст, высохнет.

— Перестать-то перестанет, да только, ежели он от сырости с нутра гнить зачнёт, так уж не просушишь его ничем. Всё, пиши пропало.

Когда вышли на центральную улицу, то пришлось идти уже не по траве, а по грязной обочине. Клавдия ступала аккуратно, стараясь не выпачкать туфли, а вот Зина смело шагала в галошах; туфли, чтобы переобуться в них в церкви, она несла с собой в сумке.

— Чего мне-то не подсказала, чтоб сменку с собой взять?
— Клавдия кивнула на соседкину сумку с обувью. — Так-то удобнее: не выпачкаешься, да и ноги сухие будут, не промочишь.

— Да у меня и мысли не было, думала, ты сама догадаешься. — Зина, закрываясь от порыва холодного ветра, глубже втянула голову в поднятый воротник длиннополой куртки.

Мимо пролетел УАЗик, обдав старух грязной мокрой взвесью.

— Тьфу, ты! Лихоманка тебя заberi... — ругнулась Зина, гневно махнув кулаком вслед машине. — Носятся вечно как угорелые.

— Тихо, тихо... Не ругайся. Праздник же сегодня, — пристыдила подружку Клавдия.

— Ой, прости, Господи, и вправду, чего это я, — сокрушённо покачала та головой. — Ну ничего, всё равно сейчас исповедоваться. Как говорится, не согрешишь — не покаешься.

— Так-то оно так, да всё равно не надо. Нехорошо сегодня.

— Нехорошо, нехорошо... — согласилась Зина.

— Да, чего вспомнила-то... — Клавдия коротко взмахнула рукой и глянула на свою спутницу. — Сон сегодня мне был, матушку видала.

— Какую матушку? Отца Евгения жену, что ли?

— Да пошто отца Евгения-то?! Свою! Маму свою видала.

— Ой, господи... А чего ты её? Вспоминала, что ли?

— Да нет, и не вспоминала вроде. Сама не знаю, чего. А только вот снится, будто я-то уже в годах, а она ещё как

молодая будто бы. И вот сидит она где-то, то ли на стуле, то ли ещё на чём, не знаю, не видать, и волосы себе расчёсывает. Длинные такие... Словно бы после бани или так просто, а я к ней ластюсь, значит. Подойду и жмуся, жмуся к ней, дескать, приласкай меня.

— Ой, господи... — нахмурила брови соседка. — А она чего?

— А она строгая такая, глядит на меня и будто бы в сторону отклоняется, как бы даже чуть отталкивает меня рукою-то.

— Стало быть, не прижала к себе-то?

— Нет. А мне жалко как-то сделалось, обидно, что не обнимет даже, не приголубит, а она ни в какую. Вот чего...

— Ну так это, наоборот, хорошо, значит, девонька, я тебе так скажу. Вот если б обняла да к себе прижала, вот это худо бы было, а так-то оно хорошо.

— Да? — Клавдия, глядя на Зину, не заметила небольшую лужу и наступила в неё.

— Точно тебе говорю. Ежели когда покойник к себе поманит, вот тогда не к добру это, а так-то оно ничего...

— А я проснулася ночью-то, да думаю, свечку бы надо за упокой поставить сегодня. Я и так завсегда ставлю, как бываю, но тут, прям, думаю, обязательно надо.

— Надо, надо... Поставь.

В церкви было прохладно. Сырость последних дней и отсутствие солнца вытеснили из помещения накопленное за жаркие дни тепло. Внутри пахло воском и свежим деревом: не так давно там установили резные сосновые перила, ограждавшие клиросы. Некрашенные, белеющие в полумраке, они ещё пускали пахучую смолу, стекавшую вниз жирными тёмными каплями.

Народа было немного: кроме Клавдии и Зины пришли ещё три таких же старушки, один благообразный старичок, да на правом клиросе певчими стояли попадья — супруга отца Евгения, и их дочка, высокая худая девочка двенадцати лет. Левый клирос, как обычно, пустовал. Прочего причта — ни дьякона, ни священосцев, ни других певчих — в церкви не было.

Старичок — Глеб Мошкин, бывший деревенский участковый, давным-давно сидевший на пенсии, — стоял справа, сложив руки на животе и торжественно и строго глядя перед собой из-под густых белых бровей. В свою милицейскую молодость он активно гонял в деревне богомолков, а под старость, то ли чуя некую вину за собой, то ли из искреннего побуждения, вдруг сам заинтересовался верой и вот уж три года, с самого момента открытия в Рубаново церкви, не пропускал почти ни одной службы, разве что только когда болел.

Старухи встали слева. В белых платочках они выглядели строго и нарядно одновременно. Пока служба не началась, старушки о чём-то тихо переговаривались, делились свежими деревенскими новостями. Клавдия, подойдя к маленькому столику, на котором ставили свечи за упокой, бросила пятнадцать копеек в жестяную банку, и, взяв из лежавших тут же свеч три штуки, перекрестилась и воткнула две в глубокую тарелку, наполненную песком: одну, как она сказала про себя, «за всех умерших», и ещё одну — отдельно «за матушку». Потом прошла к такому же столику у противоположной стены и поставила там свечку за здравие «за всех живущих».

После проскомидии¹, по ходу литургии, пока на клиросе певчие читали полагающиеся молитвы да псалмы, отец Евгений позвал желающих исповедаться по одному в маленькую загородку, сделанную в притворе и служившую одновременно и местом, где хранились дрова, и местом, где принималась исповедь.

Клавдия исповедалась последней и, выйдя из загородки, встала в самом углу. Она старалась настроиться на празднично-торжественный лад, но мысли постоянно убегали в сторону. К тому же за три года она так и не научилась понимать читаемые на церковнославянском языке тексты псалмов и тропарей, плохо разбиралась, что именно происходит в конкретный момент на литургии, поэтому просто стояла и слушала, одновременно со всеми когда надо крестясь и совершая поклоны.

¹ Проскомидия — первая часть литургии.

А мысли её последние дни всё больше касались дочери. Делая по хозяйству привычную, монотонную работу, старуха неизбежно обнаруживала себя думающей о возможном предстоящем отъезде Натальи в Москву. Вот и сейчас, стоя в углу церкви со сложенными на животе руками, она размышляла: «Чего удумали? На что Москва им эта сдалась? Кого там делать-то?» Её страшила сама мысль, что дочь может уехать так далеко и всё — больше никогда не придет. Наталья и здесь-то, живя относительно рядом, была нечастой гостьей у родителей, приезжала раз, от силы два в год. Но всё же... Простое осознание того, что дочь недалеко, согревало, давало уверенность, что, если чего случись, она быстро придет. Рядом, оно и есть рядом, и хорошо. А тут — Москва! Четыре с лишним тысячи километров, шутка сказать... «Ох-ох-ох... — вздыхала Клавдия, осеняя себя крестным знамением, когда стоящие рядом начинали креститься. — Письмо-то дён десять идти будет, наверное, если не больше. Образуь ты их, Господи, дай ты им ума и разума. Может, останутся ещё, может, не выйдет у них с переездом-то этим». Она очень надеялась, что дочь с зятем съедят сейчас в Москву, вернуться и скажут, что никуда не едут, что остаются жить здесь. «Господи, Господи... — Старуха тихонько покачивалась взад-вперёд, глядя на икону святителя Николая Чудотворца, которая была как раз напротив неё. — На кого останемся?» Она почему-то не думала в эти минуты об Андрее, который вообще жил с ними в одной деревне, и который как раз и был для стариков главным помощником. Он, когда надо было, и продукты из магазина привозил, он и уголь в углярку скидывал, он и с дровами, и с сеном помогал...

«Прему-удро-ость! Прости, услышим Святого Еванге-елия! Мир все-ем!» — громкий возглас из алтаря вырвал Клавдию из задумчивости. Голос отца Евгения не отличался зычностью, но в особые моменты во время службы он как мог понижал его, стараясь переходить на солидный бас. Все в церкви преклонили головы. «Господи, прости меня грешную, — думала Клавдия, глядя перед собой в пол, — не понимаю ничего. Ума-то уж совсем нету, и учиться поздно».

Через некоторое время царские ворота открылись, и на амвон вышел отец Евгений с дымящимся кадилом.

Повернувшись к Мошкину, он слегка поклонился ему и трижды махнул кадиллом в его сторону, потом проделал то же самое в сторону входных дверей, где никого не было, потом к старухам. Затем, повернувшись, священник ушёл обратно в алтарь. На правом клиросе попадьё с дочкой продолжали читать молитвы.

Отец Евгений ещё что-то говорил в алтаре, но было не разобрать, и Клавдия невольно снова вернулась мыслями к Наталье: «Господи, Господи... Нас-то уж не послушают, так хоть ты вразуми их. Чего там хорошего-то в Москве этой».

С клироса послышались слова Символа веры: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...» Некоторые старушки зашевелили губами и стали шёпотом повторять за певчими: «И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...» Клавдия несколько лет назад тоже выучила Символ веры и стала приговаривать со всеми: «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы...» Пару раз она запнулась, забыв слова, но потом снова подхватила и, довольная собой, дочитала до конца: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Она поправила платок, чуть пошевелила затёкшими плечами и уставшей от долгого стояния спиной. Потом, посмотрев на свои туфли, переступила с ноги на ногу. Туфли она в этом году обула всего во второй раз, первый был на Троицу, когда вот так же ходила в церковь. С непривычки они неприятно жали, давили косточку мизинца на левой ноге. Клавдия пошевелила ногой, пытаясь снять боль. Вообще в последнее время ноги у неё стали как-то особенно уставать. Ещё лет пять-семь назад она словно и не замечала их, легко бегала и по ягоду, и по грибы, и на покос... А сейчас — вроде ничего особо и не делаешь, никуда далёко не ходишь, а к обеду они словно наливались свинцом, делались тяжёлыми, начинали гудеть. Сегодня же, плюс ко всему, как ни старалась она идти аккуратнее, а всё же её обувь промокла, да и в лужу ту наступила, отчего ногам сейчас было влажно и неудобно. Она опять подумала о Зине: «И чего не подсказала она мне,

чтоб в галошах пойти, а туфли с собой взять. Переобулась бы тут и всё».

Наконец царские ворота снова открылись и вновь показался отец Евгений. «Со страхом Божиим и верою приступи-ите-е!» — басом пропел он, выходя из алтаря с чашей для причастия. Его жена сошла с клироса и подошла к мужу, чтобы помогать причащать.

«Слава тебе, Господи, — подумала Клавдия. — Стало быть, недолго уж осталось». Ей было стыдно признаться себе, что она хотела, чтоб служба поскорее уже закончилась: выстаивать её всю в последний год ей стало особенно тяжело, и пару раз она, придумывая какое-нибудь оправдание перед Зиной, приходила не к началу, а на час-полтора попозже.

Когда отец Евгений с чашей для причастия взошёл на амвон, тучи на небе разошлись и сквозь них проглянуло солнце. Белёсое, мутное церковное окно осветилось, нарисовав на полу шесть ярких прямоугольников. В церкви сразу сделалось светлее и как-то радостнее. Клавдия приняла это за добрый знак.

Она, как и к исповеди, снова встала последней в недлинной очереди, выстроившейся к отцу Евгению. Когда дело дошло до неё, Клавдия перекрестилась и, крестообразно сложив на груди руки, приоткрыла рот, подставляя его священнику. «Причащается раба Божия Клавдия честнаго и святаго тела и крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную», — быстро пробормотал иерей, вливая старухе в рот содержимое ложечки для причастия. «Те-ело Христо-ово прими-ите, источника безсмертнаго вкуси-ите», — пропела тоненьким голоском с клироса дочь батюшки. Клавдия приняла причастие и, после того как попадьё, помогавшая мужу, вытерла ей губы платком, опустив глаза отошла в сторону. «Слава Тебе, Боже, — трижды прошептала она одними губами. — Не остави мя, Господи, грешницу милостью своей».

По окончании службы отец Евгений прочёл небольшую проповедь об апостолах Петре и Павле, рассказал об их деяниях и о чём говорится в их посланиях. Старушки внимательно слушали, усевшись в ряд на длинную лавку, стоявшую у стены; Глеб Мошкин пристроился на ней же с краю. После проповеди

опять подошли к священнику — за благословением. Клавдия поклонилась и протянула сложенные лодочкой руки:

— Благослови, батюшка.

— Бог благословит. — Отец Евгений осенил её крестным знаменем и спросил довольно громко: — Супруг-то не пожелал прийти сегодня?

Клавдия смутилась:

— Да вот чего-то не вышло... Внучок же у нас сейчас гостит, так одного его дома оставлять побоялся.

— Понятно, — кивнул священник. — Передайте ему, что христианину надобно бы посещать службы. Пусть не каждый раз, но всё-таки... Исповедаться, святых даров причащаться. Тем более, что возможность такая сейчас есть, с Божьей помощью церковь в деревне имеется, поэтому неразумно упускать такое. Нынешние власти более благосклонно к верующим относятся, службы не запрещают, как раньше-то было, гонениям не подвергают, так что, грех не пользоваться.

— Передам, батюшка, передам, — закивала старуха.

Отец Евгений посмотрел на всех с амвона, улыбнулся:

— Ещё раз поздравляю с праздником, идите домой, разговляйтесь. Помогай вам Господь!

— Спаси Христос, батюшка... Спаси, Христос. — Крестясь и пятясь, все пошли на выход.

Солнце, выглянувшее ненадолго во время службы, снова было укрыто тучами, но дождя уже не было. Попрошавшись друг с другом, старухи пошли кто куда.

— Вот и слава тебе господи, хоть причастились, — довольно сказала Зина. — Ну что, домой пошли? Разговляться надо, я уж есть давно хочу.

— Да мне б в магазин ещё зайти, хлеба взять да талоны на чай и на сахар отovarить. Не знаю, как нынче варенье варить будем, сахару-то нет совсем.

— А что, дают сегодня?

— Должны, вроде бы.

— Ой, чего ж ты мне с утра-то не напомнила? Я б тоже талоны взяла.

— Да я и не подумала. К нам-то Андрей вчерась вечером заезжал, сказал, что сахар завезли, можно отovarить.

— Ой-ой-ой... — зайкала Зина. — И у меня у самой-то ума нету, чтоб догадаться взять бумажки эти, ведь тут-то рядышком всё, а так опять идти придётся. Ой-ой-ой...

— И на почту попутно зайти надо, — продолжала Клавдия, — конвертов купить, а то один только остался.

— Ладно уж, пошли вместе, я тоже чего-нибудь гляну. Хлеба-то мне не надо, а пряников взяла бы. Да если Люба сегодня в продуктовом, так спросить, может, так сахару отпустит, без талонов, а я б ей вечером домой занесла.

И соседки побрели в сторону центра села, где располагались все магазины и почта.

Когда шли домой, то больше молчали. В животе у Клавдии урчало, она уже сильно проголодалась, но старалась не обращать на это внимания, отвлекая себя разными мыслями. Думала, что вот уже пол-лета, считай, пролетело, а так и не дошли руки печку почистить, и надо бы не забыть сказать старику, чтоб занялся этим. И белить в избе уже надо. Хорошо, если б Наталья приехала да помогла с побелкой. Стены-то ещё ладно, сама справится, а вот к потолку голову задирать совсем неловко стало, шея быстро устаёт. И перины просушить так и не успела. С этим тоже дальше тянуть уж некуда: в августе дело к осени пойдёт, там не до этого будет. И вот, вроде, сидеть без дела не сидела, а ничего толком так и не сделала. Правда, в огороде нынче мороки много было: морковку пришлось посеивать, на капусту гусеница напала, каждый день дустом осыпать приходится, огурцы кое-как пошли. Но хоть картошка, слава богу, в силу вошла, цвести начинает, а то уж не знали, чего и думать, шибко долго сидела она, никак всходить не хотела.

— С ягодой-то чего нынче, не знаешь? — спросила Зина, когда они уже шли по проулку к своей улице.

— С какой? — не поняла Клавдия.

— С клубникой. Земляника-то уж отошла, считай, а вот клубника как — не знаю, не слыхивала пока ни от кого.

— Так, холод стоит, да дожди. Ей же тепло надо. Так-то я видала, цело много её нынче, а как поспевать будет, не знаю.

— Сходить бы охота, побрать.

— Охота... Я люблю её, да ноги совсем ходить отказываются. Так только, если недалёко куда-нибудь.

Они вышли из проулка и повернули каждая к своему дому. И сердце у Клавдии ёкнуло — у их калитки стояла ярко-голубая машина.

— Ой, господи... Никак, Наталья приехали. — Старуха на мгновение остановилась, но тут же чуть ни бегом кинулась к дому.

Но Наталья не приехала, приехал только Юрий. Он сидел в комнате на диване и, закинув ногу на ногу, просматривал «Знамёнку». В прихожей у порога стояли две собранные сумки с Валеркиными вещами, на них лежала его удочка. Сам внук с расстроенным видом сидел у стола и, глядя в окно, безучастно вертел в руках вилку.

— Ну наконец-то! — Увидев входящую в избу тещу, зять поднялся с дивана. — Чего так долго-то?

Клавдия растерялась:

— Пошто долго? А Наталья где?

— Дома Наталья. — Юрий бросил «Знамёнку» на стол и вышел в прихожую. — Я один за Валерием приехал.

— Как? Писали же, что после пятнадцатого, а сегодня двенадцатое только.

— Так получилось. Да и какая разница? Три дня раньше, три дня позже... Да мы бы уже уехали, но он ни в какую, — зять кивнул на Валерку. — Пока с бабой не попрощаюсь, говорит, не поеду. Вы где были-то? Я уж и до церкви до вашей доехал, думал, подвезу, а там закрыто всё.

— Так мы с Зиной в магазин ещё ходили да на почту. — Старуха поставила тяжёлую сумку с продуктами на пол. — Так пошто сразу-то едете? Пошто не побудете-то? — Она растерялась ещё сильнее и не знала, что говорить, что делать.

Валерка встал и подошёл к ней:

— Бабуль, ну вот...

— Наталья-то пошто сама не приехала?

— Да некогда ей, вы понимаете? Она с работы рассчитывается, документы оформляет, бумаги всякие. Это ж не так всё просто, беготни хватает.

— Как рассчитывается?

— Ну как люди рассчитываются? По собственному желанию, естественно, — Юрий иронически усмехнулся.

— Так вы чего, уезжаете, что ли? В Москву-то эту? — Ноги у старухи вдруг сделались ватными.

— Ну да! — зять повысил голос и раздражённо взмахнул руками. — Уезжаем! Мы же писали. Чего б мы тогда туда ездили?

— Так, она писала, только узнать поехали.

— Ну вот, узнали! Мне через две недели уже надо на работу там выходить, поэтому я раньше поеду, а Наталья с Валерием чуть позже: надо будет вещи все упаковать, контейнер отправить. И там надо успеть Валерия в новую школу оформить. Да ёлки-палки, чего рассказывать — полно дел! Ну всё, давай! — Юрий подошёл к Валерке и легонько подтолкнул его в плечо. — Прощайтесь и поехали. — Взяв одну сумку, он пошёл из избы.

— А старик-то где? — чуть не шёпотом спросила Клавдия.

— Дед в огород зачем-то пошёл. — Валерка с кислым лицом переступил с ноги на ногу.

В сенках хлопнула дверь, и вошёл Матвей, быстро исподлобья глянул на старуху:

— Ну что?

— Что «что»? — не поняла Клавдия.

— Попрощалась? Кое-как уговорил сразу не ехать, а то торопятся вечно как на пожар, — недовольным тоном пробурчал старик.

— Так, пошто ехать-то? Надо ж хоть пообедать сперва. — Старуха, так и стоявшая в плаще и туфлях, стала суетливо раздеваться.

— Да не будет он есть! И так уж извертелся весь... Он в десять ещё приехал, мы только позавтракали. Чаю попил да всё сидит, на часы смотрит. За тобой даже в церкву ездил, да не застал.

Вернулся Юрий:

— Валерий, ну чего ты канителишься? Пошли! — Он подхватил вторую сумку и удочку. — Давай, давай, давай...

— Юра, так, может, вы хоть пообедаете сперва? Время-то уж... Пока доедете, так замрёт.

— Не замрём, тут ехать-то... — Зять снова убежал.

— Ба, дед... ну я поехал, — внук чуть улыбнулся одними губами. — Пока. Я на следующий год обязательно приеду.

— Ладно, не загадывай, — приобнял его одной рукой Матвей. — Бог даст, так приедешь.

— На рыбалку только мало походили, тут ещё дожди эти... — Валерка смущённо повёл плечами. — Ба, ну давай... — Он обнял бабушку за плечи и, наклонившись, чмокнул её в щеку. — Да, чуть не забыл... Там на комодке две книжки лежат, я в библиотеке брал. Вы их обратно верните, хорошо?

— Вернём, вернём, — кивнул Матвей, — не переживай.

Опять пришёл Юрий:

— Валерий, ну ёлки-палки! Ты, прям, как маленький, сколько можно тебя просить! Время-то идёт!

У Клавдии мелко затряслись губы:

— Так ты скажи, пошто Наталья-то не приехала?! — уже как-то зло и сердито выкрикнула она. — Ведь не по-людски же! Как так-то? Неужто так и уедет, не попрощавшись?

— Да чего не по-людски-то? Виделись же нынче! Мамаша, чего вы, в самом деле, начинаете? Получится, так приедет ещё, нет — ничего страшного, на следующий год прилетит. Давайте, давайте!

— Всё ему давать кого-то надо, — проворчал Матвей.

Все пошли на улицу. Юрий быстро сел в машину и завёл мотор, Валерка не торопясь забрался на заднее сиденье, и «Жигули» рванули с места. И сразу же стало как-то очень тихо.

Матвей с Клавдией стояли у калитки, глядя в конец улицы, где вдаль ещё маячила голубой точкой быстро удалявшаяся машина, но вскоре и она потерялась из виду.

— Сегодня радио слушал, так, вроде, ведро обещают к воскресенью, — тихо сказал Матвей. — Бог даст, с той недели, может, тогда косить зачну, ежели не наврала.

Он подошёл к мокрой лавке и, даже не смахнув капли, прямо так и сел на неё. Клавдия молчала. Старик глянул на жену:

— Ты белить-то собираешься нынче? Пол-лета прошло. Или так пущай будет, до следующего года? Не шибко уж грязно-то. Пройтись по углам веником, тенёта собрать, где есть, да и ладно.

Клавдия повернулась и, ничего не ответив, пошла в избу.

Глава 9

Прогноз погоды не обманул. Действительно, к понедельнику стало теплее. Пару дней по небу ещё бежали редевшие и мельчавшие с каждым днём облака, но потом и их не стало. От края и до края над головой вновь раскинулась синева. Солнечные лучи, не встречая более на своём пути преграды, снова стали жарить напитавшуюся влагой землю, и по скошенным уже лугам да полянам зазеленела свежая, словно весенняя травка — отава. Стояла самая середина короткого сибирского лета.

В один из дней Клавдия с утра пораньше решила наконец-то заняться своими перинами. Вытащив в огород пуховые подушки и одеяла с матрасом, она разложила их на лавки и принесённые из дома стулья. Взяв выбивалку для ковров, старуха стала аккуратно шлёпать ею по перине.

— Ох ты, господи, пыли-то сколько, — бормотала Клавдия, глядя, как в солнечном свете при каждом ударе вспархивают, мельтешат мелкими искорками пылинки. — И откуда только берётся она.

Вчера пришло письмо от Натальи. Дочь извинялась, просила прощения, что не приехала вместе с Юрием, клялась, что у неё «нет ни минутки свободного времени», но смысл оставался неизменным — до отъезда в Москву повидаться с родителями у дочери вряд ли получится. Писала также, что следующее письмо, скорее всего, будет уже оттуда, с нового адреса. И Клавдия обиделась на дочь. Обычно она садилась писать ответное письмо сразу же, но тут просто убрала дочерин конверт в комод и всё. И как ни пыталась она время от времени оправдать Наталью в своих глазах, ничего не получалось. Не могла никак она поверить, что нельзя было выкроить хоть полдня на то, чтоб по-людски попрощаться перед отъездом в такую даль. Днём заняты, так приехали бы хоть вечером, а утром обратно, всё было бы время и поговорить, и обсудить что-то. Не молоденькие ведь они уже с дедом, а ну как и не доведётся больше свидеться? Всяко ведь бывает.

Клавдия была хлопущкой перины, а в голове у неё беспрестанно вертелись эти мысли.

Ближе к обеду вернулся Матвей. С утра, взяв с собой Амура, он ходил смотреть покос. Первым домой прибежал пёс. Уставший, вволю набегавшийся, он сам залез в будку, словно прося снова посадить его на цепь. Минут через пять пришёл старик. Разувшись, сел на крыльцо.

— Ну и как? — присела рядом с мужем Клавдия. — Как трава-то?

Дед крякнул, устало помотал головой:

— Пристал я чего-то. Шибко уж далёко нынче показалось. Те года ходили, так, вроде, быстрее добегал. — Он скинул с плеч пиджак, расстегнул чуть не до пояса рубаху.

— Ну так иди ляг, полежи. Отдохни немного, а я пока обед соберу, — предложила старуха.

— Надо, однако, и в правду пойти полежать. Дыханья совсем не стало. — Матвей, поморщившись, встал. — Пройду двести метров и всё, словно воздуха не хватает.

— Может, шибко быстро шагаешь?

— Да ну! Куда быстро-то... Еле-еле иду. Из-за жара это, наверное...

Зашли в избу, старик лёг на кровать и оттуда уже сказал:

— А травица хорошацкая! Выше пояса вымахала и не жёсткая совсем, видать, после дождей набралась. Самое то косить будет. После обеда литовку отобью и завтра с утра пойду, начну потихоньку.

Клавдия заглянула в комнату:

— Так, может, не надо уж? Раз задыхаешься. Пусть уж Андрей трактором скосит. Подождать дён пять, поди, ничего не случится. Погода-то только наладилась, не будет, поди, дождей-то скоро.

— Ничего, я помаленьку. Зачну, где трактором неудобно будет. Да и когда у него там получится, неизвестно ещё...

— Ну сам смотри, как знаешь.

Сразу после ужина Матвей сел в комнате к столу под лампу и стал чинить снасти. Два дня назад, в воскресенье, он сходил на пруд на рыбалку и там какой-то особо пряткий карась, утащив поплавок в траву, запутал леску так, что

пришлось, в конце концов, оборвать её вместе с грузилом и крючком.

И снова с рыбалки старик помимо рыбы притащил домой к неудовольствию Клавдии несколько разнокалиберных консервных банок, три бутылки из-под водки и одну из-под вина. Впрочем, старуха уже ничего и не говорила ему на это, лишь недовольно хмурилась да что-то бурчала себе под нос.

В первый раз Матвей принёс банки с озера восемь лет назад. Прямо в рюкзаке. На вопрос жены «зачем?», лишь мотнул головой — отстань! — и ничего объяснять не стал. Молча скидал банки в узкий проход между забором и столяркой и всё. Потом принёс ещё раз и ещё, а потом к банкам добавились пустые бутылки. Когда Клавдия возмутилась, что он «в чистом рюкзаке всякую дрянь таскает», он сам сшил из тряпичных лоскутов сумку и стал приносить банки в ней. Через четыре года банок стало слишком много и старуха взвилась не на шутку, дескать, сделал в огороде мусорную свалку. Тогда Матвей, взяв молоток, сплющил все банки в лепёшки, нашёл где-то мешок из толстого полиэтилена и, поскидав жестяные блины туда, убрал их снова за столярку, как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Бутылки же он начисто отмыл, отодрал с них этикетки и сдал в магазин. Полученные за стеклотару деньги — а вышло на три рубля с копейками — отдал Клавдии. После этого она махнула рукой — всяк по-своему с ума сходит. Так только, ворчала иной раз для порядка, но с какой целью муж таскает весь этот хлам домой, так и не выпытала. Не из-за денег же. Да и если б одни бутылки приносил, тогда ясно, а так банки ещё эти...

Сейчас Матвей разложил подле себя на чистой белой тряпице грузила, крючки и катушку с леской. Надев очки и нахмутив брови, он сосредоточенно пытался привязать к леске маленький крючок. «Ядрит-раскудрит!» — ругнулся старик в полголоса, когда леска в очередной раз выскользнула из грубых его пальцев и рыбацкий узел, с таким трудом уж было завязанный, размотался. Устало выдохнув, Матвей снял очки, широко раскрыл глаза, давая им отдых, и посмотрел вдаль, в окно.

Во входную дверь постучали, и она тут же открылась.

— Здравствуйте! — послышался мужской голос, показавшийся Матвеем отдалённо знакомым.

Клавдия в это время собирала сепаратор: вот-вот должны были прийти из стада корова с овцами.

— Здравствуйте, — неуверенно поздоровалась она в ответ, выглянув из кухни в прихожую.

В открытых дверях, не заходя в избу, стоял незнакомый парень.

— Мамаша, скажите, у вас мака, случаем, нету?

— Мака? — удивилась старуха.

— Ну да... Вы мак не выращиваете?

— Так, тебе на что? Стряпать, что ли, кого собрался?

— Ну да... — усмехнулся незнакомец. — Жена стряпать собралась, хотела булочки с маком сделать, сунулись, а дома нету. Кончился. И магазин закрыт уже. Вот, думаю, пойду, поспрашиваю у людей, может, кто выручит. Вы не выращиваете?

— А я тебя чтой-то не признаю. — Клавдия прищурилась на мужчину. — Вроде, не видала раньше. Ты не нашенский, не местный?

Матвей встал со стула и выглянул в прихожую. Не сразу, но в незнакомце он узнал того костлявого парня с наколками, который отпускал пахабные шуточки, когда они с Валеркой ездили на рыбалку на Колбихинский пруд.

Увидев старика, парень широко улыбнулся, показав пару жёлтых коронок во рту, и кивнул:

— Здравствуйте, папаша. — Было видно, что он Матвея не узнал. — Ну так как насчёт мака? — снова посмотрел он на Клавдию.

— Нет, мил человек, нет у нас мака. Весь издержали.

— Так, может, свежий есть? Нынешний уже?

— Какой же нынешний-то? Он ещё зелёный, не поспелый.

— Так вы выращиваете?

— Да нет, не выращиваем. Раньше выращивали, а нынче нет. Незачем нам.

Матвей, стоя в дверях, молча смотрел на парня.

— Ну ладно, жаль, — тот разочаровано цыкнул, дёрнув уголком рта. — А не знаете, может, кто из соседей выращивает, а? А то больно уж булочек с маком хочется.

— Не знаем, мил человек, не знаем, — ответил за старуху Матвей, выходя в прихожую. — Тут мы тебе не помощники.

— Ну ладно, извините, — парень кивнул и, повернувшись, пошёл прочь.

Матвей вышел за ним на улицу, постоял на крыльчке, глядя, как тот зашагал через улицу к дому Зины Сусловой. Вернувшись в дом, старик предложил:

— Слушай, может, Амура к калитке куда-нибудь пересадим? Пусть у крыльца сидит, а то, вон, ходят всякие, а у нас двери нараспашку. Даже и не знаешь, что кто-то идёт.

— А пчёлы? Ты ж сам его там заради пчёл привязал.

— Ну да... Ладно, подумаю ещё.

— Ты бы, старик, может, картошку ещё разок протяпал, а то травища-то после дождей сейчас полезет. Да и окучить бы её ещё не мешало, прошлый-то раз не шибко много подгрести. Она аккурат цвести начинает. — Клавдия дособрала сепаратор и стала одеваться идти встречать скотину.

— Так, когда мне, ежели я завтра косить собрался идти. Может, ты уж сама помаленьку? Тяпку я тебе наточу.

— Ладно, поглядим, — и старуха, обув галоши, вышла из избы.

На следующий день Матвей отправился косить. Пошёл рано, когда солнце только-только показало миру свою огненно-красную макушку. Чтоб было легче идти, он не стал даже завтракать. Положил в рюкзак полбулки хлеба, пару луковиц, два варёных яйца, три огурчика, кинул складень с кружкой и всё.

— Молока-то возьми бутылку, — предложила Клавдия.

— Не, не надо, скиснет на жаре, — отказался муж. — Там родник есть, воды попою и ладно.

— Так ты бутылку-то с молоком в родник поставь, да и всё, тогда не скиснет. Там вода-то студёная, оно как в холодильнике будет, — предложила старуха.

— Ладно, обойдусь.

Сунув в карман пиджака оселок¹, он закинул косу на плечо и пошёл.

И шагалось, и дышалось легко. Утренний, не разогретый ещё воздух приятно бодрил лёгкой прохладой, и Матвею казалось, что вчерашних проблем с дыханием словно и вовсе не было.

До покоса было километров пять. Сперва надо было идти как на Звонихинский пруд, а потом направо, по грунтовой дороге, на небольшую деревушку Серебряковку, не доходя до которой, по лесным опушкам, по полянам, промеж берёзовых околков, и косили уже много лет Заречневы. Покос получался не сплошняком, а кусками — там немного, тут побольше, там ещё чуть-чуть да здесь краешек, вот и набиралось. Что-то можно было скосить трактором или конной косилкой, но примерно с четверть всегда выкашивали руками.

Матвей, ни разу не остановившись, лёгкой размеренной походкой дошёл до самого Звонихинского пруда, даже сам себе удивился. Прошёл через березник, оставив пруд по левую руку, и только потом решил немного передохнуть. Постояв пару минут и отдышавшись, он зашагал дальше: «Некогда прохладиться, а то солнце подыметя, так по жаре-то хуже будет».

Начать косить Матвей решил с освещённых солнцем полян, пока они ещё были в росе. «А уж потом, когда солнышко подыметя, тогда в тенёк перейду», — подумал старик. Сняв пиджак, он повесил его на берёзовый сук, рюкзак бросил тут же, а оселок переложил в карман брюк. Посмотрел по сторонам, прикидывая, с какого края лучше взяться, как лучше пройти первый рядок, примерился и, пробормотав: «Ну, господи благослови», взмахнул косой.

Пройдя пару рядков, Матвей разработался, размялся и с удовольствием помахивал литовкой. Косилось хорошо, легко. Чтобы быстро не устать, по многу травы он не захватывал, переступая вперёд мелкими шажками. Широкий, без напряжения, замах, затем — вжик! — и остро отбитая литовка легко срезала мягкую ещё, росистую траву, которая тут же укладывалась

¹ Оселок — брусок из мелкозернистого абразивного материала, применяемый для доводки вручную режущих кромок инструментов.

в ровный валок по левую руку. Капельки росы разлетались с падающей на землю сочно-зелёной травы, радужно искрились в лучах встающего солнца, и штанины у старика быстро вымокли снизу до самых колен.

Ещё через несколько рядков Матвей остановился. Оглянувшись на проделанную работу, он посмотрел на часы и подумал: «Ничего... Бог даст, ежели так и дальше пойдёт, то неплохо будет». Уперев косовище в землю, он взял пучок травы, обтёр лезвие, затем достал оселок и, положив одну руку на нож, стал подправлять чуть затупившуюся литовку. Закончив с этим и передохнув ещё пару минут, стал косить дальше.

Солнце поднималось всё выше и выше и уже хорошо припекало. Рубаха на спине у Матвея сделалась мокрой от пота. И хоть росу там, где он косил, солнце высушить ещё не успело, старик решил перейти на другое место, на полянку, которая была в тени.

Часам к десяти в животе у Матвея заурчало, но он решил не останавливаться, а продолжать косить, пока утренняя прохлада не ушла совсем, пока окончательно не пришёл на смену ей зной. Он махал и махал косой, не обращая внимания на проснувшихся слепней и прочей мухоты, поднимавшейся с травы и кружившей вокруг него роем, лезшей в лицо, садившейся на потную спину и пытавшейся укусить прямо сквозь рубаху.

И всё слаще и слаще пахло луговым разнотравьем. Белоголовник, журавельник, васильки, девясил, ромашки, тысячелистник, зверобой, клевер, прочие дикоросы, — всё это яркое, пёстрое многоцветье, согреваемое солнечными лучами, постепенно скидывало с себя ночную сонливость, раскрывалось новому дню и источало сладкие медовые ароматы.

Наконец Матвей почувствовал, что устал. Начала ныть поясница, налились тяжестью крýльца¹, и он остановился. Снял шляпу, вытер со лба пот и удовлетворённо окинул взглядом лежащие ровными рядами валки. Ему всегда нравилась эта незатейливая геометрия: прямые линии скошенной травы изменяли привычный пейзаж, добавляли ему строгости, чёткости, как-то упорядочивали его. «Эх, годков с десятков бы

¹ Крýльца — заплечье, лопатки.

скинуть, вот тогда бы покосить! — подумал старик, обтирая косу травой. — Но и так, слава богу, на полкопёшки, однако, точно будет. Как ни больше».

Матвей скинул с себя мокрую от пота рубаху и повесил её на сук рядом с пиджаком. Тут же его в плечо прямо с лёта укусил большущий слепень. «Ах ты, паразит такой! — ругнулся старик, шлёпнув себя по плечу. — С мясом же, прямо, вырывает. Ну жили же вы тут как-то без меня, и с голоду никто из вас не помер, так чего накиннулись-то сразу? Кровушки человеческой захотелось?» Он накинул пиджак на голое тело и сел в тенёк перекусить. Потом, вспомнив, что пить у него с собой ничего нет, взял рюкзак с нехитрой своей снедью и пошёл к роднику, который пробился несколько лет назад в небольшом овражке совсем недалеко отсюда.

Матвей не знал, на месте ли родник в этом году. Так бывает иной раз, что водная жила вдруг находит себе новый выход на поверхность либо вовсе иссякает, и родники умирают, но этот, к радости старика, был на месте. На самом дне овражка из-под земли чуть заметным фонтанчиком била вода. За несколько лет она вымыла себе неглубокую впадинку, в которой сначала скапливалась небольшой лужицей и затем уже текла тоненьким ручейком дальше вниз. Зачерпнув воды, старик не стал пить сразу, а поставил кружку в сторону, на солнечное место, чтоб она немного согрелась. После того как разгорячился да вспотел, простыть — дело нехитрое, сам не заметишь как горло обложит, и сляжешь с ангиной. Поэтому Матвей, отставив кружку, стал смотреть на родничок.

Перевидал он их за свою жизнь немало, но всякий раз для него это было диво дивное. Ведь, казалось бы, с чего — земля, травка растёт, ну ладно, уклон небольшой, косогорчик, и вдруг — вода! Никто не копает, ям никаких не роет, а она сама — раз! и бьёт ключом. И всегда ему было интересно, ну как же эта вода течёт там, внизу, под землёй. Когда роешь колодец, тогда понятно, ты сам до неё добрался, вода эта глубоко, сочится со всех сторон, копится, и вот тебе — готов колодец. Стенки укрепил, и дело сделано — черпай, сколь надо, но тоже с умом, конечно. А здесь-то как? Это ж она сама наверх выбраться должна. Объяснял ему как-то человек один знающий, как там всё это происходит, но всё равно для Матвея это было чудом.

И куда бежит потом этот ручеек? В Звонику впадает или ещё куда? Да вроде и нету тут больше речек поблизости, в Звонику, наверное. И, если разобраться, то ведь с таких вот родничков вся Звониха и набирается. Так это сколь же их быть должно, чтоб такая речка получилась, ежели он один — вон какой махонький. Но ладно — Звониха, с разбега перепрыгнуть можно, так ведь и большие реки — Енисей, Обь, Волга та же, все ведь они с таких вот ручейков и начинаются. Копятся, копят, Звоники разные в них стекаются, и потом вон сколь воды получается. Это же миллионы таких родничков да Звоних должно быть! М-да-а... Интересно, всё-таки, и уму непостижимо.

Настроение у Матвея было хорошее. Солнце жарило уже вовсю, но здесь, в овражке, в тени густой берёзовой листвы, было хорошо, к тому же поднялся лёгкий ветерок, который приятно обдувал, добавлял свежести.

Позавтракав и немного передохнув, старик засобирился домой. Рубаха высохла и он, одевшись, закинул пустой рюкзак на спину, взял косу и... Ни с того ни с сего, словно сорвавшись с места в карьер, вдруг забило, заколотилось сердце. Жаркая волна накатила в голову, до тошноты помутилось в ней, и сердце встало. Старик выронил косу, чуть было сам не опустился на землю, но всё же удержался на ногах, а уже через две-три секунды сердце вновь забило. Забило ровно и спокойно, как ни в чём не бывало. Матвей тяжело выдохнул, его сознание постепенно прояснялось. «Да чего ж ты творишь-то, а? Чего ж не хватает тебе? — Он потёр рукой грудь. — Иль робить ты у меня уже устало?» — старик легонько мотнул головой, прогоняя из неё туман. Постоял ещё немного, растёр ладонями лицо, окончательно приходя в себя, поднял косу и зашагал домой.

После обеда Заречневые вышли посидеть на лавочке за оградой. Минут через десять, увидев их, к ним подошла жена Фёдора Гуменникова Раиса, крупная, дородная баба с низким густым голосом. Выглядела она несколько растерянной.

— Чего ты? — спросила Клавдия, заметив выражение соседкиного лица. — Словно смурная какая-то. Чего стряслось?

— Да вот не пойму я... — пожалала та крутыми полными плечами, склонив набок голову и сложив пухлые руки на животе. — Утром то ли внимания не обратила, то ли чего... Сейчас в огород-то вышла, у нас там грядка с маком была за погребом посажена, а там пусто, нету ничего. Будульжки одни торчат и всё. Во... — Она развела большой и указательный пальцы, показывая высоту оставшихся стебельков. — Куда подевался-то он весь? — Раиса удивлённо посмотрела на Заречневых.

— Мак? — переспросила Клавдия.

— Ну да, мак.

— Не знаю, куда он у вас подевался.

— Может, скотина какая в огород забрела? — предположил Матвей.

— Да какая скотина-то? — возразила соседка. — Забор целый. Да и если б скотина, то как она так — ничего больше не съела, только мак один, что ли? Да так, что ни одного не оставила?

— Ну да, навряд ли... — согласилась Клавдия. — Погодь-ка! — Она вдруг подняла брови и повернулась всем телом к соседке. — А ить к нам вчера мужичонка какой-то приходил, про мак спрашивал, да мы-то не сажали нынче, так и отправили его ни с чем. Он от нас к Зине потом пошёл. Вон, Матвей видал.

— Ой, так и у нас ведь был! — взмахнула рукой Раиса. — Из головы-то он у меня и вылетел. Ну да, пришёл вчера, нету, спрашивает, свежего маку у вас? А я ему говорю, откуда ему быть-то, июль ещё. Это уж в августе надо свежий-то спрашивать. А он говорит, я тогда через месяц зайду, продадите немного? Ну я и посулила. Ладно, говорю, для себя рóстим-то, но ежели надо, так продам, копейка-то, она лишняя не будет. Так, неужто он? Это когда ж? Ночью, что ли забрался? Ой, батюшки... — Соседка испуганно прикрыла рот ладонью. — И Фёдор вчера на рыбалку с ночевой умотал, а у меня и баня-то незакрытая ночевала. Ой-ой-ой... Посмотреть надо, а то, может, ещё чего пропало.

— Так на что он кому нужен-то сейчас, мак этот? — удивился Матвей. — Зелёный же ещё.

— Да кто его знает...

К дому Заречневых подошла со своей почтовой сумкой Ленка Паутова, устало улыбнулась:

— Здравствуйте, а вам сегодня нет ничего. — Она дунула себе в лицо, убирая со лба прядь волос. — Ой, жарко... Я, прям, мокрая вся.

— Здравствуй, Леночка, здравствуй, — приветливо кивнула ей Клавдия и немного подвинулась, освобождая место на лавке. — Сядь, посиди с нами, отдохни маленько, а то умаялась, поди, сумку-то свою таскать. Мы вот тут выясняем, куда у Раисы мак подевался. Вчера ещё был, а сегодня уже нету.

— Что, и у вас мак украли? — Ленка глянула на Гуменникову, скинула с плеча сумку и поставила её на лавку, сама садиться не стала.

— Как это — и у вас? — удивилась та. — А у кого ещё?

— Так на этой неделе уже несколько случаев было. У Перемогиных, что на 30 лет Победы живут, позавчера подчистую выкосили, потом на Луговой у кого-то, не помню уже, и сегодня рассказывали, что у Измestьевых тоже.

— У Нины? — подняла брови Клавдия.

— Ну да...

— Так это кто пакостит-то? — нахмурилась Раиса.

— Да кто-кто... Известно кто — наркоманы, — усмехнулась Ленка. — Из города приезжают.

— Какие ещё нар... Кто, говоришь? — не поняла Клавдия.

— Наркоманы! — повторила почтальонка громче.

— А кого они делают-то?

— Ой, баба Клава, наркотиками они колются. Ну как вам объяснить, — Ленка наморщила нос, подыскивая нужные слова. — В общем, кто-то водку пьёт, а эти уколы себе колют и балдеют потом от этого.

— Уколы? — переспросила Раиса.

— Ну да! С наркотиком. В вену прям колят.

— Ой, господи... Страсти какие, надо же...

— Ну! Говорят, им как раз зелёный мак и нужен для этого, не спелый ещё чтоб был.

— Зачем?

— Да я сама толком не знаю, слышала, что вот такой нужен и всё. Наркотик этот самый они из него как-то там делают.

Матвей, молчавший до этого, сказал:

— А я ведь видал этого парня-то раньше. Который приходил-то вчера.

— Где? — удивлённо глянула на него Клавдия. — А мне пошто не сказал?

— Так, чего говорить? Пришёл, ушёл, я и забыл про него сразу.

— А где видал-то, кто он такой?

— Да с Валеркой мы когда с гэрэповскими-то в Колбиху ездили, он с имя был.

— С геологами, что ли?

— Ну да... Был он там, возле конторы ихней, когда машину-то ждали. Да на пальцах-то у него синим нарисовано чего-то: сидел, видать.

— Ой, батюшки... Ещё и тюремщик, — покачала головой Клавдия. — А я вчера и не разглядела. Да кого там, в избе-то тёмно, разве увидишь.

— Участковому скажите, пусть разбирается. — Ленка снова повесила на плечо сумку. — Ладно, с вами, конечно, хорошо, но мне дальше топать надо.

— Ой, Леночка, постой-ка, чего спросить ещё у тебя хотела... — остановила её Клавдия.

— Что, баба Клава?

— У вас на почте там не слыхать, пенсию-то нам больше надбавлять не собираются? А то, как в начале года чуток накинули, так и всё, а цены-то каждый месяц прут. То на одно, то на другое подымут.

— Нет, про пенсию ничего не слыхать, — почтальонка пожала плечами.

— Ага, надбавят они, жди, — усмехнулся Матвей.

— Ну ладно, всё, некогда мне прохлаждаться. — И Ленка, кивнув, быстро зашагала дальше.

— Ну давай, беги с богом, — махнула вслед ей рукой Клавдия.

— Так и я, однако, пойду, — сказала Раиса. — Фёдор бы уж скорее приехал, что ли. Может, тоже собаку нам завести,

а то мы всю жизнь без них живём. Так ить сроду никто и не лазил, и не пакостил так-то. Ой-ой-ой... — снова заойкала она и, озабоченно покачав головой, пошла к себе.

А вечером, когда уже пришла из стада скотина, на мотоцикле заехал Андрей.

— Ты чего не на тракторе? — вместо приветствия спросил его Матвей, выходя на улицу.

— Да на ремонт встал. Шланг масляный с самого утра полетел, собака. Не вовремя, прям... Нет, чтоб пока дожди были, так дождался. Сунулись, а у нас и нету своего. Ни черта на складе нет! Пришлось механику в райцентр мотаться, завтра уже менять буду.

— Понятно

— Бать, я чего заскочил-то... Ты косить не начал ещё? — Андрей сел на лавку и, закинув ногу на ногу, вертел в руках мотоциклетный шлем.

— Сегодня начал. А чего?

— Да это... — Сын забарабанил пальцами по жёсткому пластику. — Не знаю, когда помочь получится. Видишь, тут же дожди всё лили, сена-то много погнило, а сейчас, вроде, ведро обещают, так что, придётся ближайшее время по полной впахиваться, навёрстывать. А я-то уже посулил вам, а оно видишь, как получается.

Матвей пожал плечами:

— Ну чего сейчас поделаешь. Как сможешь, так сможешь. Но мы-то тоже сиднем сидеть не будем, сами будем косить помаленьку.

— Так, тяжело вдвоём-то.

— Ничего.

— Может, погодите ещё недельки две, а там-то уж я точно денёк выкрою.

— Трава перестоит. Сейчас-то после дождей она ещё более-менее, напиталась, а сушь будет, жёсткая сделается.

— Да ну! — сын скептически скривил губы. — Чего уж, прям.

— Ничего, ничего. Кого нам делать-то ещё? Я сегодня уж с полкопёшки накосил, завтра снова пойду. Ничего, — повторил Матвей, — потихоньку, помаленьку, бог даст — управимся.

— Ну не знаю... — Сын встал, положил каску на сиденье мотоцикла.

Из стайки послышалось, как звонко ударили в пустое ведро струйки молока: Клавдия начала доить Дочку.

— Валерка бы хоть был, что ли, — задумчиво сказал Андрей, глядя куда-то вдаль. Потом встрепенулся, тряхнул головой. — Да, бать, чё хотел-то ещё... От Илюхи письмо намедни было, пишет, в воскресенье, то бишь, двадцать первого, приедет с кем-то там, с оказией какой-то. Насчёт картошки да морковки, помнишь, разговор был? Дадите, сколько не жалко?

— Дадим. Посулили же, чего спрашиваешь.

— Ну, мало ли... Может, сами уже всё съели или кому другому отдали.

— Да ну...

— Наташка-то уехали уже в Москву? — поинтересовался Андрей.

— Не знаю. — Матвей нахмурился. — Говорили, вроде, в конце июля поедут. Да поди разбери их, толком-то ничего не объяснят же.

— Мда-а... — неопределённо протянул сын, доставая из кармана брюк пачку сигарет.

— Курить собрался? — недовольно покосился на него старик.

— А? Да ладно, потом. — Андрей спрятал сигареты обратно. — Переживаете из-за Наташки-то?

— Да мать, вон, больше переживает. Я-то так... Не по-людски как-то они делают, вот что обидно.

— Да плюньте вы! Отрезанный ломоть... — Сын пренебрежительно махнул рукой. — Я же сразу раскусил Юру этого, одни деньги на уме, да всё ему их мало. Больше, больше давай! Разговоров только: чего купил да чего ещё купить надо. Противно.

— А чего пил с ним тогда, раз противно?

— Ой, бать... — Андрей недовольно поморщился. — Пил... Денег не было, вот и пил. А чего, пусть угощает, у него их куры не клюют! Кошелёк такой же, как брюхо, толстый. Не убудет. Да пусть валит, куда хочет, мне вообще по барабану!

— Да на него-то мне тоже чихать с высокой колокольни, но Наталья-то не чужая.

— Не чужая... Да тоже, поди, такая уже стала. — Сын, сунув руки в карманы, возбуждённо прошёлся взад-вперёд, потом присел на люльку мотоцикла. — А Борька-то чего? Не писал больше?

— Нет. Вот как было от него... когда? — Матвей задумался. — С месяц уж, однако, так и всё.

— Когда он обещался-то?

— Так, как на пенсию пойдёт, так и обещался. В августе, вроде.

Андрей усмехнулся, мотнул головой:

— Пенсионер, ёлки-палки...

Из стайки в сенки прошла Клавдия, выглянула на крыльцо, крикнула сыну:

— Молочка парного тебе не налить?

Тот согласно кивнул:

— Давай, не откажусь.

— Сейчас принесу.

Через минуту подошла Клавдия с кружкой молока:

— На вот, держи.

Андрей взял и с удовольствием, не отрываясь, выпил всю кружку до дна. Потом, широко махнув рукой, стряхнул оставшиеся капли на траву:

— Э-эх! Вот разве они там в Москве этой такого молочка попьют?!

— Про Наталью, что ли, разговариваете? — Клавдия забрала у сына пустую кружку.

— Да так... вспомнили чуток. — Андрей улыбнулся. — Мёдом им там намазано! — Потом резко хлопнул себя по бокам, с удовольствием потянулся вверх руками, расправил плечи, тряхнул головой. — Ладно, поеду я, а то поздно уже, Танюха потеряет.

— Привет ей передавай. Как она хоть там? — спросила старуха. — А то нынче совсем не бываете вместе-то.

— Да нормально, работает...

— Ну ладно, езжай с богом. — Клавдия перекрестила сына и пошла обратно в избу.

Матвей тоже встал с лавки.

— Да, бать, не слыхал? — отводя заводную ножку мотоцикла, спросил Андрей. — Ельцин-то тоже у нас сейчас президент. Горбачёв президент СССР, а этот — президент России. Показывали тут по телевизору, присягу принимал. Как в армии, ёлки-палки. Молодой боец... Вот так вот, бляха-муха! Куда деваться, кому отдаться... Заживём, сейчас! — он засмеялся. — Жрать нечего, в магазинах шаром покати, всё по талонам, а — президенты кругом... Цельных две штуки!

— Да тебе не всё едино, президент там или царь? Они дурью маются, а нам-то чего? Как хотят, так пусть и называются.

— Да так-то оно так, конечно... — Сын, сделавшийся вдруг серьёзным, грустно усмехнулся, энергично толкнул ногой заводной рычаг, и мотоцикл послушно завёлся. — Ладно, бать, поехал я. А так — имей в виду, недельки через полторы-две трактором накошу, уж не пластались бы с матерью.

— Ничего, ничего... — Матвей небрежно махнул рукой.

— Ну давай! — Сев на свою технику, Андрей надел шлем, кивнул отцу и уехал.

Глава 10

Потихоньку, помаленьку, день за днём, Матвей с Клавдией накошили и сметали три копны. Не очень больших, но и не маленьких — средних.

Клавдия шла на покос позже, когда высыхала роса и сено можно было уже грести и укладывать в копны. Матвей же уходил рано, по-прежнему не завтракая, налегке, пока была прохлада и пока трава была росистой и мягкой. Помногу, так, как в первый день, он больше не косил — боялся, что сердце опять начнёт ерундить. Но после того случая оно больше не капризничало и не пугало старика. Да и дыхание тоже как-то нормализовалось. Вообще у него возникло ощущение, что он словно бы разработался. Вот как взять, к примеру, шарнир — если не трогать его, так заржавеет он, скрипеть начнёт, а потом и вовсе с места не сдвинешь, но если опять расшевелить его туда-сюда, так и легче крутиться будет, и скрипеть, глядишь, перестанет.

Косу и грабли с вилами каждый день с собой не носили, Матвей прятал их на покосе, в кустах. Потом уже, когда поставили копны, тогда и забрали инструмент домой. Дальше надежда была лишь на помощь сына, но когда у него получится выкроить время, точно известно так и не было — может, завтра, а может, и через неделю.

Вплотную подступил август. В один из дней Матвей сходил с утра в ближайший лесок за берёзовыми ветками и сейчас, после ужина, сидел во дворе на лавке, вязал веники для бани. Из дома вышла Клавдия.

— Ну что, сколько дружков¹ навязал? — спросила она мужа.

— Десять, — не отрываясь от работы, ответил Матвей. — Да ещё вот... — он кивнул на лежащую рядом с ним небольшую горку веток. — Думаю, всего дружков двенадцать выйдет, на год хватит.

— Ну ладно, довязывай, а я Дочку пойду встречать. Кажись, идут уже.

Старуха вышла за ограду. У дороги стояла Зина Сулова.

— Рано они сегодня, — соседка махнула рукой в сторону стада, шедшего вдалеке и растянувшегося вдоль улицы в лучах оранжевого закатного солнца.

— Да уж пускай! — ответила Клавдия. — Лучше раньше, а то поздно-то тоже плохо.

— По ягоду-то сбегать не надумала? — спросила Зина, поигрывая хворостиной. — По клубнику-то? Пока совсем ещё не отошла. Может, вместе бы сходили завтра-послезавтра? Я бы и одна сбегала, да вдвоём веселей будет.

— Ой, нет, матушка, — скорбно покачала головой Клавдия. — Я нынче с покосом чего-то совсем умаялась, ни ног ни рук не чую. Наверное, не до клубники мне нынешний год будет. Своей ягоды, что нарастёт, так хватит. Смородина хорошая нынче была, отошла уж у нас, малина рясная,

¹ Дружок (мн. дружки) — пара каких-л. одинаковых предметов, взятых, соединенных и т.п. вместе. Здесь — два веника, связанные вместе.

кислица... Так что, думаю, и поесть в охотку хватит, и варенья, бог даст, наварим. Сахара бы вот только хватило.

Стадо между тем приближалось. Уже подбежали к Клавдии овечки, которых она сразу же отправила в стайку, уже Зина, махая хворостиной, загнала свою корову во двор, уже прошёл бычок Гуменниковых, а Дочки всё не было.

Наконец Клавдия её разглядела: та брела в самом хвосте гурта. Брела как-то устало, словно нехотя, медленно переступая ногами. С каждым шагом она взбуравливала копытами лежащую толстым слоем на дороге пыль, которая тут же поднималась в воздух небольшими облачками мутной взвеси.

— Ну ты чего там?! — недовольно крикнула старуха, щуря глаза из-под приставленной ко лбу козырьком коричневой от загара ладони. — Дочка, ты пошто идёшь-то еле-еле? Пошто домой-то не торопишься?

Когда с Клавдией поравнялся пастух, ехавший на серой лошадёнке, она так же, из-под руки, глянула на него:

— Степан, Дочка-то наша чего такая?

— Какая такая? — буркнул тот в ответ, мельком глянув на хозяйку коровы.

— Пошто идёт-то еле-еле?

— А я почём знаю? — Пастух лениво пожал плечами. — Она с утра уж у вас такая была. — Не останавливаясь, он проехал мимо, потом ругнулся на идущую рядом скотину и коротко щёлкнул своим бичом, пугнув семявших поблизости овечек.

— Да пошто с утра-то... — пробормотала старуха, снова повернув голову к корове. — Нормальная она была.

Корова остановилась метров за десять от хозяйки и, тяжело выдохнув, опустила голову к земле. Изо рта её стекла густая слюна и, плюхнувшись на землю, утонула в рыхлой серой пыли.

— Дочка, Дочка! — Клавдия протянула корове кусок хлеба. — Ты чего домой-то не идёшь? Ой, господи... прям, беда с тобой... — Подойдя к корове, старуха сунула ей в рот посыпанный солью кусок хлеба и легонько хлопнула Дочку по заду. — Ну давай, давай... Доиться пора.

Неспешно сжевав хлеб, корова снова тяжело выдохнула и медленно пошла к открытым воротам, ведущим в стайку.

Загнав Дочку под крышу, старуха пошла в избу, где, вымыв руки, взяла блестящий оцинкованными боками подойник, подхватила ведро с пойлом и вернулась в стайку. Дав корове пойло, она придвинула к себе стоявшую тут же, в углу, низенькую табуреточку; сев на неё, омыла коровье вымя тёплой водой из припасённой загодя кастрюльки и аккуратно вытерла его белой тряпочкой. Потом поставила под вымя подойник и смазала руки кусочком сливочного масла, также захваченным из дома.

— Ну, господи благослови... — пробормотала Клавдия и взялась за соски. — Давай, моя хорошая.

Когда вымя почти опустело, а ведро наполнилось больше чем наполовину, корова вдруг, коротко взмычав и хлестанув хозяйку по затылку хвостом, резко шагнула вперёд и опрокинула ногой подойник.

— Ты сдурела, что ли?! — закричала не ожидавшая такого поворота старуха, вскочив с табуреточки и ошалело глядя на растекавшееся по деревянному настилу молоко. — Ты чего наделала-то?! Из ума выжила?! Тьфу на тебя!

Корова, протянув к хозяйке голову, замычала — протяжно, но негромко, словно прося чего-то. Потом, подогнув одну за другой передние ноги, тяжело опустилась на пол.

— Да ну тебя! Совсем сдурела! — Клавдия обиженно поджала губы и, подняв откатившийся к стене подойник, вышла из стайки в огород.

Никогда до этого корова не опрокидывала молоко, а тут... Ополоснув подойник водой из бочки, старуха повесила его сушиться на штaketину, затем вернулась в стайку и забрала ведро с пойлом, оставшимся, к удивлению Клавдии, почти нетронутым.

— И не попила ничего, не поела толком, — пробурчала она себе под нос. — Ты, прям, сегодня какая-то...

Корова повернула голову к хозяйке и снова коротко взмычала, но та была сердита на неё и молча ушла прочь.

— Дочка сегодня зауросила¹ чего-то, — попеняла на корову старуха Матвеев, который, управившись с вениками, был уже в избе и, стоя у комода, слушал по радио вечерние

¹ Уросить — капризничать, своенравничать

новости. — Подоила уж почти, а она подоиник опрокинула, всё молоко разлила. Сроду такого не бывало. Да ещё мне по загривку хвостом дала.

— Чего она так? — поинтересовался дед, не отвлекаясь от радио.

— Не знаю. В охоту¹ ежели, так рано бы ей ещё. Хотя, может уже... — Клавдия пожала плечами. — Не знаю, — повторила старуха. — Степана спросила, так он разве скажет чего.

Матвей ничего не ответил. Выключив радио, он взял на кухне кастрюльку с собачьей едой и пошёл в огород кормить Амура.

— Подоиник там захвати! На штакетнике висит, увидишь... — крикнула вслед ему Клавдия.

Сама она на улицу сегодня уже не пошла и к корове заходить больше не стала: сердилась на неё. Какое-то время ещё провозилась на кухне, потом вместе с дедом помолились на иконы, стоявшие тут же, в углу под низким потолком, и легли спать.

Придя наутро в стайку, старуха застала Дочку по-прежнему лежащей. Рядом, утробно квохча и склёвывая с пола что-то видимое только им одним, ходило несколько куриц, а овцы, сбившись в угол и методично пережёвывая жвачку, молча смотрели на хозяйку.

— Ну ты чего? — удивлённо посмотрела на корову Клавдия. — Чего лежишь-то? Доиться давно пора, да в стадо. Подымайся давай...

Она отогнала куриц, вытолкала овечек из стайки в проход, ведущий на улицу, поставила ведро с пойлом перед коровьей мордой, но та, глянув на старуху, равнодушно отвернула голову в сторону.

— Дочка, ты чего это? Ну-ка подымайся, говорю!

Поставив подоиник на табуреточку, Клавдия легонько пихнула корову в бок, но та не повела и глазом. И старуха вдруг поняла, что что-то случилось.

¹ Охота (с.-х.) — период течки, стремление к спариванию у самок

— Доченька, ты чего же это, а? — Клавдия с тревогой заглянула корове в глаза и ласково погладила её по лбу. — Кормилица ты наша, чего случилось-то? Захворала, что ли? — Обойдя корову, она упёрлась сухими руками в коровий бок и попыталась сдвинуть ту с места. — Ну-ка, давай, давай... Ничё... встанешь, расходишься...

Дочка, видя старания хозяйки, попыталась подтянуть под себя задние ноги, упереться ими в пол, чтоб подняться, но копыта скользнули по доскам, на которых ещё белело вчерашнее разлитое молоко, и она снова тяжело осела.

— Господи, — прошептала старуха, вдруг часто заморгав, — беда... Чего же с тобой стряслось-то? — Выбежав из стайки, она кинулась в дом.

Матвей проснулся, но ещё лежал на кровати, вставать не торопился: дел особых на сегодня не было и можно было никуда не спешить, дожждаться, пока старуха подоит корову да отправит её с овечками в стадо.

— Старик! — вдруг услышал он взволнованный голос супруги. — Матвей, ты встал, нет?!

— Чего?

— Иди скорей! — голос сделался сердитым.

— О, господи Иисусе... — пробормотал старик, скинул одеяло и, нехотя сев на кровати, стал нашаривать ногами тапки.

— Ну ты где там?! — торопила жена.

— Иду, иду... — Найдя наконец тапки, дед вышел из комнаты в прихожую. — Чего голосишь?

— С Дочкой чего-то стряслось! Пошли давай! — И старуха, развернувшись, быстро выбежала обратно из избы.

— Чего стряслось-то? Ты можешь толком сказать?! — прокричал ей вдогонку Матвей. Набросив на плечи лёгкую брезентовую куртку, он вышел следом.

Когда Клавдия вернулась в стайку, Дочка, пошатываясь, стояла на ногах.

— Ой, господи... Встала! Ну вот и слава богу, вот и давай... — обрадовалась старуха.

— Чего тут у вас? — вошёл следом Матвей.

— Да я утром-то пришла, а она лежит и не встаёт ни в какую. Вот я уж и перепугалась. Думаю, чего с ней? —

Клавдия ласково похлопала корову по морде. — Ну вот, сейчас подою тебя...

Но тут передние ноги у Дочки словно подломились, она опустилась на колени и, тяжело упав задом, снова легла.

— Ой, батюшки! Ты чего же опять, а? Пошто улеглась-то снова? — Клавдия всплеснула руками. — Старик, чего это с ней, а?

Дед, сдвинув брови, растерянно смотрел на корову:

— Так, а... я почём знаю? — Подойдя к Дочке, он потрогал корове нос. — Нос-то тёплый, да сухой какой-то.

— Захворала она, однако, — старуха жалобно скривила рот и посмотрела на мужа. — Чего делать-то сейчас?

— Чего делать... К ветеринару, наверно, идти надо. К Марченке.

— К ветеринару? — переспросила Клавдия.

— Ну а к кому?

С улицы послышалось мычание, бляенье овец и размеренный, монотонный топот множества копыт: по дороге мимо их дома шло стадо.

— Погодь-ка, — встрепенулась старуха, — Степана пойду спрошу.

Выбежав за ограду, Клавдия быстро глянула по сторонам в поисках пастуха. Тот как раз подъезжал на своей лошадёнке к их дому.

— Степан, стой-ка! — Старуха решительно махнула ему рукой. — Дочка-то ведь у нас лежит, не встаёт сёдни. Чего с ей вчера случилось-то?

Пастух потянул поводья, останавливая лошадь.

— А я откуда знаю? — глянул он сверху на старуху.

— Ну так, а кто знать-то должен? Ты ведь пастух у нас. Может, перегрелась она где или отравилась чем, съела чего-нибудь, а? Или ещё чего. Ты уж скажи как есть.

— Да не знаю я! — Степан отвёл глаза и понукнул лошадь.

— Стой! Куда поехал-то? Я ж с тобой разговариваю.

— Куда, куда... — Пастух снова остановился. — Я чего, услежу за ними за всеми? Мож, и съела чего. Она мне не докладывала.

— Так ты ведь пастух, ты ж следить должён.

— Вот именно, я пастух, а не нянька им. Я ж не успежу, чего там они все едят. Мож, гриб какой сжевала, так я-то тут при чём? — Ткнув лошадь каблуками сапог, он споро двинулся вслед за удалявшимся стадом. — Но-о! Не знаю я! — не поворачиваясь, крикнул напоследок Клавдии.

— Господи, да кто же знать-то сейчас должен, — старуха покачала головой и пошла обратно в стойку.

Матвей по-прежнему был там, растерянно ходил вокруг коровы, толкал её в бока, но та лежала и больше не делала попыток подняться.

— Слышь, старик, — Клавдия присела на свою табуреточку, — беги уж к Марченке, что ли...

— Чего этот-то сказал? — дед кивнул в сторону улицы.

— Степан-то? Да ничего не сказал. Я почём знаю, говорит. Беги уж к Марченке, — повторила старуха.

— Так, а овечек-то пошто не отправила?

— Овечек? Ой, не знаю, — Клавдия растерянно помотала головой. — Иди уж сам догоняй.

Матвей, открыв ворота, вытолкал овец на улицу и погнал их вдогонку ушедшему вперёд стаду.

— Ну так чего? — спросила старуха, когда он вернулся. — К Марченке-то беги, что ли.

— Так, рано, поди, ещё... — Старик неопределённо пожал плечами. — Давай уж попозже схожу. Он работает-то со сколько? Часов с девяти, поди, не раньше.

— А вдруг да раньше? Иди уж, а ну как уйдёт потом куда, где его искать-то будешь? — И бабка, опустив голову на грудь, замотала ею, завсхлипывала, зашмыгала носом. — Ой, тошнёхоньки мне. Ой, господи, господи, горюшко-то какое. — Она подняла глаза на корову. — Матушка, кормилица ты наша, чего же с тобой приключилось-то?

Дочка повернула голову к хозяйке и чуть слышно, словно была в чём виновата, замычала.

— Ладно... кхе-кхе... — кхекнул Матвей. — Чего уж причитать-то... Что случилось, то случилось. Бог даст, поправится. Пойду, схожу сейчас. Ежели чего, так там обожду. — Повернувшись, он вышел из стойки.

Проводив мужа, Клавдия принесла обратно в дом ведро с пойлом, поскольку корова так ничего и не поела, отказалась

даже от хлебного мякиша, посыпанного солью. Но в избе ей одной не сиделось, и она вышла на улицу. Крашеное крыльцо было всё в мелких каплях росы, поэтому старуха бросила на него круглый вязаный половичок, села и задумалась.

Дочку они купили годовалой тёлкой, и за все эти семь лет она так привыкла к корове, что уже и не представляла своей жизни без неё. Конечно, у них и раньше были коровы, но почему-то ни к одной из них она не питала такой нежности, не испытывала такой привязанности, как к Дочке. Может, старость сделала её более сентиментальной, но она даже и представить себе не могла, что когда-то Дочку надо будет пустить на мясо, как было с прочими коровами.

И никогда за это время Дочка ничем не болела. Ни разу! Сроду нигде не блукала, из стада всегда сразу шла домой, телят раз в год приносила исправно, телилась легко, молока давала вдоволь: хватало и на сметану, и на масло, и просто попить в охотку. «Ой, господи, господи... — думала Клавдия, сидя на крыльце. — Чего же делать-то сейчас?»

В разных концах деревни горланили, стараясь перекрычать друг друга, петухи; то тут, то там тявкали собаки; по дороге, поднимая клубы пыли, быстро проехал мотоциклист; где-то затарахтел трактор, — деревня просыпалась, но старуха словно и не видела, и не слышала ничего вокруг, голова её была занята лишь мыслями о корове.

«Однако, позавтракать бы надо, — подумала она, почувствовав голод. — Или уж деда дожидаться. Хоть бы ветеринар-то на месте был, не уехал бы никуда. — Вдруг, словно спохватившись, Клавдия хлопнула себя рукой по коленке и поднялась. — Ах, ты! Забыла старику-то наказать, чтоб хлеба заодно взял. Хлеба-то с гулькин нос осталось. Ладно, сама сейчас сбегая, всё равно, поди, быстро-то не придут они».

Наскоро переодевшись и взяв денег, но так и не позавтракав, старуха быстрым шагом направилась в сторону магазина. Выйдя из проулка на соседнюю улицу, она нос к носу столкнулась со своей давнишней подругой Феней Золотарёвой.

— Ой! — Феня резко остановилась. — Ты гляди-кась, чуть лбами с тобою друг в дружку не врезались! Здравствуй, Клава, сто лет уж тебя не видала. Как жизнь? Чего нового в ваших краях?

— Здравствуй, Фенюшка, здравствуй, — Клавдия чуть заметно улыбнулась в ответ, но сразу же поджала губы и замолчала.

— Чего ты? — увидев невеселое настроение подруги, озабоченно спросила Золотарёва. — Стряслось чего?

— Ой, не спрашивай. Коровушка у нас, кажись, захворала.

— Корова? А чего с ней?

— Да сами толком ещё не знаем. Старик вот с утра к ветеринару побежал, к Марченке. Вчерась вечером пришла она со стада-то, да квёлая вся какая-то, даже подоиться толком не дала, подойник опрокинула. Сроду такого не бывало. А сёдни утром прихожу в стайку, а она лежит, не встаёт. И не ест ничего. На минутку поднялась кое-как и снова на боковую. Уж не знаю, чего с ней. То ли отравилась чем, то ли на солнце где перегрелась. — Клавдия шмыгнула и, покачав головой, вытерла концом платка глаза.

— Да ну чего ты... — стала успокаивать её Феня. — Ты уж не убивайся так. Всяко бывает. Полежит, полежит, да отлежится, поди.

— Ой, не знаю... Дай бог, конечно, ежели так, а то у меня уж сердце болит за неё.

— Поправится! — уверенно махнула рукой Золотарёва. — Она ж у тебя не шибко старая ещё?

— Да не шибко, в феврале восемь годов было.

— Ну вот! В самом соку корова. Оклемается!

— Дай бог, дай бог, — Клавдия горестно вздохнула.

— Так, а сейчас-то ты куда?

— Да за хлебом. Хлеба дома не осталось, а старику забыла наказать, чтоб зашёл купил.

— А-а... Ну ладно. Я-то к внучке пошла, попросили сегодня с правнуком посидеть, самим ехать куда-то надо.

— У тебя уж правнук!

— Ну! Мальчик, три годика вот было. Это Галки моей, старшей-то дочери, так её внук.

— Ой-ой-ой, время-то летит... Как они у тебя?

— Да ничего, слава богу, живут помаленьку.

— Ну ладно, беги уж.

— Ну давай, с богом. Матвею-то поклон передавай.

— Передам.

И старухи пошли в разные стороны.

— Клавдия, погодь-ка! — вдруг окликнула подругу Феня.

— Ты знаешь чего, ты святому Власию помолишься, вот чего.

— Власию? — переспросила Клавдия.

— Ну да, святой Власий. Ему, говорят, молиться-то надо ежели чего со скотиной не так.

— А как молиться-то ему?

— Ну, как... Я и сама толком не знаю, слыхала просто. Моли, чтоб перед Господом за коровку твою попросил, глядишь, и поможет.

— А он кто, Власий-то этот? Мученик, чудотворец? Как его величать-то правильно?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, матушка. Молись как святому, да и всё.

— Ну ладно, Фенюшка, спаси Христос, помолюсь.

— Давай, давай... Помогай Господь.

И старухи разошлись.

Матвей с ветеринаром пришли ближе к полудню. Клавдия успела вернуться из магазина, позавтракать и сейчас чистила на улице картошку. Суегливо вытерев мокрые руки о фартук, она подошла к деревенскому ветеринару Семёну Марченко — высокому, крупному, бритому наголо мужику средних лет.

— Чего-то долго вы. Я уж и за хлебом сбегала, и заждалась вся. — Старуха с надеждой и лёгкой робостью посмотрела на ветеринара.

— Ну... вы ж у меня не одни. — Марченко присел на лавку и вытер потный лоб носовым платком. — Пока с другими разобрался...

— Она... там... в стайке. — Клавдия повела рукой в сторону.

— Сейчас, сейчас... — поморщился ветеринар. — Передохну чуток. Жара какая...

Посидев пару минут и немного отдышавшись, он поднялся:

— Ладно, пошли, посмотрим, чего там у вас стряслось.

Корова лежала на прежнем месте, казалось, даже и не пошевелилась с самого утра. Безразлично глянув на вошедших, она отвернула голову к стене.

— Ну, рассказывайте, чего с ней. — Расставив ноги и заложив толстые руки за спину, ветеринар встал перед Дочкой.

Клавдия быстро рассказала всё, что было с коровой со вчерашнего вечера.

— Гм... — Марченко присел на корточки, потрогал у коровы вокруг рогов, приложил ладонь к носу, пощупал бока. — Стул-то у неё был за это время?

— Какой стул? — не поняла старуха.

— Ну... по большому ходила? — Ветеринар поднялся, хлопнул руками по брюкам, отряхивая прилипший сор.

— А-а... Так, не видать, вроде. Она ж всё лежит. И утром когда вставала, так тоже не видать было.

— Ясно... Ну что, думаю, отравилась она чем-то. С утра, говорите, ничего не ела?

— Ага, с утра не ела. Я и поило ей давала, и хлебушка, а она ни в какую не берёт. Да и вчерась вечером толком не поела.

— Отравление... Может, щавеля или молочая где объелась, или соли нализалась. А может, ещё чего-нибудь, удобрения какого. Пастуха не спрашивали? Он-то чего говорит? Может, видел? — Марченко посмотрел на Клавдию, потом на Матвея.

— Да спрашивала я, так он разве скажет, — старуха сердито покачала головой. — Я, говорит, им не нянька. Паразит! Может, она, говорит, гриб какой съела, я за имя за всеми уследить не могу.

— Ну... может, и гриб, конечно, а может, и не гриб. — Ветеринар, снова присев у коровы, опять стал щупать ей бока. — Ей бы надо было сразу промывание желудка сделать, слабительного дать.

— Так откудова мы знали-то? Да и как его делать, промывание-то это?

— Надо было сразу ко мне вчера прийти. Вечером. Прямо домой.

— Так ведь, почём знаешь-то... — Клавдия жалобно шмыгнула. — Ведь, думали, так чего, мало ли... От жару притомилаась.

— Ладно, чего сейчас говорить. — Поднявшись, Марченко снова вытер со лба пот и, вынуд из нагрудного кармана рубахи пачку сигарет, вышел из стайки в огород. — В общем, что я могу сказать... — Чиркнув спичкой, он прикурил. — Есть пока ей ничего не давайте, только воду. Желательно, чтоб побольше пила. Если отравление несильное, то отлежится, если чего серьёзное и пошло поражение внутренних органов, то, может, и не оклемается, всяко бывает. Тут я обещать ничего не могу.

— Ой, господи... — Клавдия всплеснула руками и села на стоявшую рядом берёзовую чурку. — Да как же это? Так, а лекарства-то никакого, что ли, нету от этого?

— Да какое тут лекарство... — Марченко выпустил в небо струю дыма. — Уколы поделаю: глюкозу... может, уротропин ещё. Только это за деньги всё, — он посмотрел на старуху, — не бесплатно.

Та быстро закивала в ответ:

— Да это-то уж мы заплатим тебе, ты только коровку-то нашу вылечи.

— Ну... тут время покажет, гарантировать ничего не могу. — Ветеринар посмотрел по сторонам в поисках, где бы затушить сигарету, не найдя, бросил её под ноги и вдавил окурок каблуком в землю.

— Так, а уколы-то когда делать будешь? — спросила Клавдия.

— Сейчас я не взял с собой ничего. Сегодня вечером, часов в шесть подойду, поставлю. Ну и с завтрашнего дня буду ставить. Вот во сколько, точно пока не знаю, буду каждый раз смотреть по загруженности. У вас же всегда дома кто-то есть?

— Всегда, всегда, — снова закивала старуха.

— Ну и ладно... Да, её на свежий воздух не мешало бы вытащить. Корову-то вашу. А то там в стайке воздуха мало, да и на досках пролежни могут быстрее образоваться.

— А как мы её?.. — молчавший до этого Матвей развёл руками. — Она ж не встаёт ни в какуюю.

— Пошли, попробуем.

Вернувшись в стайку, Марченко подошёл к корове и, присев, стал энергично, с силой, толкать её в бок, легонько шлёпнул по ушам, потом несколько раз громко хлопнул над коровьей головой в ладоши.

— Ну-ка давай! Давай подымайся! Давай, давай, нечего валяться!

Клавдия засуетилась рядом, стала манить корову к себе, приговаривая:

— Вставай, матушка, вставай. Пойдём на улку, там тебе полегче будет.

Старик тоже стал толкать Дочку сзади. Та завертела головой, коротко взмычала, словно прося оставить её в покое, но потом, уступая людскому напору, засучила ногами раз, другой, и с трудом поднялась. Тяжёлым взглядом она обвела присутствующих, ноги её мелко дрожали.

— Вот и молодец! — Ветеринар похлопал её по холке. — Пошли сейчас потихоньку. — И он подтолкнул корову к выходу.

Пошатываясь, Дочка сделала пару шагов и остановилась, затем начала было вновь подгибать передние ноги, чтобы лечь, но Марченко не дал ей этого сделать. Он крепко обхватил корову за шею и потянул вверх:

— Не-не-не!.. Так дело не пойдёт. Пошли-ка, голуба, на выход.

Дочка снова протяжно и как-то тоскливо замычала.

— Ну чего ты, матушка... Кормилица ты наша, ну давай, маленько-то всего надо. — Старуха погладила корове бок и чуть подтолкнула её. — Пошли, пошли, моя хорошая.

И Дочка снова пошла. Медленно переступая ногами, пошатываясь, она наконец вышла из стайки в огород на поросший спорышом пятак.

— Ну вот... Можешь, когда захочешь, — усмехнулся Марченко, отпуская корову.

Видя, что люди более не держат, не толкают её, корова тут же улеглась на траву.

— Пусть уж тут лежит. Здесь и солнышко, и ветерок, всё ей полегче будет. — Ветеринар вымыл руки в бочке с водой и посмотрел на Клавдию. — Чем вытереть можно?

Та подала ему висевшую на штaketнике тряпку:

— На вот... Чистая. — Посмотрев на корову, спросила: — Семён, так, а ежели дождь пойдёт, тогда как? Мокнуть ей тут, что ли? Нам со стариком вдвоём-то её не поднять будет, не утолкать обратно-то.

— Да не надо её обратно, не зима же на дворе. Вы, лучше, навес ей какой-нибудь тут соорудите. Чтоб и от дождя, и от солнца. Дождь-то ещё ладно, не сахарная, не рассыплется, а вот на жаре лежать ей сейчас нежелательно. Тряпку натянуть или из досок чего-нибудь придумать. Уж сами смотрите, что у вас есть.

— Сделаем, сделаем. У меня брезент на вышке есть, так я его приспособлю, — утвердительно покачал головой Матвей. — Это я сделаю.

— Ну вот и ладно. Пошёл я тогда. Вечером подойду, уколы поставлю. А пока — как говорил: есть не давать, только воду. Ну всё, до вечера.

— Семён, так, а это... Сейчас-то мы должны тебе чего? — тихонько спросила старуха, глядя снизу-вверх на ветеринара.

Тот поморщился:

— Ничё не надо. Кого тут... Ладно, пошёл я, — махнув рукой, Марченко широким шагом направился к калитке.

— Ну, спаси Христос! — Клавдия засемила следом. — Дай бог здоровья тебе...

— Да, чуть не забыл! — Ветеринар резко остановился. — Её бы каждые пару часов надо с бока на бок переваливать. Чтоб пролежней не получилось.

— Так, нам-то с дедом не под силу будет. — Старуха растерянно пожалала худыми плечами. — Она ж всё-таки корова, не человек.

— Ну не знаю... Может, из соседей кого попросите помочь.

— Кажные два часа? Да кого ж это... Фёдора, если только... — стала вполголоса рассуждать словно сама с собой Клавдия, — ежели дома будет...

— Ну... в общем, сами смотрите. Моё дело сказать. — И, не оборачиваясь более, Марченко пошёл прочь.

Старуха вернулась в огород. Матвей сидел на берёзовой чурке и глядел на Дочку. Та безучастно лежала, время от времени тяжело вздыхая. Увидев хозяйку, корова вытянула

было шею, снова хотела замычать, но только выдавила из себя какое-то подобие хрипа и отвернулась.

— Ох, голубушка ты наша, угораздило же тебя. — Клавдия ласково погладила корову по спине. Потом посмотрела на деда. — Навес-то делай, чего сидишь?

— Да успеется, куда торопиться. Давай поедим лучше. Время-то обедать, а я ещё и не завтракал. У меня давно уж кишки промеж собой разговаривают.

— Ладно, пошли, — согласно кивнула старуха и снова с жалостью посмотрела на корову. — Пойдём мы, поедим, ну а ты уж одна тут оставайся.

— Ну ты с ей, прям, как не знаю с кем, — заметил старик. — Всё ж скотина она, не человек.

— Много ты понимаешь, — сердито глянула на мужа Клавдия. — «Не человек». Да она мне как родная.

— Ладно, ладно... — Матвей поднялся с чурки. — Я это... чего думаю-то...

— Чего?

— Может, Андрюхе тогда сказать, чтоб пока с покосом-то не торопился. Погодить.

— Чего погодить? — нахмурилась старуха.

— Ну... пусть оклемается сперва, тогда уж и косить. А-то мало ли... Вдруг не оздоровит¹. А на овечек-то нам и трёх копёшек хватит.

— Ты чего это турусишь²? Как это — не оздоровит? Ты мне брось это! — старуха помахала сухоньким кулачком в воздухе. — Не косить... Чего выдумал. — Повернувшись, она пошла в избу. — Не оздоровит она у него... — сердито пробурчала себе под нос. — Скажет тоже... Совсем уже.

Матвей коротко махнул рукой и пошёл следом.

За обедом Клавдия, сердитая на мужа, молчала. Потом, когда вышли из-за стола, сказала:

— Надо будет Семёну-то чего-нибудь дать всё же. Может, получше тогда лечить-то будет.

— Чего дать? Денег, что ли?

¹ Оздороветь — стать более здоровым, выздороветь.

² Турусить — говорить чушь, ерунду.

— Не денег, а так... Может, с огорода чего: яичек, огурчиков малосольных.

Дед не стал спорить:

— Делай, как знаешь.

После обеда он соорудил над Дочкой что-то типа односкатной палатки, закрывающей её от солнца. Увидев в соседнем огороде Фёдора, подозвал его, рассказал о корове и попросил помочь перевалить её на другой бок. Сосед пришёл, и втроём они кое-как, но всё ж перекатали Дочку с бока на бок. Марченко, пришедший ближе к вечеру, быстро поставил корове два укола, перевалил её обратно, и так же быстро ушёл, пообещав прийти на следующий день.

— Ну и чего там с коровой-то вашей? — спросила Клавдию Раиса Гуменникова, когда вечером, выйдя встречать скотину из стада, снова все собрались у лавочки Заречневых. — Чего Марченко-то говорит?

— А чего стряслось? — Зина Сулова была ещё не в курсе произошедшего.

— Да чего... — Клавдия горестно покачала головой и прикрыла рот рукой. — Чего он скажет? Говорит, отравилась чем-то.

— Когда это? — Зина в изумлении широко раскрыла глаза.

— Да вчерась-то помнишь, долго её не было? Дочки-то...

— Ну...

— Ну и вот... — И Клавдия во всех красках и деталях рассказала соседкам, как пришла предыдущим вечером домой Дочка, как опрокинула подойник с молоком, как всё было утром, как она пыталась Стёпку Устьянцева, да тот ничего не сказал, что говорил потом Марченко.

— Говорила я, Стёпка этот ненадёжный, зря ему стадо нынешний год доверили. — Зина помахала указательным пальцем. — Проспал где-нибудь в кустах, а скотина сама, без пригляда ходила, вот и всё...

Клавдия тяжело вздохнула:

— Поди узнай сейчас...

Встретив овечек, она загнала их в стайку, насыпала зерна курицам, потом вместе с дедом полили грядки. Дочке, чтоб той

было удобнее пить, у головы поставили не ведро, а невысокое железное корыто с чистой водой.

— Пей, матушка, пей, моя хорошая. — Клавдия нежно погладила коровью морду. Та ткнулась носом в воду, немного пивнула и снова отвернула голову. — Пей больше! Тебе пить сейчас надо, так доктор-то велит, — внушала старуха корове, но та лишь равнодушно смотрела на хозяйку. — Ну вот как ей объяснишь? — старуха беспомощно посмотрела на мужа. — Она ж не понимает никого. Силком вливать в неё, что ли?

— Может, не получается у ей, может, болит чего в брюхе, вот и не пьёт.

— Может, и так...

После ужина Клавдии пришлось в голову написать письмо сыну Борису, сообщить о неожиданной беде. Старший сын жил хоть и в городе, но в своём доме и держал кое-какое хозяйство. Правда, коровы у него не было, только свиньи да куры, но Клавдия подумала: а вдруг, да он чего и подскажет.

«Здравствуй, Боренька, — писала старуха, усевшись за стол в комнате. — Сообщаю, что мы с дедом живы-здоровы. Много писать сейчас ничего не буду, скажу только, что у нас беда случилась. Коровушка наша Дочка захворала. Приходил ветеринар Семён Марченко, ты его знаешь, сказал, что отравилась она чем-то. Сулился лечить, уколы ставить. Но, говорит, точно обещать ничего не могу. Так вот, сыночек, тебя попросить хотим. Может, ты знаешь, как лучше скотину лечить от болезней этих. Напиши, чего нам делать. Больше писать нечего. Ждём тебя с нетерпением, как на пенсию пойдёшь. Приезжай, а то давно уже не был. Как ваши дела? Как все живы-здоровы? Передавай всем привет. Ждём ответа с нетерпением».

«Ну вот, — подумала Клавдия, заклеивая конверт. — Одна голова хорошо, а две-то оно лучше. Может, они там поболее нашего знают, может, чего и посоветует».

Когда перед сном встали с дедом перед иконами, старуха вспомнила совет Фени Золотарёвой и легонько пихнула мужа локтём в бок:

— Слышь, старик. Я сёдни Феню видала, так она чего говорит... Ежели, говорит, скотина захворала, так святому Власию молиться надо. Так что ты давай, помолись ему тоже.

— Власию?

— Ну да, Власию.

— А как ему молиться?

— Ну как-как... Проси, чтоб помог оздороветь коровке нашей, да и всё.

— Ладно, — пробурчал Матвей и стал шептать слова вечерней молитвы.

Клавдия, трижды проговорив Иисусову молитву, прочла «Отче наш», потом молитву ко Пресвятой Троице, тропари и, глядя на иконы и на распятие, задумалась. «Святой Власий, — наконец проговорила она про себя, — уж прости, не знаю, кто ты есть: мученик, преподобный али чудотворец какой... Помоги, Христа ради, коровке нашей оздороветь, пусть поправится, пусть бы уж отстала от неё хворь эта. Моли Господа, чтоб отвёл он от неё болезнь эту. Как нам без неё-то жить? Уж привыкла я к ней как к родной. Она у нас хорошая: и молока сколько давала, и не уросливая, не гулёна, не бодливая, ласковая, — перечисляла Клавдия достоинства своей коровы. — Да и тяжело будет, ведь нам от неё всё: и молочко, и сметанка, и маслице. Святой Власий, помоги Христа ради, а я уж тебе тогда завсегда молиться буду да каноны читать». Трижды перекрестившись и сделав вместо положенных поясных три земных поклона, старуха пошла в комнату укладываться спать.

Глава 11

Марченко стал приходить каждый день. Помогал переваливать Дочку с бока на бок, ставил уколы. На вопросы старухи о состоянии коровы и скоро ли та встанет, только морщился и ничего вразумительного не отвечал, но от корзинки с двумя десятками яичек, предложенной Клавдией, отказываться не стал.

Дочка все эти дни лежала совершенно безучастная ко всему, что происходило вокруг. Попыток подняться больше не делала, воды пила мало. Еды Клавдия ей, как и велел ветеринар, практически не давала, но пару раз всё же подсовывала небольшие кусочки хлебного мякиша, от которых корова тоже отказывалась.

Что касается покоса, то старуха за хлопотами и переживаниями как-то подзабыла об этом, а Матвей решил Андрея пока не торопить. «А ну как и правда помрёт коровёнка? — думал он. — Жалко, конечно, но лучше уж обождать пару недель, а там видать будет. Трава вот только перерастёт, да уж бог с ней. Всё лучше, чем сейчас намаешься, а куда сено потом девать? Продавать, что ли?»

На четвёртый день после первого своего визита Марченко пришёл довольно рано, но, походив вокруг Дочки, уколов ставить не стал. Он сел на берёзовую чурку, вытащил сигарету, помял её в руках и хмуро спросил:

— Без меня-то её переворачиваете?

— Переворачиваем, — кивнула Клавдия. — Вдвоём-то не можем, а иной раз, вон, Фёдора Гуменникова, соседа, просим, так он подсобляет. Раза два-три в день переворачиваем.

— Надо было каждые два часа переворачивать, как я говорил. А то у ней уж, вон, слева пролежни начинаются.

— Где? — Старуха сделала круглые глаза. — Не видать, вроде, было.

Ветеринар снова подошёл к корове.

— Вот, смотрите. — Нагнувшись, он показал на пятно серо-зелёного цвета под левым седалищным бугром. — Чуете, запах уже даже пошёл. Таким макарком через день-два нагноение начнётся, а там и до сепсиса недалеко.

— Чего это?

— Заражение крови.

— Ой, батюшки, — испугалась Клавдия.

— Воду-то пьёт?

— Да мало совсем, почти и не пьёт. Всё уговариваю её, а она нос воротит.

— Ясно... — снова сев на чурку, Марченко чиркнул спичкой и закурил. Посидел в задумчивости пару минут, а потом как-то раздражённо бросил: — Забывать надо.

Стоявшая рядом Клавдия охнула и прикрыла рукою рот.

— Как это — забывать? — чуть слышно переспросила она.

— Как-как... — ветеринар сплюнул прилипшую к языку табачинку. — Головой об косяк, за ноги, да об пол. Не знаете,

как коров забивают, что ли? Улучшения никакого нет, всё, не жилец она, — кивнул он на Дочку.

— Да ты чего ж такое говоришь-то, Семён?

— Что есть, то и говорю. Всё, помрёт скоро. Дня три-четыре ещё продюжит и всё. — Марченко затянулся и выпустил в сторону густую струю дыма. — Нутро у неё, похоже, не работает уже, ну или к этому идёт. Да и пролежни пошли, не будет уж с неё толку. — Он затушил сигарету и встал. — Так что — вот такие дела. Извините, но больше ничем помочь не могу. Ладно, я пошёл.

— Пстой! — Клавдия схватила его за руку. — А может, ещё какое лекарство есть, Семён? Мы заплатим. Может, в город куда съездить, ежели здесь нету? Может, уколы ещё какие ей поставить? Как же так-то, а?

— Тётя Клава, да если б так, неужели я б молчал?! Чего я, тянул бы, что ли? — Марченко освободил руку. — Сразу бы сказал. Так что... Сами не забьёте, мучиться будет скотина, но всё одно помрёт. — И он, решительно мотнув головой, пошёл к калитке.

Матвей, всё это время молча стоявший тут же, переступил с ноги на ногу.

— Ну ладно, ладно... — Подойдя к жене, он легонько похлопал её по плечу. — Ты уж не убивайся так, всяко бывает. Видать, судьба ей такая. Чего сейчас поделаешь...

Клавдия повернулась и, не говоря больше ни слова, пошла в дом. До полудня она лежала на заправленной кровати и на улицу не выходила. Поднялась ближе к обеду, вышла на крыльцо, где стала молча чистить картошку на обед. Не дочистив, пошла в огород, подошла к Дочке.

— Матушка ты моя, кормилица ты наша... Как же так-то, а? — упавшим голосом проговорила она, сев прямо на землю возле коровы. — Как же мы без тебя-то будем?

— Ты чего прям на землю-то уселась? Сама простудишься, с тобой потом ещё возись, — заметил проходивший мимо Матвей, на что старуха только махнула рукой — отвяжись!

Дочка как-то устало и виновато посмотрела на хозяйку и вяло лизнула сухим шершавым языком её руку. И Клавдия

увидела, как из коровьего глаза вдруг стекла по щеке крупная слеза. Сердце старухи словно сдавило тисками, она поднялась.

— Не дам! — сказала громко.

— Чего не дашь? — не понял Матвей, смотревший в это время, не надо ли подточить лопату.

— Дочку забивать не дам!

— Так, а... — Старик отставил лопату в сторону. — Марченко же сказал...

— Всё равно не дам! — Клавдия решительно тряхнула головой. — Марченко твой сам ничего не знает.

Матвей только недоумённо развёл руками:

— Так, он же ветеринар, он, поди, лучше разбирается.

Старуха упрямо поджала губы и, сердито зыркнув на мужа, — молчи лучше! — ушла в избу.

Заречневые до этого особо ни с кем не делились своей бедой. О том, что у них заболела корова, знали лишь ветеринар, повстречавшаяся тогда Клавдии Феня Золотарёва, Андрей, заехавший в первый же день, как захворала Дочка, да ближайшие соседи: Зина Суслова, Гуменниковы и ещё кое-кто. Но сейчас Клавдия решила оббежать всех, кто мог хоть чем-то помочь, кто мог дать хоть какой-то совет. Переодевшись и так и не сготовив обед, она ушла из дома, ничего не сказав мужу, Матвей же с распросами не лез.

Вернулась старуха, когда солнце уже клонилось к горизонту. Поставив на стул в прихожей хозяйственную сумку, она достала из неё трёхлитровую банку молока и какие-то небольшие картонные коробочки, потом принесла из кухни муку с яйцами, а из сундука, стоявшего в прихожей, вынула бутылку водки. Протянув Матвею пол-литру, сказала:

— На, разбавь на полведра воды. Вон, прям в подойнике можно.

— Зачем это? — поинтересовался тот, беря бутылку.

— Дочку отпаивать будем.

— Водкой, что ли?

— Водкой.

— Ты б, может, сама хоть поужинала сперва, — предложил муж. — Время-то поздно уже. Я там картошки сварил.

— Успею, ничего со мной не сделается, — отмахнулась Клавдия. — Болтушку сперва сделать надо.

— Какую болтушку?

— С мукою да яйцами.

— Тоже Дочке, что ли? — удивился дед.

— Дочке, — коротко ответила старуха, наливая молоко в эмалированный таз.

— Кормить собралась?

— Собралась.

— Так она ж не ест ничего. Да и Марченко сказал...

— Да подь ты в пим дырявый со своим Марченко! — рассердилась Клавдия. — Как не кормить-то её?! Она ж тогда вовсе замрёт! Не от отравленья, так с голоду! Тебя не кормить, так погляжу, чего будет.

Старик пожал плечами:

— Ладно, как знаешь...

Матвей развёл водку водой как сказала супруга, сама она сделала литра полтора молочной болтушки с мукой и яйцами, и старики пошли в огород.

— Ну вот что, матушка, — Клавдия встала перед коровой, — давай-ка ты у нас поешь маленько.

Дочка посмотрела снизу-вверх на хозяйку и шумно, протяжно вздохнула.

— Ничё-ничё... Не вздыхай. Давай-ка, старик, задирай ей голову.

Дед обхватил руками коровью шею и, подняв Дочкину голову, раскрыл ей рот. Та попыталась было вывернуться из его объятий, замотала головой, но старик зажал её шею промеж ног и не выпускал.

— Вот так вот, — Клавдия стала потихоньку вливать водочный раствор в коровью глотку. — Давай, давай... Пей. Кровь-то разогнать надо хоть маленько, а то уж залежалась совсем.

Матвей время от времени приотпускал Дочку, давая ей проглотить влитое, отдышаться, потом снова задирает коровью морду вверх и открывал ей рот. На то, чтоб влить в корову всю водку, у стариков ушло минут десять, если не больше.

— Фу-у... Я ажно пристал. — Тяжело дыша, старик уселся на табуретку и вытер рукавом рубахи пот с лица.

— И я вся упрела. — Клавдия поправила на голове сбившийся платок и повесила пустой подойник на штакетину. — Ну давай болтушку сейчас.

— Может, завтра? — возразил было дед. — Чего уж за раз-то всё.

— Ничё, ничё... Наоборот, так лучше будет.

Тем же способом Дочке с горем пополам скормили молочную болтушку.

— Ну вот и слава богу, вот и ладно. — Немного отдышавшись, старуха ласково погладила корову по морде. — А то чего это — голодом-то сидеть. Так и здоровый замрёт.

— Ладно, пошли в избу, а то темно уж сделалось, — позвал супругу дед.

— Ты иди, чай мне там завари, а я чуток попозже приду.

— Чего ты ещё удумала?

— Мять, говорят, их надо. Массаж делать, чтоб застоя не было.

— Ну так завтра бы и делала массаж свой.

— Ничё, ничё... Иди, я минут через десять приду. Чай мне только поставь да картошки немного на плитке разогрей.

Матвей, покачав головой, ушёл, а Клавдия взяла в стайке пучок прошлогоднего сена, свернула его в тугий жгут и, усевшись возле коровы, начала изо всех сил растирать ей этим жгутом бока, спину, ноги, шею... Тёрла так, что руки заболели.

— Ну вот, матушка, а завтра я тебе ещё коры дубовой заварю и пойдёшь ты у меня на поправку. Вот так вот... — Немного передохнув, старуха промассировала корову на второй раз и наконец пошла в дом.

На следующее утро старики снова залили в Дочку пол-литра водки, разбавленной водой, и молочную болтушку. После этого Клавдия отправила мужа в магазин купить ещё муки, а сама пошла к Сусловой Зине просить молока. Потом, усевшись возле коровы на табуреточку, сделала Дочке массаж.

Когда дед пришёл из магазина, старуха вдруг спросила:

— Андрей-то не заезжал без меня? Он косить-то вообще собирается нынче? Завтра уж четвёртое августа будет, аккуратно воскресеньё, так, может, выходной он? Сбегал бы к ним, спросил.

— Да чего бегать... — Матвей неопределённо повёл плечами. — Он сам знает, что косить надо. Не бывал, так, стало быть, занят, работы много. Освободится — приедет.

— Перерастёт трава-то.

— Не перерастёт...

— Ну хоть узнать, чего там у них. Живы-здоровы, а то давно уж не бывали. Татьяна, так нынче летом вообще, считай, ни разу не была. Всё там у них попутё¹?

— Ладно, — кивнул Матвей, — пойду во вторник на почту за свет платить, зайду к ней в садик. А его-то уж где искать, допоздна, поди, каждый день работает.

— Слышь, старик, чего я ещё-то хотела... Давай-ка будем с тобой как-нибудь Дочку подымать.

— Подымать? — вытаращил глаза Матвей. — Как мы её с тобой подыдем, ты чего? Мы её с боку на бок перевернуть не можем, а ты — подымать.

— Ну... не вдвоём, конечно. Надо будет Фёдора да ещё мужиков кого-нибудь попросить.

— А зачем её подымать?

— Как зачем, как зачем? Она уж скоро неделя будет, как лежит. Надо ж её расшевеливать как-то. Чтоб пролежней не было, чтоб не ослабла совсем-то. А лежать всё время, так она и вовсе ходить разучится.

— Да как подымать-то её будешь? Она ж не один центнер весит! — взмахнул руками старик.

— Вот и думай! Кто у нас мужик, ты или я? Верёвки какие-то приспособить надо или ещё чего. Люди-то как-то подымают.

— Я сроду не видывал, как коров подымают!

— Так и я не видала, а Валя Колбенко мне вчера присоветовала. Говорит, надо или снизу под неё жерди пропихнуть, да на них и поднять, или под тип кóзлов больших соорудить, над коровой-то, и потом уж верёвками её кверху и подтянуть. Чтоб она и ногами до земли доставала, чтоб сама стоять могла, и чтоб в случае чего не упала.

— Валя-то твоя откуда знает? — с недоверием спросил Матвей.

¹ Попутё — хорошо, как надо, правильно.

— А у ней, говорит, тятя когда-то так делал. Тоже корова слегла с чего-то, так вот её так и подымали. Расходилась потом и всё.

— Ну не знаю... — Старик нерешительно потрепал бороду, повторил с сомнением: — Сроду не видал я такого.

— Вот и думай. Завтра воскресенье, народ-то не на работе, может, и позвать мужиков кого-нибудь.

Дед снова покачал головой и ушёл на улицу.

Весь оставшийся день Клавдия хлопотала вокруг Дочки: растирала ей бока, лила в рот из бутылки отвар дубовой коры, вдвоём с дедом снова напоили её водкой и подкормили болтушкой.

Матвей, убрав натянутый брезент, соорудил над коровой из горбылей некое подобие больших козел, на которые по верху уложил толстую жердь. Ближе к вечеру договорились о помощи с Фёдором, с Саней Саенко и ещё тремя мужиками.

А когда Клавдия, встречая овечек, вышла на улицу, её окликнул проезжавший мимо Стёпка Устьянцев.

— Чего ты? — глянула старуха снизу-вверх на пастуха.

— Я это... — Устьянцев, останавливаясь рядом, чуть замаялся, посмотрел по сторонам. — Слышал, корова-то ваша расхворалась шибко.

— Да уж хворает. Лежит, не подымается.

— Разобрались, чего с ней?

— Марченко говорит, отравилась чем-то. А чего ты спрашиваешь?

— Да я тут посмотрел... Там в одном месте... недалёко, где стадо гоню, в кустах цельная куча удобрения какого-то свалена. Видать, по весне на поля возили, до кто-то так и не довёз, — ухмыльнулся пастух. — Ну и, кажись, корова ваша там тогда околачивалась.

— Так, а ты пошто сразу-то не сказал, а, Степан? Я ж тебя спрашивала.

— Да я сам толком не знал. Тпру-у! — Пастух придержал дёрнувшуюся кобылу. — Куда тебя... Сам, говорю, не знал толком! Они ж разбредутся во все стороны, поди уследи за ними, чего там они делают.

— Так, работа ведь у тебя такая — следить за ними.

— Да понятно... — Устьянцев недовольно поморщился.
— Так я вот и говорю сейчас... Может, Марченко чего посоветует, в смысле лекарства, ежели знать будет, чем она отравилась. Корова-то...

— Да Марченко уже посоветовал.

— Ну и чего он?

— А чего... Забывать, говорит, надо.

— Как забывать? — лицо пастуха вытянулось.

— А вот так. Удружил ты нам, Степан.

— Да ну-у... — тот потупил глаза.

— Вот тебе и «ну». Хоть «ну», хоть «гну».

— Ну а сами чего думаете?

— Чего... — Клавдия сердито глядела на пастуха. — Отпаиваю пока. Может, оклемается ещё. Вот, подымать завтра хотим. Она ж сама-то не встаёт, лежит всё, пролежни уже. Да помощники нужны. Взял бы да помог пришёл.

— Так, как я? — Степан смущённо пожал плечами. — Мне ж пасти надо. У меня ж ни выходных, ни проходных... Я б помог, конечно, но... — Он повёл рукой с кнутом на идущее мимо стадо. — Одних же их не отправишь...

— Да уж ладно. Хоть сознался.

— Ну вы это... Зла-то на меня не держите шибко, я ж не специально. А так — ежели чем смогу, так подмогну, конечно.

— Ехай... — Клавдия махнула рукой. — Помощник.

— Ну это... я поехал. — Пастух тронул коня.

— Ехай, ехай, говорю. Чего уж сейчас, — старуха повернулась и пошла в дом.

Глава 12

На следующий день Дочку общими усилиями поставили на ноги. Правда, одними руками, как ни кожились, поднять её не смогли, пришлось прибегнуть к помощи малой механизации. Кто-то из мужиков предложил использовать лебёдку, сбегали за ней, и тогда уж корову подняли. Провозились, считай, полдня, но в итоге всё же справились. Под ошалевшей и перепуганной от происходящего Дочкой просунули в двух

местах верёвки, обмотанные, чтоб не сильно резали, тряпками, привязали их к лебёдке, закрепленной наверху к жерди, и подтянули корову так, что она смогла опереться ногами о землю и даже какое-то время постоять сама. Недолго, конечно, но всё же. Клавдия успела за это время протереть её всю влажной тряпкой, промассировать, после чего корову снова опустили на землю.

Когда мужики, закончив с Дочкой и получив от Клавдии две пол-литры, обещанные за помощь, вывалили небольшой толпой на улицу, к соседскому с Гуменниковыми дому подъехал старенький «Москвич», а следом за ним грузовик, гружёный мебелью.

— Это кто ж такие? — поинтересовался Саня Саенко, пряча бутылку водки в карман.

— Может, жильцы новые, — пробормотал Фёдор, щуря глаза на подъехавшие машины. — Привозил тут Женька одних, показывал избу.

Первым из легковушки вышел невысокий, щуплый Женька Бормотов. Было ему уже далеко за сорок, но вот как привязалось к нему с самого детства за эту его щуплость и малорослость пренебрежительное «Женька», так и осталась до зрелых лет.

Пять лет назад он с семьёй перебрался на житьё в город. Причём в городе этом у Женьки никого из родни или знакомых не было, ехали, можно сказать, наобум. «Надоело коровам хвосты крутить да печку топить, — с пренебрежительной ухмылкой заявлял он, когда его спрашивали, как он отважился на такой шаг. — По-человечески пожить охота. Да и в плане работы там перспектив побольше будет». Тут он был прав, в деревне выбор вакансий был небольшой. Приезжая потом время от времени проведать оставшийся пустым дом, он рассказывал, что устроился куда-то то ли мастером, то ли механиком и всячески демонстрировал довольство своей новой жизнью. И когда его по старинке кто-нибудь окликал Женькой, он недовольно поводит плечом и отвечает: «Кому Женька, а кому Евгений Сергеевич. Понятно?»

Следом за Бормотовым с заднего сиденья выбрались двое: мужчина, на вид лет сорок, может, чуть помоложе, и женщина, выглядевшая постарше своего спутника. Они осмотрелись

по сторонам, нерешительно потоптались на месте и пошли в ограду. Женька, в джинсах и кепке с длинным козырьком, увидев мужиков, махнул им рукой и пошёл в их сторону.

— Здорово, мужики! — крикнул он издали, широко улыбаясь.

— Здравейте, — ответил ему кто-то.

Женька никак не отреагировал на колкость:

— Хорошо, что вы тут все погодились... Не поможете машину разгрузить, а?

— Ставь каждому по пузырю, поможем, — с ходу ответил за всех Саня Саенко.

Женька, не моргнув глазом, кивнул:

— Не базар! Ставлю.

Мужики сразу оживились, захекали, заулыбались.

— Так, а это чего... ты жильцов, что ли, новых привёз? Продай, выходит, избу-то? — кивнул на грузовик Фёдор.

— Да, дядь Федь, продал! Вернее, поменялся. Так что вот соседней тебе новых привёз. Всё, сейчас меня здесь больше ничего не держит! — Женька радостно хохотнул и махнул перед собой открытой ладонью, словно подводя некую черту.

— А кто такие-то? — спросил Матвей.

— Да кто... — Бормотов как-то хитро прищурился, ковырнул носком туфли траву и чуть понизил голос: — Алкашей каких-то нашли, короче, ну и обмен с ними оформили. Ну там... — он поморщился, — не так всё просто, конечно. Через маклеров, в общем, делали.

— Через кого? — переспросил кто-то из мужиков.

— Ну... деляги такие, кто дела эти квартирные проворачивает. Так же просто обмен не сделаешь, у них-то ордер, а у меня домовая книга. Но они как-то там мутят, через одного, через другого, на лапу кому-то дают... Да это не важно! Главное, что всё — у меня на руках ордер на двушку-хрущёвочку, а эти — сюда, на свежий воздух! — И Женька снова хохотнул, не в силах сдерживать радость.

— Погодь, — остановил его Фёдор. — Так, а эти-то, согласились, что ли? Из города-то сюда? Твоя-то изба, ежели по деньгам посчитать, не как фатера¹ будет.

¹ Фатэра (искаж.) — квартира.

— Естественно! Не всё так просто, дядь Федь. Мы им цельных три тыщи за это дело отвалили. За согласие-то.

— Три тыщи? — Матвей присвистнул.

— Ну да, а куда деваться? Они, хоть и алкашня, но совсем-то мозги ещё не пропили, так что вот так... Но это всё равно нормально. Мы же там до этого вообще в общаге жили, снимали. Вчетвером на восемнадцати квадратах. Ну а теперь всё — полноправные городские жители!

— Житель, блин... — усмехнулся Саня Саенко. — У тебя ж на лбу нарисовано, что ты деревня!

— Ты, Саня, ежели не разбираешься в людях, так молчи лучше, за умного сойдёшь, — парировал Бормотов.

— Ты поговори ещё! Так у меня сойдёшь, потом не соберёшь! — Саенко угрожающе набылчился и прищурил на Женьку глаза.

— Ладно, ладно... — тот примирительно поднял руки. — Ну так чего? ЗИЛок-то разгрузите?

— А водка? — спросил кто-то.

— Будет водка, сказал же, но сперва — дело сделать, а то я вас знаю.

— Ладно, пошли... Но учти, ежели чего, ты отсюда не уедешь.

И мужики двинулись к бывшему Женькиному дому. Приехавшие мужчина с женщиной к этому времени вышли обратно на улицу и стояли, смотрели на идущую к ним компанию.

— Ну вот, дождались новых соседей, — пробормотал Фёдор, оставшийся стоять с Матвеем.

— Н-да... — протянул тот. — Пьяниц нам тут только не хватало. Своих мало, так ещё из города новых привезли.

— Это точно... А может, и ничего окажутся, поживём — увидим. — Фёдор кивнул Матвею. — Ну ладно, пошёл я к себе. Надо будет чего с коровой ещё подсобить, так зови.

— Давай, спасибо, что помог.

Мужики управились быстро. Уже через час грузовик уехал, а Женька достал из багажника вместо четырёх целых пять бутылок водки и, держа их за горлышки между пальцев, протянул «грузчикам».

— Ну что, хватит? — он широко и как-то снисходительно улыбнулся, словно щедрый барин одаривал дворню.

«Грузчики» радостно заулыбались, а глаза у них заблестели.

— Во! Вот это я понимаю! — потянулся один из них за бутылками. — Одна за премию сойдёт, за скорость.

— Ну ладно, вы тут гуляйте, а мне домой пора. — Женька Бормотов захлопнул багажник своего «Москвича».

— А ты чего, не останешься? — удивился Саня Саенко. — Ты же дом-то продал.

— Я, Сань, его не продал, я его обменял, барышей с этого дела не имею. А сидеть мне с вами некогда, да и не шибко-то охота, мне на работу завтра. Адью! — Махнув рукой, Женька быстро впрыгнул в машину, завёл её и, взревев двигателем, быстро уехал, гремя подвеской.

Новый хозяин Бормотовского дома, ощерившись, радостно потёр ладони:

— Мужики, ну так чего... Давай за новоселье да за знакомство! — Он обвёл всех весёлым взглядом. — Приглашаю! Ща Маруся сварганит чё-нить. Слышь, Маня! — крикнул он супругу. Та выглянула из дома. — Сбациай нам чё-нить с мужиками по-быстроу! Картошечки там, яишенки!

— Яиц-то нету, — хмуро ответила Маня.

— А щас я! — И мужик, суетливо глянув по сторонам, проворной рысцой кинулся к Фёдору, который, распрощавшись с Матвеем, в дом не пошёл, а сидел на лавочке у своей калитки и смотрел, как мужики таскали мебель.

Подбежав к Фёдору, новый сосед приветливо кивнул:

— День добрый, папаша! Меня Толиком зовут. — Он, радостно улыбаясь, протянул ладошку. — Давайте знакомиться, как-никак, а соседи мы сейчас с вами.

Фёдор тоже кивнул и протянул руку:

— Толик, это Анатолий, стало быть?

— Ну да, а вас как звать-величать?

— Фёдор Лукич.

— Очень приятно. — Анатолий, не переставая улыбаться, чуть поклонился. При этом даже если он умолкал, рот его всегда оставался слегка приоткрытым, словно нижняя челюсть сама по себе отвисала от своей же тяжести. А его бледные, чуть

на выкате глаза смотрели всегда будто бы удивлённо, словно видел он всё вокруг себя первый раз в жизни. Анатолий подмигнул Фёдору: — Может, можно просто дядя Федя, а?

Фёдор пожал плечами:

— Хочешь, так дядя Федя зови, не жалко.

— Дядь Федь, слушай, ты яичками не богат? Выручи, а то сам видишь, только приехали, ничего нет ещё, а с мужиками-то отметить это дело надо.

— Какое дело?

— Ну... как какое? — Анатолий удивлённо развёл руками. — Новоселье, да за знакомство выпить — святое дело! В магазин-то бежать далёко. Хлеб есть, а больше ничё нету, — новый сосед жалобно скривил губы.

Фёдор поднялся:

— Ладно, сколь тебе яиц?

— Да сколько не жалко, не знаю... Нас там так-то пять человек мужиков да баба моя. Шестеро всего.

— Сейчас... — Фёдор ушёл и через некоторое время вынес полтора десятка яиц и кусок солёного сала. — На вот, держи.

— Дядь Федь, — новый сосед приложил руку к груди, — от души... Выручил! — Взяв мешочек с яйцами и сало, Анатолий так же, рысцой, засеменял обратно, потом повернул голову, крикнул через плечо: — Дядь Федь, ты это, тоже заскакивай, посидим... за знакомство, туда-сюда!

Фёдор недовольно поморщился на это приглашение и, ничего не ответив, пошёл в избу.

Новоселье соседи решили отмечать в летней кухне. Вскоре там заиграла музыка, к которой через некоторое время добавилась пьяная разноголосица: мужики о чём-то спорили, что-то доказывали друг другу.

— Не-не, Толян, ты понимаешь, он же облапошил тебя, Женя этот!

— Да ничё он меня не облапошил! Нафиг мне этот город сдался! Чё там делать? Я ж сам-то деревенский, я ж в деревне родился! Это потом, после армии сдуру в городе остался... Вон, с Маруськой снюхался.

— У вас дети-то есть?

— Не, нету... Да зачем они нужны?

— Ну как...

— Да вот так... Спиногрызы эти...

Потом опять:

— Не, надо было с него больше требовать, а так чего — три тыщи только.

— Да ну-у... Нам с Маней этого на год хватит, если не больше. Можно вообще не работать.

— Какой «на год»? Ты на цены-то посмотри! Пузырь уже червонец стоит! Да и как не работать, за тунеядство же потянут.

— Не-не, нифига! Не потянут. Сейчас же того... отменили тунеядство. Работа — дело добровольное, понятно? Хочу — работаю, не хочу — не работаю!

— Как это? Брешешь...

— Ничё я не брешу! Чего мне брахать-то? Это по весне ещё закон новый вышел. Меня тогда тоже индюк¹ наш хотел по двести девятой² притянуть.

— Какой ещё индюк?

— Ну... участковый. А я ему говорю: ты с дуба, что ли, рухнул? По ней уж давным-давно никого не тянут, но у него там на меня зуб был, так что... А тут закон этот приняли и всё, хана! Гуляй, говорю, Вася, на все четыре стороны! Свободен! Я сейчас простой советский безработный, вот так вот!

— Я и не слышал даже.

— Ну так вот, я тебе сейчас говорю...

Вскоре жена Сани Саенко потеряла своего мужа. Она пришла к Заречным искать суженого, думая, что он до сих пор помогает им поднимать на ноги корову.

— Да они уж часа три как ушли, — сказал ей Матвей.

— Куда ушли? — удивилась та.

— Так, к Гуменниковым соседи же новые приехали, ты не видала разве?

— Да нет, не видала. Я на улицу-то и не выходила сегодня, в огороде всё...

¹ Индюк (жарг.) — участковый милиционер.

² Статья 209 УК РСФСР помимо прочего предусматривала ответственность за «ведение паразитического образа жизни», иными словами, за тунеядство.

— Женька-то Бормотов новых жильцов привёз. Грузовая приезжала, вот он и попросил мужиков подсобить, вещи разгрузить. Водку посулил им, а те и рады.

— А сейчас-то где они? Не видать уж никого, — жена Саенко посмотрела вдоль улицы.

— Так, музыку-то слышишь? Празднуют с новыми хозяевами новоселье.

— Чего? — Санина супруга грозно сдвинула брови. — Я ему сейчас такое новоселье покажу! Завтра на работу с утра, а он тут гуляет...

Она решительно зашагала туда, откуда доносились громкие звуки какой-то песни на иностранном языке. И к пьяным мужским голосам вскоре добавился женский: не пьяный, но не менее громкий и злой.

И хотя ещё кое-кто из жён забрал своих мужей домой, гулянка продолжалась допоздна. Утихомирились новые жильцы с оставшимися гостями, когда уже почти совсем стемнело. Фёдор, увидев в огороде Матвея, укрывавшего на ночь плёнкой огуречную гряду, подошёл к забору.

— Однако послал Господь соседей... — Он хмуро покачал головой. — Полдня гуляли. Да музыка-то орёт, у меня аж голова разболелась. Как самим-то не надоест.

— А они, наверное, привыкшие, — усмехнулся Матвей. — Надо было сказать, чтоб потише сделали.

— Да ну... С пьяными разговаривать. Боюсь, кабы завтра не продолжили.

— Так, может, погуляли сегодня, да и всё. Хорошего помаленьку.

— Чего-то я не уверен, уж больно вид у этого Анатолия доверия мне не внушает.

Фёдор как в воду глядел. На следующее утро новые соседи продолжили отмечать новоселье. Музыка на этот раз было меньше, но пьяные голоса звучали всё так же громко. Вчерашних мужиков уже не было, но, прознав, что здесь щедро наливают, подтянулись другие. Анатолий привечал всех, был подчеркнута радушен с каждым. Он выпросил у кого-то ведро картошки, сам бегал пару раз в магазин за хлебом, прикупал чего-то ещё, что было на полках: пряники, плавленые сырки, какую-то рыбу, и денег на угощенье не жалел.

— Где они водку-то берут? — спросила Клавдия мужа, когда после обеда снова растирала Дочке бока, а тот собирал у погреба малину. — Её ж просто так сейчас и не купишь, по талонам только.

— Так они, вон, Фёдор говорит, к Ленке Гуревич бегали. За самогонкой.

— Ой-ой-ой... — горестно покачала головой старуха. — Губют себя только, это ж сколько здоровья надо, пить-то так.

Через день после приезда новых жильцов Матвей пошёл на почту платить за электроэнергию. Зашёл в магазин, отоварил талоны на мыло и на растительное масло.

— Завтра, дядя Матвей, приходите, — сказала продавщица, — водку привезут и, может быть, сахар ещё. Как раз варенье варить. Вдвоём с тётёй Клавой приходите, а то одни-то не утащите, — засмеялась она невесело. — Ой, батюшки, дожили...

На обратной дороге старик решил зайти на работу к невестке в детский сад. Дети только пообедали, улеглись на сончас, и Татьяна вышла со свёкром на улицу. Сели вдвоём на лавочку под раскидистой рябиной с тяжёлыми, порывевшими уже гроздьями ягод.

— Чего-то ты нынче не заходишь к нам совсем. С мая, считай, не бывала. — Матвей поставил сумку с продуктами на траву.

— Ой, папа, да некогда же всё. — Татьяна, миловидная невысокая женщина с простым, чуть веснушчатым лицом устало улыбнулась в ответ. — Мы ж вдвоём тут сейчас остались, на работе-то. Ну, не считая, конечно, Ольги Владимировны, заведующей нашей. Так и за воспитателей, и за нянечек работать приходится. С утра до вечера, домой без задних ног приползаешь. А в выходные, так, хоть успеть в огороде дела переделать, оно ж само-то ничего не растёт, сами знаете. Картошку тут окучивали, да нынче у нас пропасть какая-то гусениц на капусте. Пряма, не знаю, что делать с ними, дустом сыплю, а толку нет. Андрей обещался с работы принести штуку какую-то, они у себя там на полях опрыскивают, так тоже вот опрыскаем, поглядим чего будет. Вот такие пироги... — Татьяна вздохнула, поправила на блузке

воротник, снова сложила руки на коленях. — Да по дому тоже: пол помыть, поесть сготовить, постирать надо... Кстати, поблагодарить вас хотела, что с деньгами-то выручили тогда, хоть успели мы, купили «Малютку» эту. Старая-то стиралка когда уж полетела, а отремонтировать негде, вот всё на руках, да на руках стирать приходилось. А сейчас, прям, горюшка не знаю — закинул в неё и всё! Спасибо вам огромное.

— Брось... — Матвей чуть махнул рукой. — Главное, чтоб на пользу. Андрей-то чего там? Тоже давненько не заезжал.

— Так... — Татьяна повела плечами, — сама, считай, его не вижу. Как полвосьмого, а то и в семь, уедет, так и допоздна, потемну уж приезжает. Тощий сделался, как доходяга, не ест ничего толком.

— Кого они делают-то?

— Так, кого... Сена-то половина погнило, вот заново и косили, торопятся, пока погода даёт. Да далёко где-то. Знаете, где кульстан¹-то раньше был?

Матвей кивнул:

— Ну.

— Ну так вот там где-то.

— Далёко.

— Ну вот...

— Не пьёт?

— Ой, папа, пить-то не пьёт, да не знаю я... — Татьяна чуть поморщилась и помотала головой.

— Чего не знаешь?

— Да, как по мне, так лучше б выпивал помаленьку. Раз в неделю, но по четушке, за ужином, после бани. А то, боюсь, сорвётся потом и всё, будет опять неделю гулеванить. Ведь пашет как каторжный, а усталость-то, она ж копится. Я уж знаю его. Хотела в эту субботу сама предложить ему; его-то полдня не было, они удобрение там куда-то возили. Так, баню-то истопила и после бани, думаю, налью ему немножко, пусть выпьет с устатку. А потом вдруг страшно стало: а ну как

¹ Кульстан, полное произношение — культурный стан. Место, где во время сельхозработ колхозники отдыхали, питались, читали газеты и т.п.

не остановится, скажет, ещё давай. А не дашь, так сам искать пойдёт. И побоялась. А сейчас думаю, может, и надо было... Не знаю, прям... — Она снова помотала головой.

— Н-да... — протянул Матвей. — Ну, тут я тебе не советчик, сама смотри.

— Да понятно.

Старик поднялся:

— Ладно, пойду я.

Татьяна встала следом:

— Так что вы уж не сердчайте, что не захожу, некогда просто.

— Да мы не сердчаем, я так зашёл, узнать, как вы. Мало ли чего...

— Да всё нормально. Мамаше привет передавайте, — кивнула Татьяна на прощанье.

— Передам. — Матвей взял сумку и пошёл домой.

Андрей заехал вечером. И вправду — худой, чёрный, одни глаза и видать на закоптелом лице. Соскочил со своего «Беларуся», достал губами сигарету из пачки, сел на лавку во дворе, выдохнул:

— Фу-у... Устал как собака! Да жарко ещё! Днём-то, солнце как начнёт палить, так, будто в парилке сидишь, бляха-муха, веника только не хватает. — Андрей залез рукой под выцветшую растянутую футболку и с остервенением почесал спину. — А-а-а... сволочь... укусил сегодня кто-то, чешется — не могу, прям. Так вот... тут мужики сказывали, у буржуев даже в тракторах кондиционеры сделаны.

— Это чего такое? — поинтересовался Матвей.

— Ну это под тип холодильника что-то. Холодом дует, чтоб внутри нежарко было. Печка, только наоборот, — Андрей усмехнулся. — Вот так, бать, как оно у нормальных-то людей, а не как у нас, через одно место. Я это... чего заскочил-то. Всё, через неделю накошу вам. Мы своё сейчас заканчиваем, смётываем последнее, там совсем немного осталось, и через недельку посвободнее станет.

Матвей вспомнил слова невестки:

— Да ты шибко-то не гони тоже. Зачем оно так... Отдохни, день-два ничего не решат.

— Ничё, ничё, бать... Зимой отдыхать будем.

Из огорода пришла Клавдия:

— Да ты на себя, прям, не похож сделался. — Она жалостливо сморщилась, увидев сына. — И так худой был, а тут вообще... Не ешь ничего, что ли? Пошли, хоть супа тебе налью обедешнего. Молока-то уж своёго нет у нас сейчас.

— Чего там с коровой-то вашей? — Андрей поднялся с лавки, вышел за калитку, щелчком отбросил докуренную сигарету далеко на дорогу. — Не поправилась?

— Да нет... — мать неопределённо махнула рукой. — Поднимали её тут мужики лебёдкой, позавчера, постояла маленько да обратно легла. Сама-то не хочет пока вставать, лежит...

Вдруг через огород заиграла музыка. Сначала негромко, потом громче, снова тише:

*Бутылка вина, не болит голова,
А болит у того, кто не пьёт ничего.*

Кто-то крутил ручку громкости, пытаюсь настроить её как надо.

— Во! — сын удивлённо глянул в ту сторону. — Это кто тут у вас такой? Дядя Федя, что ли, магнитофон купил? — хохотнул он.

— Да какой там дядя Федя... — поморщился Матвей. — Мы уж третий день тут эту музыку слушаем. Женька-то Бормотов новых жильцов в свою избу привёз, вот они и гуляют, новоселье отмечают.

— А кто такие?

— Да кто-кто... Путние разве стали бы так музыку включать? Время-то уж десятый час, а им неймётся.

— Понятно, весело тут у вас стало. Ну ладно, поехал я.

— Так иди поешь, говорю. — Клавдия кивнула на дом, приглашая сына зайти. — Сейчас разогрею по-быстрому...

— Не, мам, спасибо. Поеду, а то поздно уже. Дома поем. — Андрей забрался на трактор, крикнул сверху: — Бать, ну так это, через неделю — железно!

— Чего через неделю? — не поняла старуха.

— Да косить.

— А-а... ну ладно, пошли в избу, спать уж пора укладываться.

Глава 13

Клавдия за прошедшую неделю сделалась какой-то суетливой, осунулась, даже, казалось, немного похудела. От Дочки она эти дни почти не отходила: разговаривала с ней, наглаживала, делала массаж, поила отваром дубовой коры, на пару с дедом вливала в неё болтушку с мукой да яйцами и разведённую водку.

— Ты гляди, а то приучишь её, сопьётся, — шутил Матвей, помогая жене кормить корову. — Будет потом, вон... с новыми соседями гулять да водку требовать.

— Ничё, ничё... — улыбалась старуха. — Денёк-два ещё и всё.

А буквально через пару дней после того, как заезжал сын, Клавдия, выйдя утром кормить курей да провожать в стадо овец, изумлённо открыла рот — корова стояла на ногах. Её пошатывало из стороны в сторону, колени мелко дрожали, но она стояла. Сама!

— Господи! — всплеснула старуха руками. — Матушка ты моя, встала! — Подбежав к Дочке, она обняла её за шею и заплакала. — Услышал Господь мои молитвы.

Клавдия, не зная, куда деть себя от нахлынувшей вдруг радости, чуть не расцеловала корову, потом опрометью кинулась в дом.

— Старик! — крикнула она с порога и, не разуваясь, как была, в галошах, пробежала в комнату. — Старик! — Глаза её горели. — Дочка-то встала!

Дед сидел на кровати. Сперва, услышав крик жены, он было перепугался — чего стряслось? Но когда увидел её, от сердца отлегло.

— Встала? — он поднялся. — Ну вот и слава богу.

— Встала! Сама! — И Клавдия убежала обратно.

Одевшись, Матвей тоже вышел в огород. Дочка по-прежнему стояла и как-то растерянно, словно не веря в то, что ей удалось подняться на ноги, глядела по сторонам. Однако, постояв буквально минут пять, корова снова легла.

— Ничё, ничё... Пристала, отдохни, матушка, отдохни. — Старуха ласково гладила Дочку. — Ничё... Потихоньку,

помаленьку... Слышь, дед, может, к Марченке сбегать, сказать ему?

— Да ну! Чего к нему бегать. Да и суббота сегодня, выходной он, а домой я к нему не хочу идти. Зачем?

— Ну ладно, бог с ним, мы уж тут сами.

Но, как оказалось, улучшение у Дочки было лишь временным. Или, как говорят в таких случаях врачи, это было кратковременное улучшение перед кризисом. Через день корове стало хуже, причём значительно. Она напрочь отказалась от еды, и как ни пытались Клавдия с Матвеем заливать в неё болтушку, давать другую еду, она вырывалась, мотала головой так, что старик удержать её уже не мог. При этом Дочка с такой тоской смотрела на людей, так жалобно и почти неслышно мычала, положив голову на траву, что сердце у старухи буквально разрывалось на части.

Также, несмотря на то, что Клавдия по несколько раз на дню мяла, массировала корову, на её бедрах, на подплечьях всё же появились новые пролежни, от которых шёл неприятный гнилостный запах, а вокруг них десятками ползали мухи.

— Может, прав был Марченко-то? — осторожно спросил Матвей Клавдию, когда та после обеда, даже не убрав посуду, задумчиво сидела у стола и молча смотрела в окно, подперев голову руками. — Что не жилец-то она.

— Не знаю, — как-то безучастно промолвила старуха, — может, и прав,

— Ну так и чего делать будем?

— Не знаю, — повторила Клавдия. — Пристала я. Делай, что хочешь, у меня уж сил нет.

— Мается она. — Старик убрал оставшийся от обеда хлеб в стоящую на столе хлебницу. — Не похоже, что оклемается. Видать и вправду нутро у ней крепко повредилось. Ни есть, ни пить, ничего не может.

Клавдия молчала.

— Ждать, пока сама помрёт, так ещё хуже будет. Забивать, однако, надо. — Старик искоса глянул на жену. Та, как сидела, так и продолжала сидеть. — Давай Фёдора кликну, да и... того...

Старуха молча пожала плечами, встала и, уйдя в комнату, легла там на диван.

Матвей не стал её больше трогать. Вдвоём с Фёдором они забили Дочку и, попросив знакомого мужика, у которого была лошадь, отвезли тушу на телеге в березник за деревней, где скинули её в старый, наполовину обвалившийся и заросший дикой мелкорослой акацией шурф.

Вечером Клавдия вышла на улицу и села на крыльцо. Солнце, укрытое низкими рваными облаками, клонилось к горизонту. Вечерами было уже прохладно, дело шло к осени. Старуха сидела и молча смотрела перед собой. Минут через пять, ставя тёмные точки на крашенных досках, закрапал мелкий дождичек, но она словно и не заметила этого.

— Ты чего под дождём-то сидишь? — спросил её Матвей, который недавно вернулся домой и только-только прибрал на вышку брезент, который был натянут над Дочкой. — Промокнешь.

Клавдия подняла голову, посмотрела на небо:

— Да кого там... Так, моросит маленько.

Порывом ветра с берёзы сорвало и принесло прямо под ноги старухе жёлтый лист. Та взяла его в руки, повертела пальцами.

— Осень уж скоро. Какое сегодня? — она посмотрела снизу-вверх на мужа.

— Так, какое... — задумался тот. — Двенадцатое, кажись, понедельник. Численник-то сегодня не отрывал утром, забыл посмотреть.

— Борис, поди, уж скоро приедет. Ежели всё слава богу будет, да не случится ничего, — Клавдия говорила монотонно, без эмоций. Было видно, что она действительно здорово устала за эти дни.

— Ну да, поди, уж скоро. Ежели, как сулился, так недельки через две, три должён быть.

Где-то вдалеке щёлкнул бич, и послышалось натужное коровье мычание: деревенское стадо возвращалось домой. Дождик перестал.

— Овечек встречать надо, — поднялась Клавдия и пошла к калитке.

Загнав овец в стайку, она вышла в огород, остановилась у пятачка помятой, начавшей желтеть травы, на которой были видны бурые пятна. Потом повернулась к старику:

— Ты к Андрею-то сбегай, скажи, что косить уж не надо. Те бы копёшки только привёз, да и ладно, хватит нам.

— Завтра схожу, — кивнул Матвей.

На следующий день старик решил не идти к Андрею домой, а опять зайти в детский сад: всё равно день был будний, и сын, и невестка должны были оба быть на работе. Татьяна вышла к свёкру невесёлая, с припухшими веками.

— Садитесь, — показала она рукой на лавочку и села сама.

— Ничего, постою, я ненадолго. — Старик облокотился на штакетник. — Я чего зашёл-то... Дочка-то у нас всё... того... Нарушить¹ пришлось.

— Как? — Татьяна удивлённо подняла глаза на свёкра. — Ей же, вроде, лучше стало. Андрей говорил, будто поднимали её даже.

— Да никого... — Матвей махнул рукой. — Так... ненадолго получше сделалось, а потом опять, ну и...

— Да? Жаль, хорошая корова была, — посочувствовала невестка. — Мамаша переживает, наверное?

— Да конечно! — кивнул старик. — Прямо, с лица пала, привыкла она к ней, семь лет ведь коровёнка у нас была. Но чего сейчас поделаешь... Планида у ней, видать, такая. Так вот ты Андрюхе передай, что косить-то сейчас не надо уже, пусть не торопится. Те копёшки бы только привезти с покоса, которые мы сами-то поставили, да и ладно. Овечкам на зиму хватит. Так что пусть про покос не думает, а привезти можно и попозже, когда посвободнее станет, не к спеху. Хотя, по-хорошему, прибрать бы тоже, конечно, не мешало. Оно, когда на месте, так спокойнее, надёжней. В общем, так и скажи ему, пусть сам смотрит, чего да как.

Татьяна потупила глаза и отвела их в сторону:

— А вы сами ему и скажите, — сказала тихонько.

¹ Нарушить (прост.) — разрушить, повредить. Здесь — забить, убить.

— Андрюхе? Так он на работе же, я к тебе поэтому и зашёл.

— Нет, — невестка посмотрела Матвею прямо в глаза и невесело усмехнулась, — не на работе. Дома он.

— Как дома? Сегодня же вторник.

— Правильно, вторник, только он уже с субботы пьёт. Три дня уж. Сегодня вот не знаю — будет, нет... А то и на четвёртый пойдёт, как проспится.

Свекор нахмурил брови, подошёл к лавочке, сел рядом с невесткой, положив руки на свой посошок¹:

— Сорвался всё-таки?

Татьяна тяжело вздохнула.

— Вот паскудник... — покачал головой Матвей.

— Я, прям, как чувствовала, прошлый-то раз вам говорила. Прям, предчувствие такое было! Я ж знаю натуру эту его! Отдыхать-то тоже ведь надо, а у него как? Если работать, так от рассвета до заката! Другие до шести, до семи и домой едут, к семье, а этот — всегда пожалуйста! Вот на нём и ездят, как не знаю на ком! — в голосе Татьяны появились злые нотки. — И ведь говоришь ему, так не слушает, огрызается! Не учите его жить, видите ли! А потом вот так вот — раз! — и всё, нате вам! Будем пить до потери сознания, пока соображалка не отключится.

Матвей хмуро молчал и смотрел в сторону. Невестка на какое-то время тоже умолкла, потом продолжила:

— В субботу в обед Сергеевым вот так же сено привёз, ну ему две бутылки за это и сунули. Благодетели... Убивать таких благодетелей надо. Деньгами-то не дают, дороже выйдет, а этому — нет, чтоб отказаться, так берёт! А уж если взял, так всё! Как же утерпеть, ежели вот она родимая, рядышком лежит. Ему ж вообще нельзя до водки дотрагиваться! Домой уже пьяный приехал. Не знаю, как ещё куда не забурился на тракторе-то своём, чуть тёпленький из кабины вывалился. Ну и вот! Пока всё не выпил, так не успокоился. В воскресенье по новой; в понедельник на работу ехать, а он лыка не вяжет. Я-то ушла, а он так дома и остался. На обед прихожу — трактора нет, видать кто-то от них пришёл да в гараж угнали,

¹ Посошок — уменьш. от посох, палка для опоры при ходьбе.

а этот спит, перегаром за полверсты несёт. Похоже, с утра уже где-то нашёл да опохмелился. Потом очухался немного и снова за водку. Весь день так и пил. Так ведь и пьёт-то когда, то не закусывает толком, ничего почти не ест! И так уж штанам держаться не на чем, тощий стал, как штaketина. Я сегодня вот опять на работу ушла, он спал ещё, так что не знаю, как он там сейчас — проспался, нет... А то ведь дальше будет... Ой, прям, не знаю, что делать, как жить дальше... — Она тяжело вздохнула и покачала головой. — И вот уж известно, что чем дольше не пьёт, тем больше потом пить будет. Потому и говорила тогда-то, уж лучше бы помаленьку выпивал, но чтоб без таких вот выкрутасов.

Матвей, слушая невестку, задумчиво гладил бороду, потом встал:

— Ох-хо-хонюшки... Но ты-то уж так не убивайся; горбатого, однако, только могила исправит.

— Ведь два месяца, считай, в рот не брал, а тут... — Татьяна, покачав головой, устало махнула рукой и отвернулась. — Я ведь раньше-то думала, может, закодироваться ему, заикнулась как-то, так он на меня так попёр! Я чего тебе, алкаш какой-нибудь?! Так, алкаш, не алкаш, а ежели по неделе пить можешь, то как это называется? Разве ж это нормально? — Татьяна, скривив губы, жалобно хныкнула, тоже поднялась с лавки. — Поговорите хоть вы с ним, вас, может, послушает. А то я уж не знаю, как ещё с ним...

— Так, разве не говорили раньше-то? Сколь раз уж говорили. Да и сам не маленький, всё понимать должён. Ладно, иди работай, а я пойду схожу к вам, — кивнул ей Матвей. — Иди, а то потеряют.

От садика он направился к сыну. Все двери в доме были нараспашку, Андрей спал в зале на диване. В комнате старику в нос ударил тяжёлый запах перегара, курева и мочи. Телевизор был включён, на столе стояла почти полная бутылка водки, рюмка и кружка с водой, тут же лежало два куска хлеба. На полу возле дивана — доверху забитая окурками консервная банка.

Матвей выключил телевизор и посмотрел на сына. Штаны на Андрее и диван под ним были мокрые. Старик тяжело вздохнул и сел к столу на табуретку.

Уж на кого на кого, а на Андрея родители никогда не думали, что он станет пить. До армии он на дух не переносил ни табачного дыма, ни даже запаха спиртного. На проёздах на службу сын, поддавшись на настойчивые уговоры будущих своих сослуживцев, кое-как влил в себя полрюмки водки и сразу закашлялся, чем вызвал дружный хохот парней. Да, впрочем, он и после службы особо-то не пил. Курить — да, начал. Вернее, демобилизовался уже курящим, но пить и потом не пил. Выпивал лишь по великим праздникам, но немного, меру знал. Женился, сын родился у них с Татьяной. Но что потом случилось? Где-то в это время он и стал прикладываться к бутылке — чаще, чаще, а потом пошло-поехало... Дружки подходящие появились, собутыльники...

В минувшую субботу начальство попросило Андрея съездить в соседний совхоз привезти прицеп шлакоблоков для пристройки к гаражу ещё одного бокса. Съездил он довольно быстро, часам к двенадцати уже вернулся. Отцепил прицеп у гаража и можно было, в принципе, ехать домой, но почему-то не захотелось. За последнее время он уже настолько привык почти весь свой день проводить вне дома, на работе, что сейчас подумалось — а чего там делать-то, дома? Нет, дела, конечно, нашлись бы: у бани дверь надо приподнять, а то стала плохо закрываться, за порог задевает, Татьяна давно просит жёлоб с одной стороны дома подправить, а то вода с него, когда дождь сильный идёт, мимо бочки льёт, да и мало ли чего ещё... В огороде том же дела всегда найдутся. Но при одной мысли об этих делах на Андрея почему-то накатила такая тоска, что никакого желания идти домой не возникло. Казалось, лучше ему ещё куда-нибудь съездить, чем перестраивать мозги на домашнюю работу.

Хмуро выкурив сигарету, он задрал у трактора капот и стал копаться в моторе. Проверил, хорошо ли натянуты ремни, долил воды в радиатор, потом решил поменять масло в воздухоочистителе. Управившись с этим делом, глянул на часы — подходило к половине второго. В гараже кроме него в это время никого не было. И тут из-за угла чуть не бегом выскочила запыхавшаяся тётка Лена Сергеева, уборщица

из местного клуба, живущая на соседней с Андреем улице. Увидев его, радостно взмахнула руками:

— Ой, слава тебе господи, здесь ты... А я уж дома у вас была, да Татьяна говорит, на работе он, возит кого-то... — Подойдя ближе, она сняла с головы платок, вытерла им раскрасневшееся потное лицо, тяжело дыша стала повязывать платок обратно. — Хорошо, что хоть здесь ты погодился, а то бегу, а сама думаю, где тебя ловить-то...

— Да чего надо-то? — поинтересовался Андрей, вытирая ветошью руки.

— Андрюшенька, миленький, выручи, а? Христом Богом молю, сено бы нам привести надо. Скосить-то скосили, а вывести не на чем. Хотели у Лёшки Выдрина лошадь просить, да он не даёт, говорит, некогда, самому пока надо. Вот про тебя и вспомнили. У нас покос-то недалёко, за могилками, как на Тронышев лог-то ехать, там километра три всего. Да и немного его, сена-то, стог один. У нас уж готово всё, и на берёзу смётано, за комель только зацепить да притащить. По-хорошему, так за час-полтора управиться можно, на тракторе-то. Андрюшенька, помоги, а? — Тётка Лена умоляюще смотрела на Андрея.

А тот, хоть и продолжал с серьёзным видом вытирать руки, словно бы раздумывая над её словами, но сам даже обрадовался такой просьбе — можно было с чистой совестью, не придумывая причин и отговорок, не ехать домой. Отбросив грязную, в машинном масле, тряпку, Андрей кивнул:

— Ладно, давай привезу. Только ты объясни толком, куда ехать.

И тётка Лена стала подробно рассказывать, где у них покос.

— Сама-то уж я не поеду, а мужику скажу, так он сейчас на мотоцикле туда по-быстрому подскочит. А мы уж в долгу не останемся, — заверила она Андрея, — рассчитаемся с тобой, как следно быть.

Рассчитались водкой. Когда Андрей в пятом часу подвёз сено к нужному дому, тётка Лена суетливо подбежала к трактору и ласковыми глазами посмотрела на Андрея снизу-вверх:

— Андрюшенька, уж не знаю, как тебя отблагодарить-то. — В руках она держала холщовую сумку. Сунув в неё руку и быстро глянув по сторонам, — не видит ли кто — вытащила бутылку водки, протянула Андрею. — На-ка вот, держи. И ещё одну сейчас. — Она достала вторую бутылку. — Хватит, нет?

Андрей не держал водку в руках с тех пор, как погулял с зятем и Иваном Неустроевым. И сейчас, при виде двух поллитр, внутри у него словно бы что-то напряглось, сперва он даже немного было растерялся, — братъ, не братъ? — но, чуть помедлив, взял и положил бутылки на полку позади сиденья.

— Хватит, — небрежно махнул рукой Андрей. Заострять вопрос на оплате он не собирался изначально.

— Ой, вот спасибо тебе. Выручил, прям, не знаю как! — затараторила тётка. — Думали уж, кого где искать, к кому бежать...

Андрей поморщился и, не слушая, чего там ещё говорила Сергеева, поехал прочь. Отъехав метров триста, свернул к тополям, росшим в ряд в стороне от дороги, и остановил трактор. Он ничего не ел с самого утра, думал, что вернётся домой к обеду, поэтому никакую еду с собой не взял. Правда, на полке за сиденьем лежала в целлофановом мешочке зачерствевшая половина хлебного батона, там же валялась обтянутая брезентом армейская фляжка с водой. Почувствовав жажду, Андрей не глядя потянулся назад за фляжкой и наткнулся рукой на бутылку водки. На секунду задумавшись, он взял поллитру и тупо уставился на неё — куда девать-то сейчас эту водку? И снова на него ни с того ни с сего накатила волна непонятной хандры, а на душе сделалось муторно и нехорошо. И враз ощутил он свинцовую усталость во всём своём теле и полную апатию ко всему вокруг. Не хотелось в этот миг ничего — ни ехать домой, ни в гараж, никуда. Вообще ничего не хотелось. И тут будто что щёлкнуло в мозгу. Толком даже не отдавая себе отчет в том, что делает, он быстро, ухватив зубами за язычок, сорвал с бутылки золотистую крышечку, взболтнул содержимое и одним махом, прямо из горлышка, влил в себя добрую половину. Тут же в животе сделалось жарко, и этот жар неприятно ударил снизу в голову. Сморгившись и уткнувшись носом в плечо, Андрей протяжно втянул в себя воздух и откинулся на спинку сиденья. Достал

из мешочка сухой батон и немного откусил, зажёвывая неприятный вкус тёплой водки, потом запил такой же тёплой и невкусной водой из фляжки.

На какой-то момент в его голове мелькнуло, что пить-то сейчас, наверное, не надо бы, что ничего хорошего из этого опять не получится, однако потом коротко ругнулся: «Да идите вы все! Я вам не каторжный», и быстро прогнал эти мысли прочь. Прислушиваясь к своим ощущениям, взял из-под ветрового стекла пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, закурил. Думал, от выпитого по телу сразу же пойдёт тепло, ждал, что водка быстро ударит в голову, ведь пил-то на голодный желудок, да ещё и после такого перерыва, но, как ни странно, Андрей ничего подобного не почувствовал. Возникло ощущение, будто хмель не берёт, даже мелькнула мысль, что, может быть, водка плохая. Разглядывая этикетку, повертел в руках бутылку из зелёного стекла — да нет, вроде всё в порядке, на вид обычная водка, «Русская».

Посидев немного, он ещё откусил хлеба, лениво пожевал, глотнул воды, и почудилось ему, что в голове словно бы и вправду чуток прояснилось, а на душе стало немного полегче. Андрей тряхнул головой, энергично потёр ладонями лицо, взъерошил волосы и расправил худые плечи. Взяв начатую бутылку, он коротко выдохнул в сторону и снова приложился к ней. Допив за два присеста поллитру, он швырнул пустую бутылку под тополь и только тут ощутил, как по телу стала разливаться приятная слабость, ноги сделались ватными, непослушными, а в голове закружилось. Тихонько чему-то засмеявшись, Андрей соскочил с трактора на землю, снова закурил и уселся прямо на траву, прислонившись спиной к заднему колесу. «Вот так вот, ребята, — решительно и зло произнёс он и выпустил густую струю дыма в синее небо. — Идите вы все лесом». Думать ни о чем не хотелось, в тени тополей дул лёгкий ветерок, было хорошо, свежо, не то что в жаркой кабине. Не спеша и даже с удовольствием докурив, он снова забрался в кабину и взял вторую бутылку...

Андрей что-то пробормотал во сне, повернулся на другой бок и приоткрыл глаза. Увидев сидящего на табуретке отца,

сперва, видимо, ничего не понял. Мотнул головой, поморщился, снова посмотрел мутным взглядом на Матвея.

— Батя? — пробормотал он вялым языком. — А ты как тут?

— Да вот, сижу, на тебя люблюсь, — серьёзно промолвил старик.

— Погоди, погоди... А Танька-то где?

Матвей не ответил.

— Это... — Андрей причмокнул губами, потом сдвинул брови и тяжело выдохнул. — Фу-у... Я тут того... маленько позволил себе.

— Да это не маленько, сын. — Старик кивнул на бутылку водки. — Было б маленько, так ладно, никто б тебе слова не сказал, но ты ведь три дня уже пьёшь, сегодня четвёртый пошёл. Хочешь, чтоб опять с трактора турнули?

— Не-не... Это я так, чуть-чуть. Сёдня чё у нас? Воскресенье? Завтра как огурчик... — Андрей сел, потрогал мокрые штаны, диван рядом с собой, виновато улыбнувшись, глянул искоса на отца.

— Вот-вот... Обмочился даже. Не стыдно? Когда чуть-чуть-то выпивают, под себя не мочатся.

— Бать, ну... — сын поморщился, помотал головой, — ну чё ты? Я ж и так всё лето, считай, не притрагивался.

— Да тебе что, кто-то притрагиваться к ней не даёт? — Матвей снова кивнул на бутылку. — Ну выпил с устатку маленько, да и хватит. Оно и понятно, все мы люди, но тебе ж надо до соплей зелёных! Тебе вот о чём толкуют! Татьяну не жалеешь. Ей-то каково с тобой с таким жить? Чего толку, что ты два месяца не притрагивался, зато сейчас вон как притронулся! Ажно под себя напрудил!

Андрей снова поморщился, тяжело поднялся, подойдя нетвёрдыми ногами к шифоньеру, достал из него чистые трусы, брюки и ушёл в другую комнату. Через несколько минут он, переодевшись, вернулся, стянул с дивана плюшевую накидку и пошёл на улицу.

Матвей встал, взял водку и направился вслед за сыном. Выйдя на крыльцо, он перевернул бутылку вниз горлышком и стал выливать содержимое прямо на траву.

— Бать, ты чё творишь?! — Андрей, вешавший диванную накидку на бельевой шнур, натянутый во дворе, кинулся к отцу.

— Ничего! — прикрикнул Матвей, сурово посмотрев на сына. — Это ты чего творишь?! Водку жалко?! Ты жену лучше пожалей да мать! Ишь, какой выискался! Водку он пожалел... Всё, хватит, погулял! Собирайся и на работу топай давай! Воскресенье у него до сих пор... Вчера прогулял, сегодня тоже хочешь?

— А сегодня чё, не воскресенье, что ли? — Андрей подошёл к железной бочке, плеснул себе в лицо водой.

— Вторник с утра был!

— Бать, так это... какая работа, всё равно уже опоздал, — хмуро возразил сын.

— Ничего, ещё одиннадцати нету. Придёшь, в ножки упадёшь начальнику, покаешься, глядишь, и простят. Один день прогулял, это не неделя. Или снова в коровник захотел, навоз из-под коров выгребать?

— Да нет, конечно. — Андрей неуверенно переминался с ноги на ногу и оглядывался по сторонам: ему не хотелось, чтоб их разговор слышали соседи.

— Чего озираешься? Стыдно? Раз стыдно, так, может, не совсем ты ещё пропащий? Давай собирайся, вместе пойдём!

— Куда вместе? — сын удивлённо посмотрел на отца.

— На работу тебя за ручку отведу! Как дитё малое. А то вдруг опять в магазин побежишь, или где ты там водку эту берёшь!

— Да ну, бать, ты чё...

— Вот тебе и «чё». До седых волос дóжил...

— Да я это... я б поел чего, а то жрать охота.

— Ничего, за полдня не замрёшь. Тебе сейчас важнее на тракторе остаться, а до обеда как-нибудь выдюжишь. Давай собирайся!

— Да дай хоть воды-то попить!

— Пей и пошли. Я тебе серьёзно говорю! На работу не поведу, а из дому вместе пойдём.

— Сейчас...

Зайдя в дом, Андрей жадными глотками выпил сразу две кружки воды, быстро сжевал хлеб, лежавший на столе, сунул

в карман пачку сигарет со спичками и вернулся на улицу. Закрыв дом на замок, он вышел за ограду, где его ждал отец.

— У Татьяны-то ключ есть? — спросил сына Матвей.

— Не знаю. Нет, наверное.

— Давай мне, я ей на работу занесу.

Андрей усмехнулся:

— Чего? Боишься, что вернусь, на работу не пойду?

— Давай сюда! — старик протянул руку. — Боишься...

Чего мне бояться? Это ты бояться должен, а не я, твоя жизнь-то. Тебя, дурака, за уши на свет тянут, а ты упираешься. Огреть бы тебя ещё хорошенько! — отец потряс рукой с палкой.

— Да на́ ты... — сын сунул в руку Матвея ключ. —

Только где мне тогда обедать, ежели от дома ключа не будет?

— К нам приходи, мать накормит.

— Ага, мать... Ты, бать, ей только не говори, ладно? — хмуро попросил Андрей, шагая нетвёрдой походкой рядом с отцом.

— Не скажу. Только ежели тебя опять с трактора турнут, тогда уж шила в мешке не утаишь. Чувешь, о чём я?

— Да понятно...

Дойдя до центральной улицы, отец с сыном разошлись в разные стороны: Андрей пошёл на работу, в гараж, а Матвей обратно в детский сад, отдать ключ Татьяне.

Та, снова увидев свёкра, сначала встревожилась, но потом, когда он отдал ей ключ от дома, удивилась:

— На работу ушёл? — переспросила она Матвея, округлив глаза. — Если честно, не ожидала. А что вы ему сказали?

— Да что сказал... Ничего не говорил. Водку вылил и всё. Сказал, что за руку сейчас на работу отведу.

— А он?

— А чего он? Куда ему деваться, ключ-то я у него забрал.

— Ой... — невестка с сомнением покачала головой. — Он ведь может к кому-нибудь из знакомых пойти. У него дружки-то есть, с кем раньше-то пил, Неустроев тот же...

— Да что уж он, совсем что ли?! — Матвей взмахнул рукой. — Совесть-то у него всё ж таки есть маленько, не совсем же он пропащий.

— Ну, дай бог, — Татьяна неуверенно пожала плечами.

— Да, — остановился Матвей, когда собрался уже уходить, — про корову-то да про покос я ему так ведь и не сказал. Из головы совсем вылетело, да оно, может, и к лучшему. Так что ты уж сама ему или сегодня вечером, или утром завтра скажи. Хорошо?

— Ладно, скажу, — кивнула невестка.

Домой Матвей решил не торопиться, а попутно зайти посмотреть грибы в березнике, подступавшем с одной стороны к деревне прямо вплотную к домам.

Погода стояла хорошая, и, хотя ночами уже было довольно прохладно, днём, когда не было облаков и светило солнце, становилось совсем жарко. Войдя в лес, старик остановился, расстегнул пиджак и, сняв шляпу, провел рукой по волосам. Деревья мягко шелестели листвой под слабым ветерком, и, казалось, лениво перешёптывались друг с другом. Берёзы, хоть и были в основном ещё зелены, но пестрели уже жёлтыми, в бурых коричневых крапинах, листьями. Да и трава была далеко не та, что в начале лета, она сделалась жёсткой, грубой. Во всём виделись признаки грядущего увядания, и чувствовался скорый приход осени. Невысоко над деревьями кружил коршун, время от времени издавая переливчатый крик, отдалённо похожий не то на тихое ржание жеребёнка, не то на трель свистка.

Матвей подошёл к высокой, прямой берёзе с длинными вислыми ветвями, по стволу которой нескончаемой вереницей бежали вверх и вниз большие чёрные муравьи. Без конца натыкаясь друг на друга, они то поворачивали назад, то начинали бестолково суетиться на одном месте, то снова бежали в нужном направлении. Оглядевшись, старик увидел в нескольких метрах от себя муравейник и подошёл к нему поближе. «Вот кто на месте-то ни минутки не посидит, — подумал Матвей, наблюдая за муравьями. — Всё куда-то им надо, всё дела у них какие-то. И откуда только силы берутся, ведь ничего нету — ни костей, ни мяса, а вон какие шустрые». Вблизи казалось, будто сама куча была живая и вся шевелилась, так много было на ней муравьёв.

Немного постояв и понаблюдав за муравьями, старик не спеша пошёл вдоль опушки, раздвигая траву своим

посошком и выглядывая грибы. Изредка попадались лишь сыроежки — разные: какие с жёлтой, какие с синеватой, а какие с розовой шляпками, но Матвей их не трогал. Никогда не было у него доверия к таким грибам: шибко уж ломкие, до дома не донесёшь, все искрошатся. Да и чего с ними потом делать? Жарить? Нет, жареные грибы старик не признавал, вот солёные — это другое дело. Но на это сыроежки не годились, тут другие грибы нужны, крепкие, ядрёные: грузди, бычки, белянки с рыжиками, волнушки... Это другое дело! Достанешь зимой баночку, вынешь грибок, а он как игрушечка — залюбуешься! А сыроежки эти да обабки¹ всякие... Это, вон, городские за ними сюда каждый год ездят. Хотя, Зина Сулова тоже их берёт, сушит потом да в суп, говорит, кладёт. Ну что ж, на вкус и цвет, как говорится, товарища нет. Но сейчас грибов, нужных Матвею, не было. «Надо бы подальше куда сходить, под Серебряковку, там места-то хорошие, а тут повитоптали всё уже на сто раз. Хотя, сушь такая стоит, может, и там нет ничего. Вот, ежели туманы сейчас пойдут да дожди, тогда должны ещё будут нарасти», — размышлял старик, внимательно глядя под ноги. Нагнувшись, сорвал и с удовольствием съел несколько ярко-красных шариков костяники.

Так и не найдя ни одного подходящего гриба, Матвей повернул в сторону дома. Впрочем, домой он не торопился ещё по одной причине: хотел дать Клавдии возможность побыть одной. Пусть сама, без посторонних, без него попривыкнет к мысли, что Дочки больше нет, и что дальше жить придётся уже без коровы. Может, даже и поплачет, это ничего, пускай, лучше отпустит. Да и, ежели рассудить, так сколько можно-то? Годы уже не те, тяжело ведь: каждое утро-вечер подои, накорми, в стадо отправь, потом встретить, с молоком возни сколько: через сепаратор прогони, масло взбей, да и сенокос опять же... Нет, однако уж хватит, пусть другие коров держат, а им и овец с курами хватит. Сами они Дочку по своей воле, наверное, и не продали бы, и на мясо не пустили бы, а тут Господь распорядил как надо, вот и всё... А банку-то молока, в конце концов, икупить можно. Вон, хоть у Зины той же.

¹ Обабки — общее название подберёзовиков, подосиновиков, белых грибов.

Выйдя из переулка и повернув к дому, Матвей увидел, что у калитки Гуменниковых стоит милицейский УАЗик. Клавдия была на крыльце и смотрела в ту сторону. Старик, войдя во двор, спросил:

— Это чего там? К кому милиция-то приехала?

— Ой, господи, не спрашивай, — старуха, не глядя на деда, замотала головой, — никого я толком не знаю...

— Ну чего случилось-то?

— Да не знаю, говорю. Из огорода услышала только...

— Так чего услышала-то, можешь толком сказать или нет?
— начал сердиться Матвей.

— Да Фёдор-то... То ли убил этого, нового, то ли покалечил...

Старик вытаращил глаза:

— Кого?

— Ну этого-то, в Женькин дом которые жить приехали.

— Как убил?!

— Да говорю ж тебе, не знаю! Я уж после услышала. Тут ажно эта... «скорая помощь» из райцентра приезжала. Этого-то увезли, кажись, а уж живой он или нет, не видала.

— Вот дела... — протянул Матвей. — Так, а как он его?

— Да не знаю я, чего пристал ко мне? Иди да сам спроси, ежели хочешь. — Старуха замотала головой, заойкала сокрушённо: — Ой-ой-ой, тошнёхоньки мне, вот беда-то ещё, не было напасти...

Старик пошёл в огород. Подойдя к забору, он осторожно заглянул через него к соседям. Там было тихо и пусто. Матвей покрутил головой, потом, взяв в столярке ножовку с напильником, сел на чурку и стал править зубья, прислушиваясь к тому, что происходит у Гуменниковых. Минут через пятнадцать там хлопнула дверь, затем заговорили мужские голоса, к ним присоединился всхлипывающий женский.

Матвей встал и снова осторожно, прячась за малину, выглянул из-за забора. У соседского крыльца стоял их деревенский участковый Иванчук, рядом — хмурый Фёдор и Раиса с красным, зарёванным лицом.

— Ладно, всё. — Участковый кивнул на машину. — Поехали.

Раиса скривила рот и стала потихоньку подвывать.

— Хорош тебе! — грубо оборвал её Фёдор. — Чего воешь-то? Не на расстрел везут.

— Да-а... чё-ё... ы-ы... — непонятно чего забормотала сквозь слёзы жена.

— Всё, иди в избу, не реви!

Фёдор повернулся к милиционеру, и они пошли к УАЗику. Участковый открыл сзади дверцу с зарешёченным окошком, и Фёдор, ухватившись за поручень, залез туда, где обычно возят задержанных. Милиционер сел за руль, и машина уехала. Раиса, не переставая всхлипывать и причитать, ушла в дом.

— Фёдора-то участковый увёз, — сказал Клавдии Матвей, вернувшись в дом.

— Да я видала отсюдава.

— Надо бы сходить, наверное, к Раисе-то, узнать, чего там у них приключилось.

— Так ты мужик, может, тебе и сходить лучше?

— А ты баба, тебе она скорей расскажет. По вашему-то, по-женски.

— Или вдвоём уж давай ходим.

— Можно и вдвоём. Только давай сперва пообедаем, и она пушай там хоть немного успокоится, а то ревёт без конца, тогда и пойдём.

На том супруги и порешили. Поев и отдохнув после обеда с полчаса, они вместе направились к соседке.

Когда пришли Заречневы, Раиса лежала в комнате на кровати. На их вопрос, есть кто дома или нет, кряхтя да охая поднялась и вышла в прихожую. При виде Клавдии с Матвеем губы у неё мелко затряслись, а к глазам снова подступили слёзы.

— Ну тихо, тихо, — спокойно проговорил Матвей. — Слезами горю не поможешь. Ты лучше расскажи, чего тут у вас стряслось.

— Ой, Матвей, не спрашивай, — Раиса замотала головой и вытерла глаза краешком платка. — Ой, горе, горе...

— Ну ладно, чего ты... Одна голова хорошо, а две лучше. Расскажи, что случилось, может, чего и сообразим.

— Ой, не знаю, кого тут сообразишь... — Раиса ещё пару раз всхлипнула, потом всё же немного успокоилась и села к столу. Сложив на круглом животе пухлые руки, кивнула на стулья Заречневым. — Садитесь, чего стоять-то...

Те сели. Раиса, протяжно вздохнув, стала рассказывать:

— Утром-то сегодня, часов десять, однако, ещё было, эти-то, — она кивнула головой в сторону дома, где неделю назад поселились новые жильцы, — снова свой этот... нитофон-то завели. Да громко! Мы аккурат вышли лук собирать. А оно как заиграло-то опять, Фёдора аж передёрнуло. Да сколько же, говорит, это издевательство терпеть можно. Он ведь ему... как его... Анатолию-то этому раз десять уже говорил. Пошто музыку-то свою громко так включаешь? Ну иди к себе в избу да слушай там сколь душе угодно, раз глянется тебе, но пошто на всю округу-то её заводишь? А ежели людям кому не нравится, ежели не хотят они слушать? У нас тут отродясь такого не бывало. А тому чего? Стоит, рот свой раззявит да зенками только лупает, паразит. Сперва-то, вроде, делал потише, вроде как прислушивался, а потом всё одно! Чего, говорит, Лукич, тебе вечно всё не глянется, у тебя там, говорит, чего, дети малые спят? Музыка как музыка, я люблю слушать, чтоб громко было. Дескать, день на дворе, не ночь, так что... Ну мой-то всё пытался разъяснить ему, что нельзя так, мы люди старые, ладно, ты раз, два включил, а то каждый же день! Мы-то и правда сперва думали, ну погуляют они денёк-другой да утомонятся, а они уж неделю гужуются, и конца-края не видно. Кто же выдюжит такое? Ну и вот сегодня... Опять, значит, включил он этот... нитофон-то свой, мой и говорит, всё, нет сил моих больше, и пошёл опять говорить этому. Подошёл к забору, крикнул его, тот тоже подошёл. С утра, а уж видать, что пьяненький. — Раиса рассказывала, а пальцы её, казалось, сами собой беспрестанно теребили массивную пуговицу на вязаной кофте. — То ли со вчерашнего ещё не отошёл, то ли утром уж успел, не знаю. Но стоит, паразит, щерится, а самого покачивает со стороны-то в сторону. Дед ему опять говорит, ты тише сделай шарманку свою или в избу с ей иди, там и слушай, а тот его матом! Представляете? Да по матушке, да в бога, да

всяко разнo. Пошёл ты, говорит, дядя Федя... Мой, прям, белый сделался. Ну а тут лопата у забора-то стояла. Схватил он лопату эту да черенком того-то по башке и шибанул со всей дури. Тот как стоял, так и грохнулся. А эта, бабёнка-то Анатолия этого, Манькой он всё её звал, увидала да в крик. Ой, орёт, убили, да не будь дура, в сельсовет сразу, к участковому. А этот, как упал, так и лежит, не подымается. Мой-то заматерился тоже и в избу. Ушёл, сел и сидит там. А я чего делать и не знаю. Этому-то через забор кричу, вставай, дескать! Гляжу, он минут через пять и вправду очухался, зашевелился...

— Ой, господи, слава тебе... Не насмерть, стало быть, зашиб-то, — вставила Клавдия.

— Ну! Вот и я тоже! Прям, от сердца отлегло, что живой-то паразит этот оказался, что не насмерть его дед зашиб. Хорошо ещё черенком он его, а не самой этой... железкой-то, а то точно раскроил бы башку. Ну и вот... Зашевелился он, кровища там у него, на голове-то, в волосьях. Сел, глядит на меня, а сам-то, видать, не соображает ничего, а тут и эти едут на машине. Участковый-то, Иванчук, видать, на месте оказался, вот они быстро и приехали. Так он ещё, оказывается, успел и в больницу позвонить, в райцентр, и пока бумаги-то тут свои писал, те и приехали, на «скорой»-то. Ну и всё... Анатолия-то этого на «скорой» и увезли, а деда уж участковый потом забрал.

— Так, куда он его? — уточнил Матвей.

— Тоже, сказал, в райцентр повезёт, только в милицию. — На этих словах полные щеки, губы у Раисы снова затряслись, она громко шмыгнула носом и промокнула глаза краешком платка. — Ой, господи, посодют ведь теперь, как пить дать посодют.

— Да ну ты, — нахмурился Матвей. — Ежели б убил, тогда понятно, а раз живой, так чего.

— Так кровь-то была. Да и здорово он его шибанул, проломил, поди, бошку-то ему.

— Да ну... Отпустят.

— Ой, не знаю, — Раиса помотала головой. — Твои б слова, Матвей, да богу в уши.

— Так, а эти чего, заявленье какое написали?

— Сам-то он, вроде, нет, ничего, кажись, не писал, не видала я, а бабёнка-то его писала. Иванчук диктовал ей кого-то, она и писала.

— Вот собаки, — Матвей усмехнулся, — хватает же у людей совести.

Посидели ещё какое-то время. Раиса разговорилась и вспоминала всё новые и новые детали: кто, что и кому сказал, кто что сделал, что было вчера, позавчера...

Матвей наконец поднялся:

— Ладно, вы тут сидите, а я пойду, воды натаскать мне ещё надо.

— Ну давай, я тоже сейчас уж пойду, — кивнула ему Клавдия. — Маленько ещё посижу и пойду.

— Да сидите. — Старик глянул на Раису: — Ты шибко-то уж не убивайся, этот-то сам виноват, так что... разберутся. Живой, да и ладно, а ежели чего, так мы Фёдора на поруки возьмём. Всея улицей.

— Ой, Матвей, дай бог, дай бог...

А вечером собралась гроза.

Ближе к ночи, когда старики уже поужинали, управились со скотиной, прибрали в огороде, помолились и собирались ложиться спать, как-то совсем неожиданно натянуло вдруг тучи, на улице быстро потемнело и по крыше застучали крупные тяжёлые капли. Сначала редко, потом чаще, чаще, и вот их барабанная дробь слилась в единый монотонный гул падающего с неба ливня. И на фоне этого гула высокой нотой выделялось лишь звонкое журчание воды, льющейся из жёлоба в быстро наполнившуюся бочку под окном.

Молнии, сначала редкие и далёкие, стали сверкать чуть не одна за другой совсем рядом. Вслед за каждой такой ослепляющей вспышкой почти сразу же тяжёлым рокотом накатывал гром.

Клавдия лежала в кровати и при каждом ударе молнии, освещавшем комнату ярким светом, крестилась, тихонько приговаривая: «Свят, свят, свят... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. Господи помилуй, спаси и сохрани. Не остави мя, Господи. Свят, свят, свят...»

Матвей тоже лежал и смотрел, как всполохи молний выхватывали из темноты крупные маки на его ковре, шкаф, печную вьюшку, часы на противоположной стене. В этих вспышках всё это выглядело непривычно, совсем не так, как днём — мрачно, невесело и даже устрашающе: маки были не красными, а иссиня-чёрными, часы виделись чьим-то круглым и злобным лицом, а шкаф, казалось, нависал над стариковой кроватью, грозя вот-вот упасть на него.

В какой-то миг сверкнуло особенно ярко и тут же громыхнуло так, будто с неба прямо на дом упало нечто огромное, страшное, и изба сейчас развалится, раскатится по брёвнышкам. Клавдия не выдержала и, сев, отчаянно закрестилась. «Господи, прости нас грешных. Господи, оборони... Господи, милостив буде нам грешным. Создавший нас, Господи, и помилуй нас», — сосредоточенно повторяла она, размеренно покачиваясь вперёд-назад. Матвей же и глазом не повёл. Он думал.

Думал старик об Андрее: ведь сколько времени сын не пил, значит, может и без водки этой проклятой обходиться. Так в чём же дело? Силы воли не хватает? Искал Матвей и не находил подходящих слов, которые можно было бы сказать сыну, чтоб перестал губить себя, жизнь свою, чтоб бросил заразу эту. Да и есть ли вообще на земле такие слова? Ведь не дитё он уже, взрослый человек, сам уже дед, внучка, вон, имеется. Думал Матвей и о Фёдоре, жалел его, пытаясь представить, где он там сейчас и каково ему, семидесятирёхлетнему старику, в милиции этой. А ведь всего-то и хотел он, чтоб жить в тишине да покое. Думал о корове, которую пришлось вчера забить, потому что просто некуда уже было деваться. Что он, разве не жалел её? Конечно, жалел, ведь и он к ней привык за эти годы, но был ли другой выход? Думал о Наталье, о том, какая такая сила сорвала её с родного места в эту Москву, что она уехала, даже не простившись с родителями. А может, не особо-то и хотела? Как там Андрей сказал — отрезанный ломоть? Всё может быть, но не хочется как-то до конца верить в это. Ломоть ломтём, но делать-то всё равно надо по-человечески, а то как-то не по-людски вышло. Ведь не абы кто, а дочь родная.

Думал Матвей и многого не понимал, и на многое не находил ответа. Он верил в судьбу и в то, что на каждого человека у Бога есть свои планы. И если один уродился такой, то, стало быть, Богу так оно и надо, и если другой — другой, то и тут так надо. Ведь сколько народу на земле живёт, — тьма тьмущая! — а каждый каким-то делом занят, и каждый вроде как на своём месте. Кто же их по этим местам расставляет? Бог, кто же ещё! Ни одному человеку такое не под силу. Вот и детей своих они с Клавдией вроде бы одинаково растили, в одной избе жили, при одних родителях, а они все разные вышли. Отчего ж так? А потому как уродились такими — разными, вот и всё. И это уж Бог определяет кому каким родиться, чем потом заниматься, способности к этому даёт, и для человека тут главное — не идти против даденного свыше. Мало ли что у кого другого есть — деньги ли, власть, слава, а ты не смотри, ты знай своё дело делай, то, которое тебе Богом определено. А начнёшь лезть куда не надо, свернёшь не на свою дорожку, так хорошего ничего из этого и не выйдет.

Кроме этого ещё две вещи считал Матвей причинами всех бед на земле: то, что человек думает только о своём интересе и что нет в нём чувства меры. Хотя и тут вроде бы всё просто — сколько тебе чего в этой жизни надо, столько и дадено будет. Тот же Бог и даст, и возьмёт, вот и всё, и нечего мудрить.

А в такие минуты, как вот сейчас, когда не мог он чего-то понять, разложить по полочкам в своей незамысловатой системе правил и ценностей, старик просто говорил себе: «Знать, судьба такая». И всё, и, стало быть, успокоиться на этом надо, так как ничего ты тут не попишешь. «На всё воля Божья, — подумал Матвей, поворачиваясь на бок и укрываясь лёгким одеялом, — а и нам жить как-то дальше надо».

Постепенно шум дождя стал стихать, вспышки молний сделались реже и уже не казались такими страшными, а гром после этих вспышек слышался всё глуше, дальше и больше не пугал Клавдию.

Глава 14

На следующий день Фёдор домой тоже не приехал. Ждали его весь день, думали, вот-вот объявится. Зная, когда приходит автобус из райцентра, Раиса выходила на улицу, смотрела вдаль, но без толку.

С лицом в красных пятнах, с опухшими от слёз глазами она не знала, чем себя занять. Бралась то за одно, то за другое, но всё валилось из рук. Начала было убирать лук с грядки, выдергала с треть и бросила. Подумала выбить половики, вытащила один на улицу, но даже не повесила его на забор, кинула прямо на траву, тяжело опустилась на лавку и снова заревела. Вечером даже не вышла встречать своего бычка. Видя, что её нет, Клавдия сказала Матвею, чтоб загнал овечек, и сама погнала бычка к Гуменниковым, где снова просидела с соседкой дотемна. Вернувшись домой, попросила мужа:

— Ты б, может, сходил к участковому-то, поговорил с ним? Пошто Фёдора-то до сих пор нету? Куда он его увёз-то? Раиса-то как бы умом не тронулась, ревёт да ревёт без конца. Я уж и так её успокаивать и так, и валерьянки ей накапала, и пустырнику, а она как ошалела совсем. Заладила своё — посодют да посодют.

— Да я уж сам хотел к нему сходить, — согласился Матвей. — Думали же, сегодня придёт, а раз нету, так, конечно... Завтра сбегаю.

Утром Матвей сразу после завтрака пошёл в сельсовет, где у участкового был кабинет с отдельным входом. Иванчук был на месте. Он сидел за столом и, сдвинув брови что-то сосредоточенно печатал на машинке. Китель с лейтенантскими погонами висел на спинке стула.

— Вы ко мне? — поднял он глаза на Матвея, когда тот, постучав, заглянул в кабинет.

— К тебе. — Матвей вошёл, посмотрел по сторонам, ища, куда повесить шляпу, повесил её на рогатую вешалку, стоявшую в углу, там же прислонил к стене посошок, подошёл к столу и сел на стоявший возле него стул. Достав из нагрудного кармана пиджака небольшую расчёску, старик

не торопясь причесал на голове волосы, пригладил бороду и посмотрел на участкового.

— По какому вопросу? — строго посмотрел на посетителя Иванчук. Его назначили участковым в Рубаново всего полгода назад, и он ещё толком не освоился на новом месте и из жителей деревни мало кого знал.

— Так... по какому... Мне бы про Гуменникова Фёдора узнать. Как увёз ты его позавчера на машине, так и с концами. Пошто нету-то его до сих пор? Не разобрались ещё, что ли?

— Гуменников? — Иванчук задумался на секунду, потом спросил: — А вы кто ему будете?

— Сосед я ему, сорок лет уж рядом живём.

— А-а... Ну так это уже не ко мне вопрос, почему его нет до сих пор. Я его в райцентр отвёз, дежурному передал и всё.

— Как это всё? — изумился старик. — У него ж жена дома осталась, мы все переживаем. Нет, ты увёз, так ты уж и объясни, чего да как.

— Так, чего тут объяснять... — Участковый откинулся на спинку стула. — Налицо причинение телесных повреждений. Какой степени тяжести, выяснит медицинская экспертиза, а дальше пусть следствие решает.

— Какое следствие? — Матвей, нахмутив густые брови, глянул на участкового. — Кого там расследовать-то? Этот-то сам же виноватый. Его попросили по-хорошему, сделай музыку свою тише, а он матюками. Разве ж так можно?

— Подождите... — Иванчук, усмехнувшись, мотнул головой. — По-вашему выходит, человека можно вот так вот черенком от лопаты по голове дубасить только за то, что он музыку тише не сделал? Это хорошо ещё, удар вскользь прошёл, а если б нет? Ваш Гуменников мог ведь запросто череп потерпевшему проломить, мог бы насмерть убить человека.

Матвей поёрзал на стуле, усаживаясь поудобнее:

— Погоди, мил человек, ты чего-то не так говоришь.

— Чего я не так говорю? Он сам, Гуменников ваш, подтверждает всё это.

— Да я не о том... — старик поморщился. — При чём тут подтверждает, не подтверждает. Этот-то, которого Фёдор-то ударил, он же не первый раз музыку свою завёл, они уж неделю никому покою не дают! Пьют каждый божий день. Как включают

с утра шарманку свою, так не знаешь, куда и бежать. Ему ж Фёдор-то сто раз уже говорил, просил по-хорошему, а тому наплевать. А тут ещё и матюками обложил.

— Ну так и что, убивать за это? За то, что обругал? За громкую музыку? Мы таким макаром тут все друг дружку поубиваем.

— Да не за это он его стукнул-то, как ты не понимаешь?
— Матвей начал сердиться. — Не за матюки же, не за музыку!

— Ну а за что тогда? — Участковый встал, налил из графина в стакан воды, выпил. — Объясните! Что там у них на самом деле произошло?

Матвей снова поморщился:

— Да произошло-то так, как ты говоришь, но... ударил-то он его не за это! Это ж только наружность!

— Не понимаю я вас. — Иванчук подошёл к окну и, сложив руки на груди, присел на подоконник. — Что значит — наружность?

Старик пожевал губами, задумчиво погладил бороду, посмотрел на участкового:

— Тебе сколь годов-то будет?

Тот пожал плечами:

— А какое это имеет отношение к делу?

— Ну, сколь?

— Двадцать шесть.

— Женатый?

— Женатый.

— И дети есть?

— Нет пока, мы недавно женились.

— Ты ж городской, вроде?

— Ну городской, ну и что?

— И жена городская?

— Да при чём тут вообще моя жена?!

— Да вот в городе-то у вас там по-другому всё. Сам-то я в городах не жил, но дочь вот живёт, да и так... люди-то говорят. Понимаешь, вот живём мы тут... уж за всю деревню не скажу, а на улице — всяк всякого знает. Чего надо — с сеном помочь, скотину заколоть, за ребяташками приглядеть — идёшь к кому? К соседу. Ему что надо — он к тебе. Колодец, опять же, общий, все оттуда воду берут. И выходит, что не один ты

на белом-то свете, а посреди людей живёшь. Понимаешь? — Матвей посмотрел на участкового. Тот стоял по-прежнему у окна, на вопрос старика никак не отреагировал. — Детишки в одной школе учатся, работать потом, так тоже все рядом, друг с дружкой. Последние годы, правда, многое не так уж стаёт, и у нас ближе к городскому делается, но это не важно. Главное — что? Как ты к людям, так и они к тебе.

— Ну и? — усмехнулся участковый. — В городе тоже так. Колодцев, может, и нет, но тоже все вместе, тоже люди рядом живут.

— Да нет... — Матвей несогласно мотнул головой. — Вместе, да не вместе. Я вот слышал, там могут толком и не знать, кто за стенкой у тебя живёт.

— Вполне естественно, народу-то намного больше.

— Не в этом дело, не в количестве. Я тебе объясняю, что Фёдор-то этого не за музыку громкую шибанул, а за то, что он наплевать на всех хотел, понимаешь? А нельзя так! Конечно, и у нас всяких хватает: и хулиганят, бывает, и пьют, и дерутся, но это... Как тебе объяснить, не так это, это по дурасти, а не потому, что он себя выше ставит. А эти... приехали-то которые, они же сразу всё шиворот навыворот делать стали, сразу им наплевать было, кто тут рядом с ними! А нельзя так, ежели ты промеж людей живёшь, понимаешь? Нельзя! Ты на новое место приехал зачем? Жить? Так узнай сперва, как тут народ живёт, прислушайся. А эти чего?! — Матвей на какое-то время умолк и опустил голову. Потом снова поднял глаза на милиционера и твёрдо сказал: — Поэтому нельзя Фёдора судить! Не по справедливости это будет.

— Ну-у... — Участковый усмехнулся, отойдя от окна, сел обратно за стол. — Скажете тоже... Нет, тут я с вами категорически не согласен. Есть Уголовный кодекс и всё. Он одинаковый что для деревни, что для города. А если мы начнём разбираться так, как вы говорите, тогда только запутаемся и всё. Ни один суд не разберётся.

— Да почему ж? — Матвей запальчиво дёрнул плечами. — Чего тут сложного-то? С людьми просто поговорить надо, всего и делов. И ясно станет, кто правый, а кто нет. Тебе каждый сейчас скажет, что правильно Фёдор этому по башке

дал, ни один за Анатолия этого не заступится, а стало быть, так и судить надо.

— Вы рассуждаете, прям, как при каменном веке.

— При чём тут каменный век-то? У нас суд, вроде как, народный зовётся, так пусть и судит, как народ думает. А народ считает, что Фёдор не виноватый. Я ж тебе толкую, что по справедливости делать надо.

— Хорошо, справедливость!.. — Иванчук хлопнул рукой по столу. — Ну а если б он его и вправду убил? Это что, справедливо было бы, по-вашему? Насмерть! Ведь не убил-то он его только по чистой случайности!

Матвею вспомнился разговор с Фёдором в самом начале лета. Как он сам спрашивал тогда соседа, справедливо ли вот так взять и расстрелять человека за то, что он бутылку на берегу разбил, пусть и нарочно.

— Не знаю... — хмуро ответил он милиционеру. — Может, и справедливо.

— Вот здорово! — Тот аж подскочил на стуле. — Убить человека за то, что музыку громко включил? Ну и понятия у вас!

— Я тебе десятый раз толкую, дело не в музыке, а в том, что он против общества пошёл, что себя выше людей поставил. А это... — Матвей махнул указательным пальцем, — это нельзя так! А ежели плевать ты на людей хотел, так иди, вон... в тайгу, да и живи там один, как в голову взбрёт. Только долго-то один не протянешь. А ежели к людям пришёл, так учитывай! Тем более старые люди рядом с тобою, и по-хорошему тебя просят.

— Ладно, наш разговор всё равно сейчас ничего не решает. — Участковый выдвинул ящик стола, достал из него толстую папку и положил её возле печатной машинки. — Извините, но у меня много работы. — Но потом снова мотнул головой, усмехнулся и подался всем телом к Матвею: — Нет, ну вот вы же взрослый человек, неужели вы не понимаете, что это, как минимум, банальный самосуд! Мы же в правовом государстве живём, у нас законы есть. Ну не нравится вам, что музыку громко люди слушают, почему вы ко мне не пришли, не пожаловались? Я бы беседу провёл профилактическую, глядишь, и всё, была бы проблема решена.

Матвей вздохнул и невесело усмехнулся в усы:

— Ты уж извини меня, парень, да только не шибко у нас привыкли на милицию-то надеяться. Не много доброго-то от вашего брата видали. Ты, может, и прав, по-хорошему-то оно, конечно, так и надо, чтоб по закону всё было, да ведь оно чаще так получается, что по закону-то простому мужику только хуже выходит. Да и, иной раз, пока вас отыщешь, особенно тут, у нас, в деревне, так поздно уж будет. Это в городе она там милиция и есть милиция, все знают, где она. А у нас до тебя-то участковым Васька Будыко был, так после обеда его трезвым редко когда видали. Какая уж тут надежда на милицию будет...

— То, о чём вы говорите, это частный случай, а я вам говорю о принципе.

— Так из таких-то случаев всё и складывается. Из частных. Главное-то — люди, и чтоб по справедливости было, а остальное...

— И всё же! Такие вещи — исключительная прерогатива государства! Иначе бардак будет.

— А у нас и так бардак везде, куда ни глянь. Чего ж оно тогда, государство-то твоё попутё не делает, а? Пожалуйста, кто же против! Мы только рады будем. А вот приехали эти-то в Женькин дом жить, жильцы-то новые из города, ты, как представитель этого государства, как власть, поговорил с имя? Объяснил им, чего да как? Узнал, кто они, чем дышат, чего ждять от них?

Участковый поёрзал на стуле:

— У меня, знаете, сколько работы помимо таких бесед? Во! — Он провёл рукой над головой. — Выше крыши.

— А может, меньше б тогда и работы было, а? А то, почему мы к тебе жаловаться на этих, — Фёдор махнул рукой на дверь, — не пришли, это ты сразу смекнул, а что сам с имя не поговорил, про то не думаешь. Быстро виноватых определил! А потом говоришь — государство...

— У меня отчёт за июль горит, середина августа уже доходит, каждый день с РОВД названивают! Да чего я вам объясняю... — Иванчук как-то беспомощно махнул рукой и досадливо поморщился.

— Отчёт... Ладно! — Матвей хлопнул себя по коленям. — Так ты мне всё же скажи, когда нам Фёдора домой ждять?

— Я тут могу пока только предполагать. — Участковый развёл руками. — Я его позавчера со всеми бумагами: с заявлением, с объяснениями, передал в дежурную часть. Потом с ним уже будет работать следователь. Если позавчера Гуменикова сразу же не отпустили, то, скорее всего, задержали на трое суток. Как подозреваемого. По истечении этого срока будут решать, что с ним делать дальше. Естественно, будут смотреть по состоянию здоровья потерпевшего, а он сейчас в больнице. У него там ухо повреждено, кожа на голове содрана, ну и сотрясение, скорее всего. Хорошо, что хоть череп цел остался, а то точно тяжкие телесные были бы, а это... ничего хорошего. Конечно, учтут, что ваш сосед был в возбуждённом состоянии, спровоцированном потерпевшим. Может, даже состояние аффекта определяют, если, как вы говорите, у них на этой почве уже не первый раз конфликт возникает.

— Это чего такое?

— Состояние аффекта, это когда человек не осознаёт своих действий. В силу этого самого возбуждённого состояния.

— Ну вот! Я ж про это и толкую! Тот-то сам Фёдора до белого каления довёл.

— Ладно... тут сейчас говорить, это как на кофейной гуще гадать.

— Ну а потом-то чего?

— А потом вот и будут на всё это смотреть. Могут под подписку отпустить, а могут и «закрыть».

— Как это? Кого закрыть?

— Ну... арестовать, значит. В СИЗО отправить, в следственный изолятор.

— В тюрьму, что ли?

— Почти. Там те сидят, кто суда дожидается.

Матвей сокрушённо покачал головой:

— Ох, ох, ох... Так, пошто Раисе-то позавчера ничего толком не объяснил? Жене-то его? Она уж извелась вся, моя старуха боится, как бы умом не тронулась.

— Ну извините, чего я мог ей тогда объяснить? Его вполне могли и сразу отпустить, но сегодня уже навряд ли, трое-то суток точно продержат, а завтра смотрите. Приедет — хорошо, не приедет — значит, арестовали, в СИЗО отправили.

Но в этом случае следователь должен будет проинформировать родственников.

— Понятно. — Матвей встал, взял свою палку, надел шляпу.

— До свидания, — попрощался с ним участковый, поудобнее усаживаясь перед печатной машинкой.

— Счастливо оставаться, — кивнул в ответ старик и вышел.

Фёдор приехал на следующие сутки уже ближе к вечеру. Никто и не видел, как он пришёл домой, это уже Раиса потом сказала, когда снова вышла вечером встречать бычка.

— Никого не говорит, не рассказывает. Молчит да курит. Поел, баню истопили, помылся и всё. Хотела рюмочку предложить ему, так отказался, не хочу, говорит. — Она горестно помогала головой. — Спрашиваю, чего будет-то теперь, а он: «Чего будет, того будет», и всё.

— Так, совсем его отпустили-то? Или как? — сочувственно спросила Сулова Зина.

— Да нет, не совсем. Говорит, ещё таскать будут. Ежели совсем, так хорошо бы было.

На следующее утро Матвей вышел в огород. Вынес чашку с едой для Амура и решил попутно собрать огурцы. Листья у них уже недели две как стали желтеть, запаршивели, плети сделались вялыми, поэтому новые огурчики нарастали плохо, почти уж и не было. Старик отвернул с гряды полиэтиленовую плёнку и услышал, как у соседей хлопнула дверь. Подойдя к забору, он увидел Фёдора, который, сунув босые ноги в галоши, пошёл в туалет. Дождавшись, когда сосед пойдёт обратно, старик окрикнул его. Тот вздрогнул, вскинул голову и, увидев Матвея, подошёл к ограде.

— Ну расскажи хоть, чего там, — спросил Матвей, после того, как они поздоровались.

— Да чего рассказывать...

— Ну чего говорят-то?

Фёдор потоптался на месте.

— Погоди, курить возьму. — Он ушёл в избу и быстро вернулся.

— Ну так чего говорят? — снова спросил Матвей.

— Да чего они скажут... Судить, говорят, будут, — Фёдор криво усмехнулся, смял гармошкой мундштук папиросы, сунул её в рот и, чиркнув спичкой, прикурил. — Посмотрят, чего там с Анатолием этим, ну и потом уж решать будут. Ухо я там ему чего-то нарушил. Говорят, возможно, что хуже слышать будет. Не знаю, там уж смотря чего докторá скажут.

— Понятно. А три-то дня где был?

— В КПЗ продержали.

— Ну и как?

— Да как... Хорошего-то мало. Кстати, знаешь, кого там встретил? Вместе были.

— Кого?

— Тёзку-то моего, Фёдора Шмидта помнишь? Немцы-то, на той стороне жили; он в пекарне сперва работал, а потом они в Завьялово переехали.

— Помню, — кивнул Матвей. — А он чего там?

— Да и смех и грех... Попросил, говорит, бабу свою в бане вымыть. Топить в субботу сунулся, а там листья от веников с прошлого раза да волосья её на полкё. Ну и вот... Попросил, чтоб вымыла, а она говорит, сам приберись, а то я сейчас не могу, я себе, этот... маникюр сделала.

— Это чего такое?

— Ну ногти-то они себе на руках красят. Лаком-то красным.

— Ну.

— Ну вот маникюр это у них и называется.

— А-а... Так ей сколько годов-то уже? Бабе его.

— Так уж за пятьдесят. Ему-то скоро шестьдесят будет, ну и ей до пенсии недалёко.

— Тьфу ты! Какие ей маникюры-то? Ну так и чего?

— Ну а он, говорит, и навёл ей маникюр. Под левым глазом.

— Двинул, что ли?

— Ну. Да так бы, конечно, не тронул, а тут выпимши маленько был, злость, говорит, взяла.

Матвей тихонько засмеялся:

— М-да... И забрали?

— Ну да. Она-то сама ничего, без претензий, а вот мать её, тёща-то Фёдорова, на следующий день увидала дочку, ну и в милицию... Старушня. Отправила зятя за решётку.

— Ну дела...

— Так говорю — и смех и грех.

Старики постояли, поулыбались немного, потом снова посерьёзнили.

— Тебя-то как отпустили, на время или совсем? — спросил соседа Матвей.

— На время. Сказали, ещё вызывать будут. Бумагу взяли, эту... ну, что дома сидеть обязуюсь, не убегу никуда. А там видать будет. Как суд решит. Может, и посадят.

— Не посадят, мы тебя, если надо, на поруки возьмём, — заверил соседа Матвей. — Всею улицей, а хоть бы и всей деревней. А про этого, — он кивнул в сторону новосёлов, — всё на суде скажем, что сам виноват, сам напросился.

— Да-а... — Фёдор снова поморщился. — Виноват, не виноват... Не в этом дело.

— А в чём?

Сосед глубоко затынулся, отвернувшись, выпустил дым в сторону.

— Я, Матвей, ведь и вправду зашибить его хотел. Насмерть. Думал, убью паскуду. Помнишь, тогда-то мы с тобой говорили? Так вот, было бы ружьё, я б его точно стрéлил. А как дал ему по башке-то, так страшно сделалось. Понимаешь? — Фёдор с тоской в глазах посмотрел на Матвея. — Ушёл в дом, сел на стул, а у самого руки трясутся и нутро колотит как в лихорадке. Всю ж войну, считай, прошёл, а такого не было. И ведь доводилось убивать-то там. И этого паразита, казалось, ненавидел хуже немца какого, а вот ведь как... — Он махнул рукой. — Зря я его, конечно... По-другому как-то надо было.

— Тут уж, что вышло, то вышло, сейчас не воротить. Ты только там, в милиции-то, не говори этак. Что насмерть зашибить-то хотел. Говори, что напугать думал, пострадать, да не рассчитал. Случайно, дескать, ударил-то.

— Да там-то оно там... Тут с собой-то как быть? Ведь грех какой чуть на душу не принял. На старости лет. Словно бес под руку толкнул.

— Ничего, отойдѣшь. Это сейчас пока, по первости. Да ты уж так не казись. Оно понятно, дело неприятное, но этот-то, ежели по правде рассудить, тоже виноват, он же довёл тебя, что ты за лопату схватился, так что ты не того... На это и упирай. — Матвей ободряюще кивнул. — Всяко бывает, жизнь-то она ещё не так повернуть может. А мы тебя никто не виним, так что...

Бросив под забор окуроч, Фёдор протяжно вздохнул:

— Вот такие пироги. Ладно, пойду я.

— Ну давай. Ежели чего надо будет, так зови.

А ещё через четыре дня, во вторник, к родителям на обед заехал на тракторе Андрей. С отцом они с того случая, когда сын сорвался и запил, не виделись, и Матвей, увидев в окно сына на «Беларусе», обрадовался: стало быть, обошлось тогда на работе.

— Мам, у вас пообедать можно? — спросил Андрей, входя в дом и поздоровавшись.

— Да пошто спрашиваешь-то? — Клавдия выглянула из кухоньки, где как раз доваривала суп. — Неужто нельзя? Мы-то сами с той недели постное едим, да я тебе ещё яичек на сале поджарю сейчас по-быстрому.

— А что у вас, пост какой-то опять? — Андрей скинул видавшие виды сандалии и, оставшись босиком, подсел к столу. — Как ни посмотришь, всё по́стуете.

— Ну так к Успению сейчас. Да он недолгий, ещё неделю и всё.

— Понятно... Как дела-то у вас? — весело спросил сын, глянув на отца.

— У нас-то слава богу, живы-здоровы. Вы там как? — пристально посмотрел на сына Матвей. — Как Татьяна?

Тот чуть пожал плечами:

— Да тоже нормально. Всё нор-маль-но! — произнёс, глядя в окно, размеренно и по слогам. — Без коровы-то как, привыкли?

Матвей поморщился и помотал головой — не напоминал бы лишний раз. Но Клавдия с кухни отозвалась:

— Так чего уж сейчас... Видать, так тому и бывать. У нас-то тоже годы уже не те, овечек с курами хватит.

— Ну и ладно, — Андрей снова улыбнулся, взъерошил на голове волосы. — Я чего заскочил-то ещё... Завтра, наверное, получится сено ваше привезти.

— Посреди недели, что ли? — удивился отец.

— Ну да. Там одна оказия намечается... — начал объяснять сын, но потом махнул рукой. — Ладно, не важно. В общем, я завтра как раз в те края с утра еду, ну и на обратной дороге можно было бы прихватить копны ваши. Я как раз с волокушей¹ буду. А здесь уж сами смечете помаленьку как вам надо: или в один стог, или опять по копнам раскидаете.

— Так, в стог-то нам вдвоём сметать, поди, не с руки будет. Ты б, может, помог? — Клавдия вынесла с кухни булку хлеба, нож, положила перед Матвеем. — Порежь-ка пока.

— А чего не с руки-то? — возразил старик. — Ты наверх полезешь, утаптывать, а я снизу подавать тебе буду. Первый раз, что ли? В крайнем случае, вон... Фёдора кликнем или ещё кого.

— Ну не знаю, — неуверенно проговорила старуха. — Чего-то боязно мне уже наверх-то лезть. А ну как голова закружится, грохнусь оттуда, с верхотуры-то.

— Да какая там верхотура! Стог-то небольшой будет, три копёшки всего. Это бы зарод², так другое дело. Ничего, сами управимся. Так это во сколько будет? — посмотрел на сына отец. — После обеда уж?

— Ну да, часа в три, думаю.

— То есть домой к вечеру привезём, сразу-то сметать не получится?

— Бать, ну я не знаю, — Андрей развёл руками. — Если вам только с утра надо, тогда на другой день давай.

— Да зачем, не надо. Завтра так завтра, дождя бы только не было. А то намочит, сушить придётся.

— Смотрите сами.

¹ Волокуша — примитивная бесколёсная повозка, состоящая из двух жердей, передние концы которых привязываются к трактору или лошади, а задние волочатся по земле.

² Зарод — плотно уложенная большая куча сена или соломы продолговатой формы, как правило, получаемая объединением нескольких стогов.

— А три-то копны на волокушу влезут? Большая она?

— Должны, большая. Ты туда на всякий случай пораньше подходи, часикам к двум. Если что, так обождёшь меня, а я, как освобожусь, так сразу к тебе. Двое вилок только взять не забудь.

— Ладно, давай так и сделаем, — согласно кивнул Матвей.

— Да! новость-то не слыхали? — спросил вдруг Андрей, когда Клавдия поставила перед ним тарелку с супом.

— Какую опять? — спросила мать, нахмутив брови и не ожидая ничего хорошего от всяких новостей.

— Горбач-то вроде как помер, говорят.

— Какой Горбач? — не понял Матвей.

— Ну Горбачёв! Михал Сергеич-то который! Президент наш самый главный.

— Горбачёв? — с недоверием протянул отец. — Так он же молодой ещё, чего ему помирать?

— Молодые, что ли, не мрут? — усмехнулся сын.

— Ишь ты! А мы и не слыхивали. — Старуха посмотрела на мужа. — Старик, ты радио-то не включал нынче?

Тот отрицательно помотал головой:

— Да я давно уж его не слушал.

— Вчера, говорят, по телику полдня балет крутили, озеро это лебединое. — Андрей, придерживая снизу кусочком хлеба, чтобы не капнуло, отправил ложку супа в рот. — А вечером во «Времени» сказали уже, что со здоровьем у него чего-то не того. Мам, — повернулся сын к Клавдии, — ты мне чаю налей сразу, чтоб остывал.

— Хорошо.

— Ну и вот... — Андрей, громко швыркнув, снова хлебнул супа.

— Да ты не торопись, поешь спокойно, потом расскажешь. — Мать подставила сыну небольшую сковородку с яичницей.

— Да ничё, нормально...

— А чего не того? — спросил Матвей. — Со здоровьем-то у Горбачёва.

— Да я откуда знаю... За что купил, за то и продаю. Короче, за президента Янаев сейчас, а не Горбач, вот и всё.

— Так, прямо-то не сказали, что помер он?

— Да нет, так-то не сказали, но у нас ведь всегда так — как кто померёт, так балет по телику и крутят. Что по программе было, так всё отменили. Тоже неспроста ведь. — Андрей отставил пустую тарелку из-под супа в сторону, пододвинул к себе яичницу. — А как по мне, так если и помер, то не жалко.

— Ой, господи... Да ты чего такое говоришь-то, — недовольно покосилась на сына старуха. — Разве ж можно так.

— А чего?! Понаворотил делов. Одна антиалкогольная компания эта чего стоит, все виноградники повырубали. Раису свою послушался.

— А она-то при чём?

— Ну а кто ещё? Все говорят, она ему это напела. «Перестроек» всяких понапридумывал, «ускорений», а толку? Бардак кругом, куда ни плюнь. Ещё хуже всё развалили...

— Ну не знаю... Все равно, грех так говорить. — Клавдия вытащила из буфета целлофановый мешочек с печеньем, положила на стол. — С чаем-то бери, ешь.

Когда сын уехал, Матвей дождался трёх часов и включил радио. После того как прозвучали сигналы точного времени, строгий мужской голос сказал: «Уважаемые товарищи! Повторяем заявление советского руководства. В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнение Горбачёвым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127-7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу, в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего государства, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненно-важными интересами народов нашей родины, всех советских людей, заявляем: первое — в соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя на встречу требованиям широких слоёв населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению

сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с четырех часов по московскому времени 19 августа 1991 года; второе — установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР; третье — для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР — ГКЧП СССР — в следующем составе: Бакланов, первый заместитель председателя...» Матвей выключил радио и вышел из комнаты в прихожую.

— Ну и чего там? — спросила с кухни Клавдия.

— Да никого я не понял. Понаговорил с три короба, а чегостряслось и не ясно. Кризис какой-то там, анархия, положение какое-то ещё помянул...

— Какое положение?

— Да не разобрал я! Через-, через- какое-то там.

— Так Горбачёв-то чего? Живой, помер?

— Да тоже толком не сказали. Про здоровье сказали, а чего с ним, не понятно.

А к вечеру старики и вовсе позабыли обо всём об этом, и когда подошла к их лавке Зина Сулова да завела разговор про Горбачёва, Клавдия в сердцах оборвала её:

— Дался тебе Горбачёв этот, Семёновна! Нам-то чего с них, с правителей этих? Ни горячо ни холодно.

— Ну как, интересно же.

— Плюнь да разотри, вот и весь интерес. Всё равно нас никто не спросит.

— Ну не знаю... А мне чего-то боязно стало. Я так поняла, что скovyрнули его. Дескать, довёл до ручки, ну и вот... — Зина посмотрела на соседа. — Матвей, а ты чего думаешь?

— Да чего тут думать... Хоть думай, хоть не думай, толку не будет. Ежели б помер, так, наверно, так и сказали бы. По радио сегодня наговорили, что не разберёшь, они ж никогда толком-то не скажут, всё вокруг да около ходят. Может, и правда, опять переворот какой, в магазинах-то пусто. Ни войны, ни засухи, а по талонам всё. Кому ж такое поглянется?

— Это здесь у тебя пусто, — недовольно повела плечом Клавдия, — а у них там густо, в Москве этой. — После того, как туда уехала дочь, она особенно невзлюбила столицу.

— Не знаю, проживём — увидим. Вот на рыбалку сходить бы ещё разок надо, это да... Пока погода стоит, пока дождей больших нету.

— Да брось ты уж рыбалку свою, — поморщилась супруга. — И охота же таскаться в такую даль.

— Ничего...

— Или уж Бориса дождись. Вдвоём бы и сходили тогда.

— Да он, может, ещё и не приедет вовсе. Мало ли... Вот с сеном управимся, так сбегаяю на пруд ещё разок, а то вдруг да не получится больше. Давно уж не был, месяц, почти.

Клавдия ничего не сказала, лишь помотала головой, а Зина тихонько засмеялась, глядя на своих соседей.

Глава 15

С сеном получилось, как и планировали. Андрей подъехал на покос к трём часам. Вдвоём с Матвеем они скидали копны на волокушу, подвязали бастрьком¹, который старик успел вырубить, пока ждал сына, и в седьмом часу сено привезли к Заречневым. Свалили кучей на задах огорода и оставили до завтра. Дождя не предвиделось, поэтому бояться было нечего.

Наутро Матвей с Клавдией вдвоём сметали стог. Звать в помощники никого не стали, всё сделали сами, не торопясь, с отдыхом, и к обеду управились. Устали, правда, но это ничего — себе делаешь, не кому-нибудь. А когда сено прибрано, на месте, то и на душе спокойнее — сделано дело. Да не просто дело, а вон какое! Будет скотина зимой накормлена, можно спокойно холодов дожидаться.

— Без задних ног, однако, спать сегодня буду, — сказал Матвей за обедом. — Вчера ещё пристал, там ведь тоже на руках таскали навильники-то к волокуше.

¹ Бастрык — жердь, которой стягивается на возу сено.

— Я тоже сѣдни пристала, — согласилась старуха. — Наверху-то стою, на стогу, а сама молюся: Господи, думаю, только бы голова не закружилась, вниз-то смотреть. Оно хоть и не шибко вѣсоко, а полетишь, так, в наши-то годы и этого хватит, чтоб костей потом не собрать.

Уснули старики и вправду крепко, намаялись за день. А ночью, уже ближе к утру, разбудил Матвея яростный лай Амура. Лай прорывался в сознание деда откуда-то словно издалека, постепенно. Старик сначала и не понял, что к чему, снился ему какой-то шум, да и всё, и только потом он осознал, что это лает их пёс. «Кого он там?» — подумал сквозь тяжѣлую дрѣму Матвей. Ни ногой, ни рукой пошевелить он не мог, они, казалось, влипли в кровать.

Клавдия тоже проснулась.

— Слышь, старик, ты спишь, нет? — сиплым ото сна голосом позвала она.

Матвей, хоть и услышал её, но сразу не ответил — язык не ворочался.

— Старик! — громче позвала старуха.

Матвей нехотя открыл глаза:

— Чего?

— Амур-то лает, слышишь?

— Да слышу...

— Кого он там?

— Я почѣм знаю.

— Может, сходить, глянуть?

Матвей промолчал.

— А? Может, говорю, глянуть, кого он там?

Дед вздохнул. Вставить страсть как не хотелось:

— Да кошка, поди, какая-нибудь ходит, вот и лает.

— Ну как знаешь, я-то уж сама не пойду.

Минут через пять Амур умолк и старики тут же снова уснули.

Утром Матвей отправил овец в стадо, насыпал курам в деревянное корыто два ковша комбикорма вперемешку с зерном и вышел в огород. Амур, увидев хозяина, завилял хвостом, забегал кругами.

— Ну чего, чего... Попозже тебе вынесу, рано ещё. — Старик подошёл к собаке, потрепал её по загривку. — Чего ты ночью-то сегодня надрывался, а?

Когда он зашёл за дом посмотреть пчёл, сердце у него ёкнуло. Двух крайних ульев, дальних от собаки, на месте не было, в траве торчали только колышки, на которых они стояли.

— Мать честная... — пробормотал Матвей. — Вот оно чего...

По открытой росой траве от колышков к забору, туда, где был переулок, тянулись тёмные следы двух пар ног. Подойдя к ограде, Матвей увидел, что четыре штакетины оторваны и валяются тут же.

— Ах ты, ах ты... — Старик потёр лоб, растеряно потоптался на месте, потом прикрыл дыру в заборе, приставив оторванные штакетины на место. — Это кто ж так-то, а? Ай-я-яй...

Потом вернулся к Амуру, который снова завилял хвостом, словно бы оправдываясь, но говоря при этом: «А я ведь звал тебя, хозяин, ты сам не пришёл».

— Молодец, молодец, — Матвей снова погладил пса. — Ты-то молодец, а я вот... опростоволосился, поленился встать-то. Ох-ох-ох...

Клавдия, услышав от мужа, что ночью украли два улья, всплеснула руками:

— Батюшки мои! Вот чего Амур-то лаял! Ну так и чего теперь делать, а? К участковому идти, пусть ищет.

Старик сел на свою кровать, задумался.

— Чего молчишь-то? — Клавдия тоже присела на стул в комнате.

Матвей помолчал, повздыхал, потом сказал тихо:

— Нет, старуха, никуда я, однако, не пойду.

— Пошто так?

— Не пойду и всё. Утащили и утащили, пускай. Сами ж с тобой жалуемся, что сил не стало, вот Господь и забирает лишнего.

— Да ты кого турусишь-то? Это Дочка сама отравилась, а тут-то украли ведь! Это ж совсем другое. Пусть ищут, может, и найдут.

Матвей, поморщившись, мотнул головой:

— Нет, не пойду никуда. Украли, стало быть, так тому и быть. Пусть Бог сам их наказывает, ежели надо, а я не буду по милициям бегать. Может, оно и к лучшему, два улья осталось, нам с тобой и хватит.

— Ерунду какую-то собираешь. — Клавдия, поджав губы, замолчала. Потом сказала: — И эти упрут, ежели так будешь.

— Не упрут. — Матвей встал с кровати, потом серьёзно посмотрел на жену. — Только ты это... Ты никому не говори, что пчёл-то украли.

— Почему это? — Клавдия удивлённо подняла брови.

— Не надо и всё.

— Гм... Даже Зине, что ли? И Фёдору с Раисой?

— Ни Зине, ни Фёдору. Никому.

— А Андрей приедет?

— Андрею я сам скажу.

Старуха пожала плечами:

— Ладно, как знаешь.

После завтрака старик пошёл в огород и как следует приколотил оторванные штакетины. На душе у него скребли кошки, было неприятно от произошедшего ночью. Но угнетало Матвея больше не то, что он лишился двух ульев, а осознание того, что тут вот, в их огороде, этой ночью ходил кто-то чужой. Причём, не просто чужой, а вор! Человек, пришедший украсть! И было это всего-то в паре метров от него, от Матвея. Он лежал в избе на своей кровати, а тут, за стеной, в это время два человека воровали. Даже роса ещё толком не высохла, и до сих пор видны их следы. Воровские следы.

«Как же сами-то они не боятся? — думал старик, глядя на пустые колышки от ульев. — В чужой огород залезть, чужое взять... Ночью, впотьмах. Так ведь вдвоём-то два улья далёко не утащишь, тяжёлые же они. Значит, ещё кто-то поджидал. Может, и на машине были». А он даже встать поленился, хоть собака и лаяла. И ведь специально Амуру здесь будку поставили, чтоб пчёл охранял. Ну а если бы он и встал, то что? Чего он сделает, дед старый? Могли, конечно, и просто света в окошке испугаться да убежать сразу, но могли ведь запросто и ему по голове дать, если б вышел. «Кто его знает, да и чего

теперь гадать, — размышлял Матвей, прибирая в столярку молоток с гвоздями. — Уж что случилось, то случилось».

Вернувшись из огорода, старик сел на крыльцо. Минут через десять к их калитке подошла Ленка Паутова. Увидев Матвея, помахала газетой:

— Деда Матвей, «Знамёнку» будете брать или в ящик кинуть?

— Погоди, сейчас... — Матвей встал, подошёл к ограде. — Писем-то нету?

— Нет, нету.

— А в газете чего пишут? — спросил Матвей, беря «Знамёнку».

— Да чего там... Всё про ГКЧП этот.

— Про кого? — не понял старик.

— Ну в Москве-то... заваруха была.

— А-а... понятно. Ну ладно, беги.

Вернувшись на крыльцо, Матвей прищурил глаза и, отведя руку с газетой в сторону, стал просматривать заголовки на первой странице. «Уроки путча, — пробормотал он себе под нос. — Возвращение Президента СССР. — Под заголовком была напечатана фотография Горбачёва, спускающегося по трапу самолёта. — Вот он, живёхонек».

— От Натальи-то нет ничего? — спросила Клавдия, выходя из сенок и садясь рядом с мужем.

— Пишет, однако, до сих пор Наталья, никак написать не может.

— Ой, господи, вот куда уехали... — вздохнула старуха. — В даль такую. И захочешь, так не узнаешь, как там они.

— Горбачёв-то, вот он, живой. — Старик показал Клавдии передовицу.

— Да бог с ним, с Горбачёвым этим, живой, да и ладно.

Матвей отложил «Знамёнку», и какое-то время супруги сидели молча. Потом старик вздохнул и глянул на жену:

— Однако, старуха, и вправду у нас с тобой всё нарушается. Сперва Дочка, сейчас вот пчёлы... Наверное, скоро и самим пора придёт прибираться.

— Кого собираешь-то? — Клавдия недовольно пихнула локтем мужа в бок. — Прибираться собрался. Живи, пока живётся, да не гневи Бога-то разговорами такими.

— Так, тут гнєви, не гнєви... Я уж так смотрю, всё к этому идѣт, вот и говорю.

— Ну и нечего... — Клавдия недовольно мотнула головой.

Старик, усмехнувшись, приобнял её и легонько притянул к себе:

— Эх, ты... Ладно... нечего, так нечего... Пойду тогда червей копать. Посмотрю, как погода будет, да на днях, может, на пруд ещё разок сбегаю, посижу маленько.

Старуха фыркнула и движением плеча скинула Матвееву руку:

— Сам говорит, помирать пора, а опять на рыбалку свою собрался.

— Ничѣ, ничѣ, не ворчи... — Матвей поднялся. — Где там лопата-то у нас? Возле бани, однако, стояла?

— Печку бы, может, сегодня вечером протопить, а? — крикнула вдогонку ему Клавдия. — А то ночами-то холодно уже, сыро в избе делается.

— Хорошо, протоплю дровишками, — отозвался уже из огорода старик.

Глава 16

Борис приехал, как и обещал, в последних числах августа. Бородатый как отец, загорелый, он без стука вошёл в избу, громко сказал с порога:

— Здорово живѣм! Пенсионеров принимаете?

Клавдия, которая только-только вернулась со службы из церкви, прилегла ненадолго на диван, дремала перед обедом. Услышав голос, она вздрогнула, села и, прищутив глаза, всмотрелась в гостя.

— Ой, батюшки! Борис! — Узнав сына, всплеснула руками. — Слава тебе господи, приехал! А мы уж ожидаем тебя, так и думали, что со дня на день будешь.

Старуха вышла в прихожую, мать с сыном обнялись.

— Я-то только-только пришла, прилегла отдохнуть маленько.

— А куда бегала? В магазин, что ли? — Борис снял куртку, повесил на вешалку.

— Да нет, в церкву ходила.

— В церковь? Так, сегодня же среда, чего ты там?

— Ну так праздник же, Успение Богородицы, вот и служба была.

— А-а... понятно. — Борис сел к столу. — Ну как вы тут? Рассказывай. Все живы-здоровы?

— Да слава богу, живы все. — Мать тоже села на стул. — Уж про здоровье-то говорить нечего, какое там здоровье в наши годы.

— Отец-то где? В огороде?

— Да ну... — Клавдия махнула рукой. — На рыбалку сегодня ушёл.

— Ходит всё? — сын широко улыбнулся.

— Да ходит, не сидится ему дома-то. Уж говорю, бросай ты рыбалку эту, так нет... Иной раз никого и не поймает, но всё равно — у воды, говорит, хоть побыл.

— А куда он ушёл-то?

— Да на пруд.

— На наш, на Звонихинский?

— Ну да. На днях с сеном-то управились, вот и собрался. Пока лето, говорит, не кончилось, схожу ещё разок.

— Понятно. — Борис, прищуриив глаза, выглядывал кого-то в окно. — Эх, сто лет уж не был! Соскучился! — Он снова широко улыбнулся, показав два ряда крепких белых зубов. — А с сеном-то чего? Корова-то как ваша? Поправилась? Я письмо получил, да писать уж не стал ничего, не знаю, как их лечат от отравлений этих.

Клавдия жалостливо скривила губы:

— Нет, Боренька, не поправилась, забили мы её.

— Да ты что? Так и не оклемалась? — сын сочувственно посмотрел на мать.

— Не оклемалась. Больше недели за ей ходили, надеялась я всё... Вроде и получше ей одно время стало, а потом хуже, хуже, ну и вот... Так что, без коровки мы сейчас.

— Ясно... Кто у вас остался-то?

— Овечек трое да куры.

— Ну и хватит вам! Молока купить можно у кого-нибудь. Соседи-то держат?

— Да держат... — Мать тяжело вздохнула. — Конечно, сами-то уж другую заводить не будем сейчас.

— Понятно...

— Так ить и пчёл меньше стало. Украла у нас два улья-то.

— Как украла? — удивлённо поднял брови сын.

— Так вот... залезли в огород и утащили. Вот, на днях совсем.

— Ну дела... — Борис покачал головой. — А Андрюха как? Помогает хоть?

— Да ничего, слава богу, помогает. Вот сено привёз. Три копны мы нынче поставили.

— Он где сейчас?

— Андрей-то? В совхозе, на тракторе робит.

— Понятно... — протянул сын. — Я там гостинцы вам кое-какие привёз, в сенках сумки бросил.

— Ой, да на что уж нам? Тяжесть лишнюю тащить...

— Ничё, ничё... Там тебе сапоги демисезонные да платок, а отцу брюки, ну и так, по мелочи кое-чего.

— Ой, ой... — заойкала старуха. — Куда нам уж, и так помирать скоро, деньги только зря тратить.

— Мам, я это... я с дороги-то голодный. — Борис похлопал себя по животу. — Хотел на вокзале перекусить, да буфет закрытый был. Вы когда вообще обедаете? Отца подождём или дашь мне чего-нибудь пожевать?

— Ой, господи... — Клавдия всплеснула руками, встала со стула. — Я-то без ума совсем, сижучу... Нет, чтоб самой спросить... Отца-то чего ждать, он неизвестно, когда ещё придёт. Сейчас соберу тебе, да поешь.

— Так и ты со мной садись.

— Ну и я маленько поем с тобой за компанию.

После обеда, во время которого в основном сын рассказывал о своей жизни, Клавдия вспомнила про дочь.

— Наталья-то не писала тебе? — спросила она сына, протирая тряпкой клеёнку.

— Наталья? Да нет, не писала. Вообще от них давно уж ничего не было, с полгода, как не больше. А чего?

— Так ить в Москву они уехали. Жить, насовсем.

— Куда? — Борис раскрыл от удивления глаза. — В Москву?

— Ну... — Старуха с обиженной гримасой склонила голову набок. — Однако уж месяц или около того.

— Вот дела, — протянул сын. — А чего они туда? Кого делать-то?

Мать недовольно махнула рукой:

— Да ну их! Ведь и уехали-то, толком не попрощались даже. Письмо только написала и всё. Валерик-то, младший её, около месяца всего побыл, и забрали его. Я так думаю, это Юрий всё сбаламутил, мужик-то её новый. Шибко уж важный какой-то. Она сказывала, работу там ему посулили.

И Клавдия рассказала во всех подробностях, как приезжала дочь с мужем да сыном в июне, как потом зять забрал внука, и что в письме написала Наталья. Даже вытащила конверт из комода, протянула Борису:

— На вот, сам почитай, чего пишет.

— Да ладно, мам, потом, — сын махнул рукой. — Пошли лучше на свежий воздух.

Вышли на улицу, сели на крылечко.

— Отца-то чего долго нету? — Борис посмотрел на часы. — Полпятого уже. Он всегда допоздна на рыбалке сидит?

— Да нет, обычно раньше приходит. Может, клюёт у него сегодня или встретил кого. Не знаю, чего он там высидивает.

— Пойду я, наверное, встречу его.

— Да зачем бегать-то, ноги топтать? Придёт, поди, скоро уж, никуда не денется. А то разминетесь ещё.

— Ничего, схожу. Прогуляюсь по родным местам. А то, может, рыбу утащить не может, так, помогу, — усмехнулся сын. — Переоденусь вот только.

Сменив одежду, Борис пошёл на Звонихинский пруд. Настроение у него было хорошее. Выйдя на пенсию две недели назад, он чувствовал себя ещё полным сил и строил большие планы на будущее, в которых был и возможный переезд в Рубаново. Хоть и прожил он, считай, полжизни вдали от родины и гостем у родителей был не таким уж частым, но душа его была здесь, и тянуло его некая сила сюда, обратно к своим корням. И, что немаловажно, жена — тоже, кстати, родом из этих краёв — была не против, а дети у них давно уже

выросли, жили самостоятельной жизнью и успели обзавестись собственным потомством.

Хотел Борис по примеру отца заняться пчёлами. Серьёзно заняться. Не три-четыре улья держать, а завести большую хорошую пасеку семей на тридцать, а то и сорок. И местные условия этому способствовали в большей степени, чем там, где он жил сейчас. С рыбалкой тут, правда, дело обстояло похуже, но это не главное, к рыбалке в последние годы он стал относиться спокойнее.

Так что, шагал сейчас Борис к Звонихинскому пруду и смотрел на всё вокруг себя хозяйским глазом, словно бы примериваясь уже, прикидывая, как получше можно будет тут обустроиться.

Войдя в березник, он остановился и с удовольствием осмотрелся. Таких березников, какие были вокруг Рубаново, он за всю свою жизнь больше нигде не встречал — светлые, просторные, без высокой густой травы, почти без подлеска, они радовали глаз своей лёгкостью, воздушностью, приветливостью. Ему вдруг пришла в голову мысль, что вот многое, конечно, изменилось в Рубаново со времён его детства, но берёзы-то стоят всё те же, что и тогда. И что вот мимо именно этих самых берёз он когда-то и бегал с удочкой на Звониху, тогда, когда и пруда-то ещё не было. Не новые же выросли, те самые они и есть... Вон какие вымахали! Может, и пониже тогда были деревья, но сейчас ему казалось, что березник вовсе не изменился. Похлопав ладонью высокую, толстую, с гладкой белой берестой, берёзу, он задрал голову и спросил: «Ну что, помнишь меня, а? Не против, ежели мы к вам сюда на жительство переберёмся?», потом тихонько засмеялся и пошёл дальше.

Взобрался на косогор, откуда его взору открылось озеро, сверкающее сквозь листву солнечными бликами. «Где там отцово место?» — подумал он, спускаясь к воде. Выйдя на берег, Борис пошёл вдоль него в сторону дамбы. Вот, кажется, и та самая полянка. Да, точно она: рюкзак на траве лежит, на рогульках две удочки, в которых сын признал те самые, которые когда-то подарил отцу. Рыбацким глазом глянул на поплавки — один стоял ровно, а второго не было. «Ну-ка, ну-ка», — беря удочку, подумал Борис. Дёрнув, он понял, что

поплавок завяз где-то в траве, аккуратно потянул на себя и почувствовал на той стороне сопротивление: «Ох, ё-моё!» Борис вывел рыбу на чистое место и осторожно подтащил к берегу. «Хороший! — подумал он, доставая из воды довольно крупного карася. — А отец-то где? Тоже мне, рыбак называется. Бросил снасти и ушёл. Кто ж так делает...» Найдя под кустом тальника садок, в котором уже было с десяток рыбёшек, он положил туда карася, ополоснул руки и пошёл по берегу дальше.

Метров через десять Борис увидел отца. Матвей лежал на боку, подогнув под себя ноги и уткнувшись лицом в траву. Правой рукой он держался за грудь, левая была неловко отведена в сторону. Рядом валялась полная пустых консервных банок и бутылок большая тряпочная сумка, которую Борис отшвырнул ногой в сторону, в кусты.

На третий день отец Евгений по всем христианским канонам отпел в церкви новопреставленного раба Божия Матвея и на деревенском кладбище стало на одну могилу больше. Над ней возвышался лишь деревянный православный восьмиконечный крест, и никаких венков, никаких бумажных цветов: Клавдия сказала, что старик не любил этого. А вот куда написать о смерти отца Наталье, так и не знали, письма из Москвы от дочери по сию пору не было.

Жёлтой листвы на берёзах и тополях с каждым днём становилось всё больше, по берегам Звонихи яркими пятнами краснели гроздья зреющей калины, а в огородах, понуро повесив тяжёлые головы, рядами стояли зрелые подсолнухи. И хотя заморозков ещё не было, но утрами то над одной, то над другой избой уже поднимался, быстро тая в небе, печной дымок.

Так и закончилось это лето.

РАССКАЗЫ

Зиночка

Гремя подвеской и завывая мотором, выдавший виды ПАЗик еле-еле полз по раскисшей грунтовке. Перед большими лужами водитель разогнался и со всего маха нырнул в мутную воду. Из-под колёс грязным салютом взлетали брызги, стекавшие потом по стёклам серыми разводами.

— Может, зря сегодня поехали? — озабоченно вздохнув, спросила довольно молодая ещё на вид женщина сидевшего рядом мужа.

— Ну а когда ещё выходные три дня подряд будут? — возразил тот.

В этом году два дня первомайских праздников выпадали на пятницу и субботу, следом, как водится, шло воскресенье, вот и получалось целых три дня выходных кряду. И семья Ругловых — муж Фёдор, его жена Анна и их дочка Зиночка — решила съездить в деревню Жубаново, попроведать Фёдорову родню. Предложил поездку, конечно же, Фёдор, Анна возражать не стала, ну а семилетнюю Зиночку никто и не спрашивал. Сейчас она стояла впереди салона, держась одной рукой за висевший позади шофёра огнетушитель, а другой опиралась на пыльный, обшитый красным кожзаменителем горячий кожух двигателя и смотрела на дорогу.

Зиночка не любила ездить на машинах, какими бы они ни были — хоть легковые, хоть автобусы. Её в них укачивало и сильно тошнило. Единственным спасением было сидеть где-нибудь впереди и смотреть на дорогу, тогда мутило меньше. Но поскольку сейчас в ПАЗике свободных мест впереди не нашлось, Зиночка стояла позади водителя и грустными глазами смотрела в лобовое стекло.

По одну сторону дороги рос березник, по другую до самого горизонта раскинулись поля: чёрная зябь, переме-

жавшаяся невспаханными полосами с жёлто-серым ёжиком прошлогодней стерни. Берёзы стояли ещё голые, а земля под ними была сплошь устлана палой листвой. Лишь на изредка попадавшихся вербных кустах весело качались на ветру жёлтые лохматые серёжки. Однако Зиночку эти приметы пришедшей весны совсем не радовали. Несколько раз на неё накатывал такой приступ тошноты, что она уже хватала рукой целлофановый мешочек, «на всякий случай» лежавший в кармане её драпового пальтишка. Однако, поморщившись и отдышавшись, она оставляла мешочек на месте и изо всех сил крепилась дальше.

«Скорей бы уже приехали», — думала девочка, с трудом удерживаясь на ногах, когда автобус особенно сильно кренился на бок, проезжая очередную лужу.

Вскоре дорога свернула от леса в сторону и дальше пошла уже только по полям. Анна, сидевшая с мужем в середине салона, с тревогой следила за дочерью, которая, хоть и беспрестанно болталась из стороны в сторону, продолжала стоять на тоненьких, но упругих словно пружинки, ногах.

Остановившись перед очередной лужей, водитель взял лежавшие на панели под лобовым стеклом спички, пачку папирос, закурил и вышел из автобуса. Подойдя к луже, он внимательно посмотрел на неё, что-то прикидывая в уме, повертел головой по сторонам, швырнул в грязную воду окурков и вернулся на место.

— Ну, держись крепче! — шофёр подмигнул Зиночке и, пару раз газанув, включил передачу. Скрежетнув шестернями, автобус пошёл на разгон.

Влетев на полном ходу в лужу, машина вдруг ухнула левым передним колесом куда-то вниз, затем скаканула вверх, проехала по инерции ещё пару метров и встала. Двигатель заглох.

Зиночка от таких кульбитов даже подпрыгнула в воздух, но, крепче ухватившись за огнетушитель, вновь удержалась на ногах. Сидевшие пассажиры тоже подскочили на своих местах, хватаясь кто за головные уборы, кто за сумки, стоявшие в проходе.

— Ох, ё... — ругнулся водитель, уткнувшись грудью в левое колесо.

Он снова завёл мотор и попробовал тронуться, однако автобус даже не двинулся с места, лишь из-под задних колёс полетели комья грязи. Орудя рычагом коробки передач, водитель тщетно пытался раскачать технику вперёд-назад.

Опустив стекло своей двери, шофёр выглянул наружу и досадливо покачал головой: левой стороной автобус сидел в глубокой луже так, что колёс почти не было видно.

— Всё, приехали! — громко сказал он. Дверь салона с шипением открылась. — Дальше на своих двоих.

— Как это? — не понял мужчина, сидевший позади Зиночкиных родителей.

— Как-как... С песнями, с шутками, как на демонстрации! Первое мая, всё-таки. — Водитель выглянул в салон и невесело усмехнулся. — Всё, говорю, зарюхались по самое не хочу. Конечная!

Пассажиры стали подниматься с мест.

— Да тут ерунда осталось, — попытался подбодрить их шофёр. — Вон оно, Жубаново, видать уже, — он мотнул головой в сторону уходящей вдаль дороги.

— Да видать-то видать, так грязища какая, — проворчала какая-то тётка. — Кабы знать, так сапоги бы обула, а я в туфлях только.

— Ну чего сейчас поделаешь, — пожал плечами другой пассажир. — Кто виноват, что дороги у нас такие.

— Ничё, ничё... — снова усмехнулся водитель. — Все вместе пойдём: вы по домам, я за трактором.

Один за другим пассажиры осторожно покидали автобус. У всех были озабоченные хмурые лица, и лишь только Зиночка была счастлива, что наконец-то закончилась эта выматывающая душу тряска. Перспектива идти дальше пешком её совсем не пугала.

По серому небу быстро плыли подгоняемые утренним ветром тёмные, лохматые, словно грубо оборванные по краям, облака.

Выйдя из автобуса на дорогу, Фёдор расправил плечи и подмигнул дочери:

— А и ладно, пешком дотопаем, прогуляемся. Правда же?

До Жубаново действительно оставалось немного, километра два от силы. Над крайними домами, видневшимися

вдалеке, поднимались столбики дыма, а порывы ветра даже доносили оттуда собачье перегавкание вперемешку с музыкой.

— Давай-ка, доча, я тебя лучше на шею посажу. — Фёдор поднял Зиночку и водрузил её себе на плечи. — Так-то оно лучше будет.

Придерживая одной рукой ноги девочки, второй он подхватил сумку с гостинцами.

— Федь, давай я сумку понесу, — предложила Анна, — а то тяжело тебе будет.

— Ничего, — отмахнулся муж, — своя ноша не тянет.

И вместе с остальными пассажирами они зашагали по раскисшей дороге, стараясь выбирать места посуше и почище. Водитель, выбравшись через салон наружу, закрыл автобусную дверь и двинулся следом.

— Вот кабы часика на два пораньше, пока ещё подстывшее было, — пробормотал он, — так бегом бы тут добежали.

— Тогда, поди, и не застряли бы, — ответил кто-то.

— Может быть...

Примерно через час длинной растянувшейся колонной дошли до Жубаново. Деревянные столбы линии электропередачи вдоль главной улицы были украшены красными флагами, а со стороны центра раздавалась бравурная музыка маршей и чёткие голоса дикторов: «Да здравствует Первое Мая — День международной солидарности трудящихся!», следом слышалось далёкое многоголосое «Ура-а!!», и торжественный голос продолжал: «Братский привет народам Африки, борющимся против империализма, колониализма и расизма за укрепление политической и экономической независимости!» — по радио транслировали праздничную демонстрацию в Москве.

Последний раз на родине мужа Ругловы были полгода назад, когда приезжали на шестидесятилетие Фёдорова отца. Кроме него здесь жили родные брат и сестра Фёдора, дядьки-тётки, двоюродные братья-сёстры и прочие более дальние родичи. Всего родни — близкой и дальней — было порядочно, остановиться было у кого, но Ругловы всегда гостили у мужниной сестры Натальи. Однако сейчас, дойдя до деревни,

Фёдор с женой сразу свернули на крайнюю улицу, где жил брат Фёдора Егор.

— Пап, а мы куда? — удивлённо протянула Зиночка.

— К дяде Егору. Забыла, что ли, где они живут?

— А почему не к тётке Наташе? — спросила дочь.

— К тётке Наташе мы нынче не пойдём, у них совсем тесно стало. Ты же знаешь, что у них после Нового года дочка ещё родилась, так что их там уже пять человек, а с нами все восемь получится. Где ж мы все поместимся? Да и вообще... Там лялька маленькая, пелёнки-распашонки, не до нас. А у дяди Егора самое то будет.

Зиночка недовольно скривила губы. В последнее время она очень не любила даже просто бывать в гостях у дяди Егора, а тут ещё родители собирались у них остановиться. Впрочем, ни дядя Егор, ни его жена тётя Оля были тут ни при чём, Зиночке они как раз очень даже нравились, но вот их сын Иван...

Был он всего-то на полтора года старше Зиночки, и раньше между двоюродными братом и сестрой складывались вполне себе нормальные отношения, но, как только два года назад Иван пошёл в школу, его словно подменили. На Зиночку он стал глядеть свысока, постоянно задирал нос и пытался всячески подчеркнуть своё над ней превосходство. Поэтому меньше всего в Жубаново девочка хотела видеть именно Ивана. Впрочем, для взрослых все эти перемены в отношениях детей остались незамеченными.

«Уж лучше у тётки Наташи. Хоть и ввосьмером», — думала Зиночка сейчас, наморщив носик и взирая с плеч отца на пустынную деревенскую улицу.

— Пап, ну, может, к тётке Наташе пойдём, а? — попыталась уговорить отца дочь.

— Так, всё, хватит об этом! И давай-ка ты, знаешь что, давай-ка ты дальше сама топай, а то ты мне уже всю шею отсидела. — Отец остановился, снял девочку с плеч, и все втроём пошли дальше, стараясь обходить грязь и лужи.

Вскоре подошли к рубленому дому с четырёхскатной, крытой шифером, крышей.

— Дома они, нет? — пробормотал Фёдор, подходя к калитке.

— Дома, поди, рано же ещё, — предположила Анна.

— Да мало ли... Может, на митинг ушли. — Муж кивнул на двор: — Смотри, чего они тут нагородили. Сени новые, что ли, пристраивают.

Во дворе ярко белела свежими сосновыми брёвнами трёхстенная пристройка к дому. На земле повсюду валялись такие же изжелта белые щепки, витая стружка, и стоял лёгкий приятный запах смолы. Крыши и крыльца у пристройки ещё не было, но дверь уже была на месте — тоже сосновая, крепкая, сделанная из толстых плах. Вместо крыльца стояли две берёзовые чурки, служившие ступенями. Над крышей дома возвышался длинный шест с непонятной конструкцией из толстой проволоки на самом верху.

— А это чего там у них? — Фёдор задрал голову. — Антенна какая-то, что ли? — Толкнув дверь, он заглянул внутрь. — И пол уже настлал. Ну брательник даёт, когда успел только...

В это время дверь из дома распахнулась, и оттуда быстро вышел Егор. Увидев стоящих в дверях брата с семейством, он на мгновение опешил, но потом широко улыбнулся и хлопнул себя по ляжкам:

— Хо! Какие люди! — Обернувшись, крикнул: — Ольга, выходи гостей встречать!

— Кто там? — послышался из избы женский голос.

Вытирая мокрые руки о передник, вышла жена Егора Ольга и сразу же заулыбалась:

— О-о! Милости просим, гости дорогие. Вчера только вас вспоминали, прям, как чувствовали.

И как-то все разом заговорили, зашумели, а Зиночка встала чуть в стороне и смотрела, как взрослые обнимаются, целуются и весело похлопывают друг друга по плечам.

— А мы идём, думаем, дома вы или нет, а то мало ли... — Фёдор радостно улыбался, глядя на брата со снохой.

— Да куда мы денемся! Дома сидим... Видишь вот, сенки новые решил пристроить. — Егор повёл руками по сторонам. — Побольше, попросторней чтоб было. Пол пока черновой кинул, а до потолка с крышей ещё руки не дошли. Как раз хотел на выходных заняться.

В недостроенных снях тоже повсюду валялась стружка, опилки, лежал кое-какой инструмент, в дальнем углу стояла прислонённая к стене лестница.

— А на крыше-то чего там у тебя? Палка какая-то торчит.

Егор широко улыбнулся:

— Антенна. Телевизионная.

— Телевизор купили?

— Ну-у... — продолжая улыбаться, протянул хозяин. — Две недели назад взяли. «Рубин». Вон, Ванька сидит, парад смотрит.

— Ну вы даёте... — изумлённо покачал головой Фёдор. — Мы в городе без телевизора живём, а они тут, в деревне...

— Так мы вам, может, помешали? Может, и правда, к Наталье лучше, а, Федь? — спросила Анна. — А то, вон, людям строиться надо, а тут мы с гостями со своими.

— Ань, да ты чего говоришь-то?! — взмахнул руками Егор. — Скажет тоже, помешали они... Успеем, доделаем, никуда не денется.

— Митинга-то у вас нынче не было, что ли? — поинтересовался Фёдор.

— Да почему не было... Будет ещё. В двенадцать у нас нынче, — пояснил брат. — Решили дать народу выспаться хорошенько, с делами управиться. И мы собирались сходить, да ещё больше часа, так что успеем.

— А где будет? В центре, как обычно?

— Ну а где ещё? На агитплощадке. Хотите, так вместе пойдём. Там недолго, на часик от силы.

— А чего, пойдём, а? Анюта? — Фёдор глянул на жену. — Там же, поди, все наши будут, заодно и повидаемся.

Жена пожала плечами:

— Да мне всё равно. Хочешь, так давай сходим.

— Вы-то сами как тут вообще? Как Наталья, как отец? — спросил Фёдор.

Их с Егором отец остался год назад после смерти супруги вдовцом. И сын, и дочь — оба звали его жить к себе, но тот пока отказывался.

— Да ничего, нормально. Наташка третьего родила, так вы знаете, поди... А батя копошится потихоньку, мне вот помогает. — Егор снова кивнул на новые стены.

— Плотничает?

— Пло-отничает, — протянул Егор. — Совхоз ему тут рамы новые заказал для яслей.

Ольга, словно опомнившись, взмахнула рукой, приглашая гостей пройти в избу:

— Так давайте в дом-то проходите, а то встали тут, стоим... Вы голодные, поди? Мы-то сами недавно совсем позавтракали. — Взгляд её упал на Зиночку. — Зинуля, а ты чего как неродная у стеночки стоишь? Иди, вон, к Ивану, телевизор вместе посмотрите, поиграете во что-нибудь...

Шумно вошли в дом, стали раздеваться. В избе было тепло, хорошо и очень уютно. Фёдор в коридоре стал вынимать из сумки гостинцы и вручать хозяевам.

— Ты хоть прошёл бы, что ли. А то, прям, у порога... — подтолкнула его в бок Анна.

— Да ну, чего церемонии разводить? — поморщился муж

Зиночка молча сняла пальтишко, повесила его на гвоздь, вбитый у двери пониже, специально для детской одежды, разулась и прошла в большую комнату. Иван сидел на диване и смотрел телевизор. На экране стройными рядами шли, чеканя шаг, солдаты, ехали танки, машины с прицепленными к ним пушками...

— Здравствуй, — негромко сказала Зиночка, остановившись в нескольких шагах от брата.

Мальчик мельком бросил на неё взгляд и, ничего не ответив, снова уставился в телевизор. Девочка подошла к стулу, стоящему у окна, и села на него.

— Здравствуй! — повторила она громче, прямо посмотрев на Ивана.

Тот недовольно повернул к ней голову:

— Ну чего орёшь, не видишь, телевизор смотрю?

— Я не ору, я с тобой здороваюсь, а ты не отвечаешь, — ответила Зиночка.

Иван хмыкнул:

— Хм... подумаешь, — и снова повернулся к экрану.

Зиночка тоже хмыкнула и стала смотреть в окно. На улице заморосил дождик, и мелкие капельки зашлёпали по стеклу, оставляя на нём мокрые пятнышки.

Скоро Зину позвали пить чай. Она не была голодна, но сидеть в зале было неинтересно, поэтому согласилась. А минут через десять взрослые засобирались на митинг. Зиночка, думая, что пойдут все, проворно выскочила из-за стола и побежала в коридор одеваться, но отец остановил её:

— Не-не, доча, вы с Ваней дома остаётесь.

— Па-ап, — протянула девочка, просительно заглядывая отцу в глаза, — ну пожалуйста, я тоже хочу...

— Зинуля, — вмешалась в разговор Ольга, — тебе там неинтересно будет. Там только взрослые дяди и тётки придут, а на улице, вон, видишь... дождик пошёл, так что вы с Ваней дома нас подождите, а мы часика через полтора вернёмся, обедать будем...

— Да он несильный... — имея в виду дождик, попробовала Зиночка уговорить родителей, но те были непреклонны.

Ольга, надевая сапоги, позвала сына:

— Ваня!

Мальчик, всё это время по-прежнему сидевший перед телевизором, вышел в коридор.

— Ваня, мы на митинг пошли, а вы с Зиной домовничать остаётесь. Мы вас на всякий случай закроем, ту, наружную дверь, чтоб никто к вам не зашёл, а вы поиграйте пока во что-нибудь. Телевизор выключай и книжки какие-нибудь Зине покажи, конструктор, который на Новый год тебе подарили.

Взрослые собрались и вышли. Ваня выключил телевизор, и в доме сразу сделалось тихо. Зиночка подошла к двоюродному брату:

— Ну что, покажешь свои книжки?

Тот усмехнулся:

— А чего их тебе показывать? Ты и читать-то не умеешь.

— Умею, — нахмурившись ответила Зиночка. — Я в этом году уже в школу пойду, вот так вот!

— Умеет она... Всё равно ничего не поймёшь.

— Почему это не пойму?

— Да потому что ты девчонка и малявка ещё.

Зиночка протестующе дёрнула плечом:

— Сам ты малявка!

Ваня снова усмехнулся и склонил голову набок.

— Подумаешь... — протянул он и пошёл в свою комнату. Перед дверью обернулся: — Ладно, иди, конструктор покажу.

Конструктор представлял собой набор разных по форме и размеру металлических деталей, каких-то винтиков с гаечками, было в нём ещё несколько колёсиков, крючочков, маленькая отвертка и ключик под тип гаечного.

— Вот... — гордо произнёс Иван, садясь на пол возле коробки с конструктором. — Тут можно много-много чего собирать: машинки всякие, краны и даже самолёт. Я собирал уже.

Комната у Ивана была маленькая, у одной стены стояла кровать, у другой, напротив — шкаф, а у окна письменный стол, поэтому свободного места почти не оставалось. Зиночка подошла к брату с одной стороны, потом с другой, но сестра на пол рядом с ним было некуда, и она осталась стоять. Конструктор был явно для мальчиков, поэтому он её не особо впечатлил, но Зиночка всё равно сделала заинтересованное лицо и вежливо кивнула:

— Да, здорово.

Нагнувшись, она взяла одну детальку.

— Не трогай ничего! — вдруг сердито крикнул Ваня и быстро выхватил детальку из руки девочки. — Потеряешь ещё, ищи потом.

— Ничего я не потеряю, чего ты... — растерялась Зиночка.

— Ага... не потеряешь... — Мальчик, не глядя на сестру, принялся крепить к металлической пластине колесо.

Девочка обиженно смотрела на брата. Наконец она попросила:

— Ну дай мне тогда какую-нибудь книжку посмотреть.

Ваня молчал и только сосредоточенно сопел.

— Ну тебе что, жалко, что ли? — с напором сказала сестра.

Брат сердито посмотрел на неё снизу-вверх:

— Да отвяжись ты! Навязали тебя на мою голову.

Зиночка топнула ногой.

— Это тебя на мою голову навязали! Я и не хотела к вам сюда идти, хотела к тётке Наташе, потому что ты вечно нос задираешь!

Мальчик вскочил на ноги:

— Ну и топай к своей тётке Наташе! Нужна ты мне больно! Тоже мне...

— Ну и потопаю! Книжку пожалел! — Зиночка выбежала в коридор.

Брат вышел следом и прислонился к дверному косяку:

— И куда собралась? Всё равно там закрыто.

Девочка, подскочившая было к двери, в нерешительности остановилась и, прищурив глаза, посмотрела на Ивана:

— А что, изнутри не открывается?

— Иди, попробуй, — ухмыльнулся тот.

— Ну и попробую!

Накинув пальтишко и сунув ноги в сапожки, Зиночка вышла из дома, но не успела она оказаться в сенях, как дверь за ней громко захлопнулась, а из-за неё послышался торжествующий крик брата:

— Ха-ха! Вот и сиди там сейчас! Малявка!

Зиночка дёрнула за ручку, но дверь оказалась запертой.

— Открой! — крикнула она. — Открой! — Девочка стукнула пару раз кулачком в дверь, даже пнула её ногой, но никто уже не ответил.

В недостроенных сенях было довольно холодно, с неба беспрестанно моросил мелкий дождик, отчего доски пола сделались склизкими. И Зиночка, стоя среди этих голых бревчатых стен, вдруг почувствовала себя ужасно одиноко. Мама с папой были где-то далеко и ничем не могли ей помочь.

На всякий случай девочка толкнула входную дверь. Заперто. Зиночка снова стукнула кулачком в дверь дома:

— Ваня, ну открой, здесь холодно!

Брат не отозвался. «Чего я ему сделала?» — с обидой подумала девочка. Её взгляд упал на лестницу, стоящую в углу и упиравшуюся в верхнее бревно стены; что было там, снаружи — неизвестно. Подойдя ближе, Зиночка застегнула пальто на все пуговицы, накинула капюшон (шапку она, выйдя в сенки, не надела) и, задрав голову, стала медленно взбираться по лестнице. Встав на последнюю ступеньку, она осторожно выглянула на улицу: с той стороны прямо под стеной стояла небольшая лавка. Зиночка подумала, что можно было бы попробовать прыгнуть на неё. Правда, было довольно высоко,

но находиться одной в пустых сенках ей очень и очень не хотелось.

По-прежнему стоя на лестнице, она легла животом на верхнее бревно и, затаив дыхание, осторожно развернулась на нём ногами наружу. Бревно было скользким от дождя, и девочка в какой-то момент испугалась, что может сорваться. Однако пальто, к счастью, не скользило, и Зиночка, опустив ноги, свесилась ниже, ещё ниже и наконец, разжав руки, полетела вниз на лавку. Устоять на ногах у неё не получилось, и она упала на землю, больно при этом ударившись об угол лавки локтем.

Сморщившись, девочка поднялась, потёрла ушибленную руку, стряхнула с ладоней прилипший к ним мусор и поправила сбившееся пальтишко.

Снаружи по-прежнему дул холодный ветер. Если бы погода была хорошей, Зиночка точно отправилась бы к тётке Наташе, но не сейчас. Осмотревшись, девочка подошла к бане, но та тоже была закрыта на замок, тогда она направилась за дом, в надежде, что там ветра будет меньше. Свернув за угол, Зиночка подошла к ближнему окну, сложила ладонки кольцом и всмотрелась внутрь. Это была кухня, где каких-то полчаса назад они пили чай. За столом боком к окну сидел Иван и ел кусок хлеба, на который было намазано малиновое варенье. Он был так увлечён этим делом, что даже не заметил, что в окно кто-то смотрит.

Вид брата, поедающего бутерброд, неприятно поразил Зиночку. Она чуть не задохнулась от возмущения. «Меня в сенках запер, а сам сидит тут варенье лопают!» — подумала она и сердито стукнула по стеклу кулачком.

Иван вздрогнул и испуганно посмотрел в окно. Когда он увидел сестру, на его лице сначала отразилось изумление, — откуда она там взялась? — которое, впрочем, быстро сменилось на привычную насмешливость.

Положив бутерброд на стол, мальчик подошёл к окну, что-то сказал и зачем-то показал сестре фигу. Сказанное братом Зиночка не разобрала, но всё равно плотно сжала губы. А Иван оттянул в стороны уши и принялся корчить рожи, всячески кривляясь и показывая красный от варенья язык.

Девочка молча смотрела на него, но в какой-то момент, сжав кулачок, погрозила брату. Тот криво ухмыльнулся, подошёл вплотную к окну и сплющил о стекло нос и губы, потом что-то произнёс. Видя, что сестра его не слышит, он медленно и тщательно артикулируя произнёс слово. И Зиночка по его губам поняла: «Ма-ляв-ка». Не помня себя от нахлынувшей обиды, она выкрикнула: «Сам такой!», быстро оглянулась, схватила с земли небольшой деревянный чурбачок, валявшийся в грязи, и со всей силы запустила им в Ивана.

Раздался звон разбитого стекла, и на землю полетели осколки. Мальчик испуганно отпрянул назад, а Зиночка замерла на месте. Иван растерянно и как-то недоумённо посмотрел на сестру, потом, пятясь задом и ничего не говоря, вышел из кухни. «Ой, мамочки, что сейчас будет...» — подумала девочка, глядя на лежащие на земле кусочки стекла, в которых отражалось затянутое облаками небо.

Окно было двустворчатое, и разбилась одна его створка, другая осталась цела. Вторую раму после зимы уже убрали, и Зиночка, подойдя ближе, заглянула в дом прямо в образовавшуюся дыру: на кухне никого не было, надкусанный бутерброд с вареньем по-прежнему лежал на столе, а на подоконнике блестело несколько стеклянных осколков. Девочка невольно поёжилась, но уже не от ветра.

В дверной проём из коридора на кухню осторожно выглянул Иван. Увидев сестру, он покачал головой и тихонько сказал: «Ну ты даёшь». Вспомнив, как тот строил ей рожи, Зиночка отвернулась и, ничего не ответив, пошла прочь. Подойдя к входной двери, она тяжело вздохнула и села на берёзовый чурбак — ждать, когда придут взрослые.

Зиночкины родители и дядя Егор с тётей Олей — веселые, шумные — пришли минут через тридцать. Дождь к этому времени перестал. Фёдор, первым увидевший дочь, сидящую под дверью, удивлённо воскликнул:

— Зина? А как она тут?..

Войдя во двор, все обступили девочку и принялись хором расспрашивать, каким образом она тут очутилась.

— А чего ты такая грязная? В опилках вся... — спрашивала мать, отряхивая мусор с Зиначкиного пальто. — Ты что, по земле ползала?

Но та молчала и нахмурившись лишь глядела себе под ноги.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Егор, отпирая замок. — Закрыто же всё.

Ольга, сходявшая меж тем в огород, выглянула из-за угла дома и позвала мужа:

— Егор, иди-ка сюда, глянь...

Сходяв за дом, Егор в свою очередь позвал брата с невесткой.

— Вот ничего себе... — Фёдор, растерянно сдвинул на затылок кепку.

Услышав на улице взрослые голоса, в кухню прибежал Иван и сходу закричал:

— Пап! Мам! Это она окно разбила, Зинка эта!

— А как она вообще на улице оказалась? — спросил Егор, строго глядя на сына.

Тот умолк и насупился:

— Она это... Она сама ушла.

— Как это она могла уйти, если дом снаружи на замок закрыт?

Мальчик опустил голову и умолк.

— Чего замолчал, а? Ну ничего, сейчас разберёмся, — Егор недовольно кивнул и пошёл в дом.

Однако выяснить, почему окно оказалось разбито и что тут вообще произошло, у взрослых так и не получилось.

— Это она виновата, это она разбила, — опустив голову, угрюмо повторял Иван.

— А я тебя опять спрашиваю, как вообще Зина на улице оказалась, а? — сурово спрашивал отец, нависая над сыном. Тот молчал. — И с чего это вдруг она стёкла бить стала? Просто так, что ли, от нечего делать? Ни с того ни с сего, дай, думаю, окно расколочу?

Фёдор тоже допытывался у дочери:

— Ты как на улицу-то выбралась? Ладно, в сенки вышла из дома, а потом как? Крыльев у тебя, вроде, нету. Это точно ты окно разбила? Может, кто другой к вам приходил?

— Я, — горестно кивнув, твёрдо произнесла Зиночка.

— Ну и с чего это ты окна бить у нас стала? Что тут у вас случилось?

Дочь, поджав губы, молчала.

Ивана, подозревая за ним большую вину в случившемся, — как никак, а мальчик, старше, да и хозяин в доме, — родители в итоге всё же наказали: отправили в свою комнату, запретив на все выходные гулять и смотреть телевизор.

— Надо, наверное, целлофаном тут пока закрыть, что ли, — говорил Егор, осторожно вынимая из оконной рамы оставшиеся в ней осколки стекла и складывая их в мусорное ведро. — А завтра-послезавтра батю попрошу, пусть застеклит.

— А у тебя у самого стекла нету? А то сейчас сами быстренько сделали бы, и всё, — предложил Фёдор.

— Нет, нету. Да и стеклореза у меня нет. Ничего, пару дней подождёт.

— Да чего ждать-то? Может, сейчас к нему и сбегать? Недалеко ведь. И время ещё раннее, обед только.

— Сейчас? — Егор почесал затылок. — Ну не знаю, можно, конечно, и сейчас, так-то он дома должен быть. Давай, схожу... — пожал он плечами.

— погоди, — Фёдор подмигнул брату и кликнул дочь, которая была с матерью и тётей в большой комнате: — Зина, иди-ка сюда!

Девочка, по-прежнему хмурая личико, вошла на кухню и вопросительно посмотрела на отца.

— Ну что, дочь, с окном делать будем? Стекла нет, сама видишь, — Фёдор кивнул на пустую раму. — Холод с улицы несёт, ночью мороз ударит, как ночевать будем?

Зиночка растерянно пожала плечиками и чуть слышно произнесла:

— Я не знаю.

— Ну а кто знает? Надо же чем-то дырку закрыть, а? Что скажешь? Запасного стекла у дяди Егора нет.

— Может, тряпкой?

— Тряпку ветром сдует. А не ветром, так кто-нибудь полезет в дом и сдерёт её, делов-то... И бери что хочешь. Вора какого-нибудь тряпка твоя не остановит. — Фёдор продолжал смотреть на дочь, словно ожидая от неё решения проблемы.

Зиночка тяжело и протяжно вздохнула. В кухню вошла Ольга.

— Ну чего вы к ребёнку пристали? Она и так переживает, вы тут ещё...

— Так! — Фёдор поднял руку, оборвав невестку на полуслове. — Спокойно, мы сами разберёмся, без адвокатов.

Ольга покачала головой и ушла обратно. Егор всё это время молчал, глядя то на Фёдора, то на племянницу и пытаясь понять, куда клонит брат.

— Ну так что? Не знаешь? А я вот что думаю: мы тебя на ночь сюда посадим и всё. А, дядя Егор? — отец посмотрел на брата. — А то как стёкла бить, так это мы можем, а как потом исправлять, так сразу «я не знаю». Вот я и думаю, мы тебя прямо на подоконник посадим спиной к окну, ты и сиди тут всю ночь. И дырку закроешь, чтоб холод не шёл, и сторожить заодно будешь, чтоб никто не залез. По-моему, нормально получится. Так ведь? — снова обратился Фёдор к Егору.

Тот неопределённо повёл плечами.

Зиночка, не ожидавшая ничего подобного, вдруг отчётливо представила себе эту картину: она, одна-одинёшенька, ночью, в полной темноте, сидит на подоконнике у разбитого окна спиной к улице, а все в это время спят, и ей стало не по себе.

— Пап, я же замёрзну, — девочка жалобно посмотрела на отца.

— Так мы на тебя пальто оденем, не бойся. И шапку дадим.

— А если я усну, я же упаду.

— А ты не спи. Ты же сторожить будешь, а сторожам спать не полагается. Вечерком вздремнёшь немного и всё.

— А если... а если... — пробормотала Зиночка, вдруг представив, что сзади и вправду подкрадётся вор. Что она будет тогда делать? Или какая-нибудь собака прибежит? Она же запросто укусить её может. — Па-ап, — тоненьким голоском протянула она, — а если собака или...

— Ладно, — видя полную растерянность и испуг дочери, сжалился отец и задумчиво потёр подбородок, — можно ещё один вариант попробовать...

В Зиночкиных глазах зажглась лёгкая надежда.

— Стекло у деда Семёна должно быть, — продолжал Фёдор, — только вот сходить к нему надо да уговорить, чтоб он его сегодня вставил. Сама же понимаешь — праздник, кто работать захочет. Так что, если сходишь, уговоришь его, ну и спи тогда в кровати, как все нормальные люди. Согласна?

Зиночка быстро закивала:

— Согласна, согласна! Я прямо сейчас к нему сбегаяю! — И она быстро выскочила в коридор, где стала одеваться.

— Помнишь, где он живёт? — вышел следом отец.

— Помню, помню!

— Вы куда это ребёнка отправляете? Фёдор?! — выглянула из большой комнаты встревоженная Анна. — Куда Зина собирается?

— Мамошка, я к деду Семёну сейчас быстренько сбегаяю и всё! — Зиночка уже обувала сапожки.

— Зачем это? — не поняла мать. — После обеда все вместе и сходили бы.

— Так! — Фёдор снова поднял ладонь. — Женщины, занимайтесь своим делом, готовьте обед, а мы тут без вас как-нибудь решим, чего да как...

— Выдумают вечно... — недовольно проворчала вышедшая следом за невесткой Ольга. — Если надо, так пускай хоть поест сперва, тогда и идёт.

— Ничего с ней не сделается. — Фёдор посмотрел на дочь, которая уже успела одеться: — Ну так где дед Семён живёт?

Зиночка махнула рукой в сторону:

— Туда, дальше.

— Не заблудишься?

— Нет, у него там берёза во дворе высокая растёт.

— Ну вот... — Отец поправил Зиночке шапку, застегнул у пальтишка верхнюю пуговицу. — Давай, топай. — И не одеваясь вышел на улицу проводить дочь.

Дед Семён и вправду жил недалеко, каких-то двести метров дальше по этой же улице. Зиночка, выйдя на дорогу, быстро зашагала в ту сторону, думая только о том, чтобы он был дома и согласился вставить стекло. Перспектива провести

ночь у разбитого окна, да ещё и спиной к улице, нешуточно её пугала.

Погода стала налаживаться: серые лохматые тучи сменились белыми облаками, и между ними уже проглядывало весеннее солнышко. Впрочем, его лучи не успели ещё высушить жирную чернозёмную грязь, и та громко чавкала под Зиначкиными сапогами.

Пройдя полпути, девочка остановилась и, с силой вдавив сапог в грязную жижу, потянула обратно. Сначала грязь не хотела отпускать Зиначкину ногу, но потом громко сказала: «Чвак!» и отдала сапог. Зиначка засмеялась. Прodelав то же самое ещё дважды, она зашагала дальше к деду Семёну. Мимо большой, разлившейся на полдороги, лужи Зиначка тоже не смогла пройти равнодушно. Она зашла в неё и медленно пробрела всю от начала до конца, разгоняя в стороны волны и наблюдая, как колышутся на них соломинки и прочий травяной мусор.

Когда Зиначка подошла к дому с большой старой и корявой берёзой, росшей у самой калитки, из будки высочил и загавкал дедов пёс — небольшая лохматая дворняга. Девочка, не решаясь зайти во двор, остановилась. Через некоторое время из-за стайки вышел сам дед Семён. В валенках с галошами, в фуфайке и зимней шапке, сдвинутой на затылок, он, щуря глаза, не спеша подошёл к ограде. Увидев ребёнка, цыкнул на пса:

— Цыть ты! Чего надрываешься, не видишь, дитё стоит?
— Потом посмотрел на Зиначку и спросил, не узнав внучку: — Тебе чего?

— Здравствуйте, деда Семён, это я — Зиначка! — назвалась девочка.

Дед присмотрелся:

— А и правда! Не признал тебя сразу-то, подросла. В гости приехали, выходит? — Он открыл калитку, впуская девочку. — Ну входи, входи... А ты пошто одна-то? Где мать с отцом?

Зиначка, покосившись на собаку, вошла.

— Не бойсь, он сейчас уж не будет ругаться, — успокоил её старик. — Он на маленьких вообще-то не лает, это сегодня чего-то... Скучно, наверное, стало.

У дома дед опустился на завалинку:

— Ну так ты пошто одна по гостям ходишь? Где родителей-то потеряла?

— Папа с мамой у дяди Егора, мы к ним сначала пришли.

— А-а... — протянул дед Семён. — А ты, выходит, дедушку попроведать прибежала?

Чуть замявшись, Зиночка ответила:

— Ну... да... — А потом добавила: — Там, правда, ещё надо... — и замолчала, не зная, как лучше сказать про стекло.

— Чего надо?

— Ну... там это... — она легонько махнула рукой в сторону, — стекло...

— Какое стекло? — не понял старик. — Чего с ним?

— Стекло в окошке разбилось.

— Стекло разбилось? — дед Семён удивлённо поднял густые брови. — Как это?

— Ну... разбилось оно и всё. Дедушка, вы можете пойти новое поставить?

— Гм... — Дед Семён снял шапку, провёл рукой по белым жидким волосам и, усмехнувшись в седую бороду, посмотрел на внуку. — А с чего это у вас там стёкла бьются, а? Или разбил кто-то?

Зиночка ковырнула носком сапога грязь, шмыгнула носом и переступила с ноги на ногу:

— Да нет, оно... само...

— Как это само? У меня вот стёкла сами по себе не бьются, да и вообще — не видал я что-то такого.

— Ну... — девочка облизнула губы и почесала нос, на деда она старалась не смотреть, — само оно... Разбилось и всё, а сейчас холодно и ночью мороз будет, — повторила она слова отца.

— Так, а пошто тебя-то ко мне отправили, пошто дядя Егор сам не пришёл, а? Дом-то его, не ваш.

Зиночка тяжело вздохнула и пожала плечиками.

— Н-да уж... — дед Семён поднялся и, снова усмехнувшись, посмотрел на девочку сверху-вниз. — Прямо и не знаю, что делать. Так-то ведь праздник сегодня, отдыхать положено, а не работать. Нет, не пойду я никуда, однако. Так и передай дяде Егору, пусть с пустым окном сегодня ночуют,

а завтра погляжу, как настроение будет, — может, приду, а может, и нет.

Зиночка почему-то до этого была абсолютно уверена, что дед Семён сразу же согласится пойти вставить новое стекло, поэтому после таких его слов она растерянно посмотрела на него:

— Так... там же холодно будет. Нам же ночевать надо, а ночью мороз или воры залезут...

— Да ну, какие сейчас воры... — дед Семён махнул рукой. — Вас же там много, кто к вам полезет.

— А мороз?

— Да ну, мороз... Не зима ведь, май на дворе. Печку перед сном получше протопите, да и ладно.

Зиночка вконец растерялась и стояла, хлопая ресницами и не зная, какие ещё доводы привести, чтобы дед согласился. Старик между тем оскрёб палочкой с галош налипшую на них грязь.

— А я вот не пойму, ты-то чего так переживаешь? Пусть дядя Егор и думает, чего делать. А то — ишь! — ребёнка отравили... Умники... Иди домой, пусть у них голова и болит. Давай беги...

Зиночка подняла на деда глаза, полные слёз, и чуть слышно произнесла трясущимися губками:

— Это я его разбила. — Она всхлипнула, и по её щеке быстро скатилась слезинка.

— Ах вот оно что... — дед Семён покачал головой. — Так, а пошто сразу не сказала?

Девочка снова всхлипнула и опустила голову:

— Пожалуйста, дедушка Семён, сделайте нам новое стекло, а то меня на ночь на подоконник посадят, а я не хочу. Вдруг ночью воры придут и меня схватят, или собака прибежит, — и Зиночка, закрыв лицо руками, вдруг заплакала навзрыд, а её плечики затряслись.

— Ну-ну-ну, — нагнувшись, старик привлёк внучку к себе и легонько погладил по спине, — чего ты... Не надо хныкать, не надо. Сделаю я вам стекло, раз такое дело, сделаю.

— Правда? — внучка подняла на деда заплаканное личико.

— Ну говорю же, сделаю, значит, сделаю. Пообедать вот только сперва надо, и приду. Вы-то обедали уже?

Зиночка отрицательно помотала головой:

— Нет ещё. — Она снова судорожно всхлипнула и вытерла ладошкой мокрые глаза.

— Так ты голодная, небось?

— Не знаю, — Зиночка пожала плечами.

— А кто знает? Ты есть хочешь?

Зиночка, задумавшись на мгновение, кивнула:

— Хочу.

— Ладно, — кивнул старик, — пошли в избу, поедим сейчас с тобой и пойдём вместе. Заходи. — Он открыл дверь в дом и посторонился, пропуская девочку вперёд.

Дом у деда Семёна был совсем маленький: прихожая, она же и кухонька, да небольшая комнатуха, разделённые друг от друга дощатой перегородкой. Посреди стояла белёная печь, на полу пара самотканых половиков, а у низкого окна стол, укрытый клеёнкой. В избе было натоплено, пахло жареной картошкой, отчего Зиночка вдруг сразу почувствовала, что действительно проголодалась.

— Я и сам обедать уже собирался, и чай у меня заварен, и картошка пожарена, да вот в огород вышел, а тут и ты пришла. — Старик снял валенки и разделся. — Так что мы с тобой сейчас по-быстрому... Разболокайся¹, проходи. Любишь картошку жареную?

— Угу, — кивнула та, скидывая пальтишко, — люблю. Особенно когда с поджаркой.

— Ну вот, у меня как раз с поджаркой вышло. Да на сале, с лучком зелёным... Вкуснотища! Садись, вон, к столу, у окошка.

Зиночка села, а дед Семён принялся собирать на стол. За обедом старик расспрашивал внучку о том, как она живёт, та охотно отвечала, беззаботно болтая под столом ногами. Когда картошка была съедена и пили чай, старик, улыбувшись, глянул на девочку:

¹ Разболокаться — раздеваться.

— Ну а всё-таки, как ты окно-то разбила, а? Чем оно тебе не угодило?

Зиночка за разговорами почти что забыла о неприятности, случившейся два часа назад, но сейчас от дедова вопроса она снова нахмурилась и опустила голову.

Дед Семён откусил пряник и отхлебнул из эмалированной кружки чаю. Внучка отодвинула свою кружку и печально вздохнула.

— Чего чай-то отставила? Не хочешь говорить — не надо, я ж не неволю. — Старик выдвинул верхний ящик стола и достал несколько карамелек. — На-ка вот, держи. Забыл про них совсем. И чай давай допивай.

После обеда дед Семён завернул в тряпку и перевязал бечевой небольшой кусок стекла, взял деревянный плотницкий ящик-разноску с нужным инструментом, и они с внучкой отправились к дому Егора. Зиночка шла рядом со стариком, одной рукой держась за ящик с инструментом, и время от времени искоса поглядывала на деда. Хоть тот и пообещал вставить стекло в разбитое ею окно, она всё же немного волновалась, как бы он не передумал.

В доме Егора их принялись было усаживать за стол обедать, но они сказались сытыми и от угощения отказались. Старик без лишних разговоров принялся за дело, и минут через пятнадцать работа была окончена. Зиночка всё это время была неподалёку и наблюдала, как дед снимает мерки, как ловко режет стеклорезом стекло, как вставляет его в раму. А когда последний штапик оказался прибит, она облегчённо вздохнула, и у неё окончательно отлегло от сердца.

Сразу же протопили печь, чтоб согреть успевший подостыть дом. Потом Егор с Фёдором, начавшие в обед отмечать Первомай, всё же уговорили отца сесть с ними за стол. А часа через полтора все засобирались в гости к Наталье, однако дед Семён отказался и ушёл к себе. Ивана как провинившегося снова оставили дома, на этот раз одного, а Зиночка пошла со взрослыми.

Домой вернулись поздно, уже затемно, и сразу стали укладываться спать. Гостям разложили диван в большой комнате. Изрядно захмелевший Фёдор быстро уснул, а Зиночка

лежала, глядела в тёмное окно и думала о том, как же хорошо, что ей не надо сидеть всю ночь на подоконнике, и что спать она будет под одеялом в постели, возле мамы, где не страшны ни воры, ни собаки, ни мороз.

Мелкое хулиганство

За столом на небольшой веранде сидели четверо: хозяин, хозяйка и двое гостей. Гости — супружеская пара Нестеренко: муж Кирилл Владимирович и его жена, несколько часов назад приехали в деревню попроведать своих давних знакомых. Женщины сидели на диване, стоявшем у стены, их мужья — на стульях, каждый напротив своей жены.

Кирилл Владимирович Нестеренко, невысокий полноватый мужчина возрастом чуть старше среднего, облокотившись на стол, задумчиво вертел в руке пустую рюмку и с рассеянной улыбкой смотрел сквозь лёгкий прозрачный тюль в большое окно с частым переплётom. С улицы в открытую дверь, прикрытую от мух марлевой занавеской, доносилось квохтанье кур, гуляющих по двору, далёкий рёв трактора, бряцание собачей цепи и прочие звуки, характерные для летней деревенской жизни.

— Хорошо тут у вас, — покачал головой Кирилл Владимирович. — Хорошо, спокойно. А мы всё сидим в городе этом безвылазно, осточертело уже. Асфальт, бетон, пылица, духотища...

— Чего-чего, а пылица и у нас тут хватает, — усмехнулся хозяин, беря пустую на две трети бутылку коньяка. Налив себе и гостю, он взял бутылку с вином, налил женщинам и поднял свою рюмку. — Давайте... За то, чтоб в гости почаще приезжали. А то и вообще в деревню жить перебирайтесь, раз нравится.

— Ну-у... — сложив губы дудочкой, протянул гость и провёл ладонью по лбу с большими залысинами. — Тоже ведь так просто не убежишь. Работа, как-никак, дети...

— А чего вам дети? — возразил хозяин. — Они уж у вас взрослые, самостоятельные.

— Не знаю... Вот на пенсию когда пойдём, тогда, может... А, Свет? — Кирилл Владимирович подмигнул жене. — Поедем в деревню жить, когда на пенсию выйдем?

— Ты выйди сперва, — отмахнулась та. — В деревню собрался...

Все взяли свои рюмки, чокнулись, выпили. Спиртное привезли с собой гости, закуска же — тушёная говядина с картошкой, разносолы из погреба да свежая зелень с огорода — была хозяйская. Сидели уже часа полтора. Первая бутылка коньяка заканчивалась, но в углу за диваном стояла ещё одна, припасённая на вечер, на «после бани». Женщины пили меньше, больше болтали, обсуждая общих знакомых и последние новости, поэтому их бутылка едва-едва опустела наполовину.

Хозяин взял с тарелки последний кусок хлеба и посмотрел на супругу:

— Хлеба-то дай ещё, а то чего-то совсем с гулькин нос нарезала...

Та, кряхтя, поднялась с низкого дивана:

— Да там просто в хлебнице немного оставалось, вот и изрезала до конца. Сейчас принесу, в буфете ещё булка была.

— В буфете? — переспросил хозяин.

— Ну да... Булка серого оставалась.

— Так я, это... Я думал, это для скотины. Я её утром ещё овечкам скормил да собаке в кашу искрошил.

— Всю булку, что ли, издержал?

— Ну...

— Тц... — цыкнула хозяйка, покачав головой. — Ну, молодец! Значит, нету хлеба больше, в магазин надо топать. Последняя булка это была.

— А магазин-то где? В центре? — спросил гость.

— В центре.

— Ближе-то никакой ларёк не открыли?

— Да ну... Старое бы не закрыли. — Хозяин, нахмурившись, откинулся на спинку стула. — Ничего, сейчас, вон, Ваську крикну, на велике сгоняет по-быстрому. Десять минут туда, десять обратно...

— Погоди, я это... — поёрзал на стуле Нестеренко, — я чего думаю...

— Чего? На машине, что ли, хочешь? Не надо, выпили уже, а у нас тут и гаишники, бывает, заезжают с района.

— Не, я не об этом. Давай, я лучше сам до магазина сбегаю.

— Пешком, что ли? — удивился хозяин. — Да ну!.. Чего тебе мотаться? Да щас Ваську отправим, делов-то... Всё равно дома сидит, дурака валяет.

— Не... Я это... прогуляться просто охота. По березничку по вашему пройти, ну и так... перерывчик небольшой сделать, проветриться.

— Вот это правильно, — согласно кивнула Нестеренко-жена. — Иди, проветришь.

— А хоть и вдвоём сходите, так, ничего, — добавила хозяйка.

— Не, я пас, — замотал головой хозяин. — Да и ты, Кирюха, сидел бы. Чего ноги топтать, не казённые, чай...

— Да говорю ж, по лесу прогуляться хочу, воздухом подышать. Грибов-то нету ещё?

— Да ну, какие грибы... Июнь не кончился.

— Ну почему, — возразила хозяйка, — сыроежки, говорят, попадают.

— Да чего это, грибы, что ли... — возразил хозяин. — Так... название одно.

— Земляники, зато, нынче полно.

— Ну вот и ладно! — Легонько хлопнув ладошкой по столу, Кирилл Владимирович поднялся со стула. — Значит, земляники заодно поем. У вас тут в лесу дорога-то нормальная, как была? Не перекопали нигде?

— Нормальная дорога, — заверила хозяйка, — там много народу ходит. Да мы и сами там завсегда ходим, когда в центр надо.

Дом, куда приехали погостить Нестеренко, стоял почти в самом конце длинной улицы, огибающей берёзовый лес, врезавшийся клином в село с одного его края. Само село, хоть и было довольно большое, но магазинов имело мало — два продуктовых и один промтоварный, и все они находились в центре. Получалось так, что путь до них можно было срезать, если пойти как раз через этот берёзовый лес. Собственно, если б надо было идти по улице, то Кирилл Владимирович навряд ли

бы вызвался сходить за хлебом, пусть ехал бы на велосипеде младший сын хозяев Васька. Но, объясняя своё желание прогуляться, Нестеренко-муж несколько не кривил душой: действительно давненько не бывал он за городом, вот и захотелось сейчас хоть немного, да приобщиться к природе.

— На вот, держи, — хозяйка подала Кириллу Владимировичу полиэтиленовый пакет. — Четыре булки возьми сразу: две белого и две серого. Сейчас денег тебе дам.

— Ну вот ещё! — сердито махнул тот рукой. — Скажешь тоже... Чего у меня, денег нет, что ли! — Свернув пакет, он положил его в поясную сумочку.

— Кирилл, ты только шибко долго не ходи там, — попросила жена.

— Да я махом, туда и обратно, — пообещал муж. — Тут же недалеко.

— Не знаю... — снова с сомнением покачал головой хозяин. — Как по мне, так делать тебе нечего. Отправили бы Ваську... Ну или хоть велик его возьми, всё быстрее будет.

— Не, не надо, я пёхом. А ты иди, вон, воды пока в баню натаскай, а то потом лень будет. — Кирилл Владимирович сунул ноги в сандалии, надел на голову лёгкую сетчатую бейсболку и вышел на улицу.

Настроение у Нестеренко было прекрасное, а в голове у него гулял лёгкий хмель от выпитого коньяка. Любуясь просторным и светлым от берёзовых стволов лесом, он неспешно шагал по мягкой травке между колеями неширокой грунтовой дороги. Одну руку Кирилл Владимирович сунул в карман брюк, а другой, держа в ней бейсболку, лениво отмахивался от комаров, круживших над головой. Временами, завидев в траве земляничку, Нестеренко сходил с дороги, срывал ягодку и с удовольствием клал её себе в рот. Из густых берёзовых крон доносились трескучие голоса дроздов, там же, вверху, приветливо шумел листвою ветерок, а ещё выше, в яркосинем солнечном небе, медленно плыли роскошные глыбы белых кучевых облаков. «Может, и вправду со временем в деревню на жительство перебраться, а? — мысленно спросил себя Кирилл Владимирович. — Благодать же... Один воздух чего сто́ит».

В самом начале дороги навстречу ему попался мальчишка лет десяти, а когда он прошёл примерно с полпути, то встретил долговязого, с длинными гуцульскими усами, мужика на велосипеде. А ещё через некоторое время Нестеренко увидел впереди кучу мусора, сваленную прямо между деревьев всего в нескольких метрах от дороги. «Ну-у... — Он недовольно поморщился. — Вот вечно всё у нас испохабят. У них же тут даже мульды, кажется, есть, так нет, прямо в лесу вывалить надо».

Дойдя до кучи, Кирилл Владимирович остановился и с недовольной гримасой посмотрел на неё. Это был в основном строительный хлам: куски битого шифера, обрывки рубероида, затвердевший мешок цемента, поломанная лопата, пустые банки из-под краски, какие-то бутылки, тряпки... Чуть в стороне, у невысокого куста рябины, стоял старый грязный диван с провалившейся сидухой, а рядом с ним лежало на спинке такое же старое и грязное кресло.

Осуждающе покачав головой, Нестеренко собрался было идти дальше, но тут до его слуха донёлся звук, похожий не то на писк, не то на тихий плач. Замерев, он прислушался. Вскоре писк повторился — слабый, тонкий, чуть слышный и очень жалобный. «Кто это там?» — удивился Кирилл Владимирович; звук этот, столь несвойственный летнему лесу, несколько смутил его.

Писк раздался снова, и Нестеренко определил, что идёт тот откуда-то со стороны дивана. Смахнув со щеки комара и надев бейсболку, он сошёл с дороги и сделал несколько нерешительных шагов в том направлении, но потом остановился, подумав: «Или, может, да ну его?.. В магазин же надо». Кирилл Владимирович растерянно переступил с ноги на ногу, раздумывая, как поступить, но любопытство всё же взяло верх. Осторожно подойдя к дивану, Нестеренко осмотрел его со всех сторон, однако, не обнаружил никого, кто мог бы быть источником непонятного звука.

Но тот, кто пищал, по всей вероятности, или услышал шаги, или каким-то ещё образом почуял, что рядом кто-то есть, поскольку запищал опять — на этот раз громче и ещё жалобней. И Нестеренко понял, что идёт звук вовсе не от дивана, а от кресла. Обойдя его кругом, Кирилл Владимирович заметил, что

с одного бока обивка была разодрана и как-то неестественно оттопырена, словно бы за ней что-то лежало. Подойдя ближе, он заглянул в дыру: между тканью и листом ДВП было засунуто нечто, завёрнутое в целлофановый мешок. И тут, словно ощутив близкое присутствие человека, мешок вдруг шевельнулся и из него раздался громкий писк.

От неожиданности Кирилл Владимирович испуганно отшатнулся и отступил на пару шагов назад. «Это чего же такое? — Нестеренко озадаченно почесал затылок. — Кошка там, что ли, или котёнок?» Очевидно, что мешок этот попал сюда совсем недавно, иначе котёнок — ну или кто там был — попросту уже задохнулся бы. «Кто же его сюда запихнул? Неужели это тот мужик, на велосипеде который? — мелькнуло предположение. — Ну не пацан же...» В мешке снова запищали — протяжно и просительно, и это уже более походило на скулёж.

Первым желанием Кирилла Владимировича было сразу же вытащить свёрток и освободить бедное животное, однако, подумав, он замялся: «А вдруг больной какой-нибудь? Блохастый или паршивый. Подцепишь заразу... Или, того лучше, бешеный. Вытащишь его, а он возьмёт, да и кинется, укусит ещё, поцарапает... Лечись потом. Не зря ж, поди, его сюда запихнули».

В мешке снова заскулили, но на это раз к плачущей интонации добавилась просительность, даже требовательность, словно бы тот, кто был в нём, кричал: «Ну чего ты там?! Освободи меня уже!» Звук сделался низким, утробным, и скулёж быстро перешёл в настоящий вой: громкий, настойчивый, отчаянный. Нестеренко стало не по себе, он невольно передёрнул плечами и отступил от кресла ещё дальше. «Точно какой-то ненормальный, — подумал Кирилл Владимирович, неуверенно озираясь по сторонам. — А может, помирает уже? Тут тогда и не так заорёшь». От самого кресла неприятно пахло затхлостью, а ткань на нём местами была покрыта белой плесенью. «Хоть перчатки бы какие-нибудь, что ли...» — думал Нестеренко, заглядывая издали в дыру в обивке.

И вновь в мешке заорали: дико, требовательно. Но громкое завывание как-то вдруг быстро сделалось тише, словно бы силы у кричавшего кончились, и снова это был тонкий писк,

и слышалась в том пiske уже не просьба помочь, а некая обречённость. Кирилл Владимирович сжал кулаки. «Да почему ж ты живьём-то его сюда запихнул, а? — мысленно обратился он к встреченному им мужику на велосипеде. — Ну, сволочь, ну попадись ты мне только!» Наконец, громко выругавшись и пересилив брезгливость и страх, Нестеренко решительно подошёл к креслу, сунул руку за обивку, быстро вытащил целлофановый мешок и сразу же отбросил его в сторону, в траву. Мешок зашевелился, стал разворачиваться, и из него вдруг выкатился котёнок: не сказать, чтоб совсем уж маленький, — может, месячный, а может, и постарше. Он был худой и какой-то весь несуразный, с редкой, пёстрою окраса, шерстью и с большими торчащими ушами. Даже не взглянув на своего спасителя, котёнок громко протяжно запищал и, словно пьяный, шатаясь на нетвёрдых лапках, засеменил куда-то в лес. Нестеренко облегчённо выдохнул, сорвал лист папоротника и вытер им руку, которой доставал мешок. «Так, ну дальше ты уж сам давай, — подумал он, посмотрев вслед котёнку. — Домá рядом, так что, разберёшься, куда бежать». Вытерев тыльной стороной ладони вспотевший от напряжения лоб, Кирилл Владимирович вернулся на дорогу, отряхнул от налипшего мусора брюки и, не глядя более по сторонам, широко зашагал вмагазин.

Дойдя до центра села, Нестеренко купил хлеба, а когда вышел из магазина, то заметил у здания почты, которая была напротив, через дорогу, стоявший прислонённым к лавке велосипед. Хоть и не присматривался он там, в лесу, на каком велосипеде ехал встретившийся ему мужик, но сейчас Кириллу Владимировичу показалось, что это именно тот самый велосипед: тоже синий, с небольшими широкими колёсами, со складной рамой.

«Ах ты, паразит!», — подумал Нестеренко. То, что именно владелец данного велосипеда засунул несчастного котёнка в то кресло, у него никаких сомнений прочему-то не было. Что-либо выяснять непосредственно с этим мужиком Кирилл Владимирович уже не хотел, так как гнев к этому моменту поутих, но и оставлять столь гнусный поступок вовсе безнаказанным он не намеревался.

Нестеренко подошёл к велосипеду и с нескрываемой неприязнью посмотрел на него. Глянув по сторонам, он увидел валявшийся в пыли возле лавки кривой ржавый гвоздь. «Ну, сейчас ты у меня покатаешься», — со злорадством подумал Кирилл Владимирович. Снова оглянувшись, — поблизости никого не было — он подобрал гвоздь и быстро ткнул им в переднее колесо. Гвоздь был старый, тупой, поэтому с первого раза резина не поддалась. Ухватив гвоздь поудобнее, Нестеренко вдавил его между рисунком протектора и, с силой крутанув, проткнул покрышку. Из пропоротой дыры с шипением и лёгким присвистом вырвался воздух. «Вот так вот», — удовлетворённо подумал Кирилл Владимирович и подошёл к другому колесу. Присев возле него на корточки, он проделал с ним то же, что и с первым. Но не успел он подняться, как услышал позади себя громкий возглас:

— Эй! Ты чего творишь это, а?!

Кирилл Владимирович вскочил и быстро обернулся. В дверях почты стоял — сомнений не было — тот самый долговязый мужик с длинными усами и с возмущённым изумлением смотрел на него.

— Ты чего делаешь, гад?! Ты зачем колесо мне проткнул?

Почти сразу же за мужчиной из здания почты на улицу вышла старушка с маленькой девочкой.

— Чего тут? — поинтересовалась женщина.

— Да вот, колесо мне проткнул! — долговязый показал рукой на Нестеренку.

— Это ваш велосипед? — спросил Кирилл Владимирович, незаметно отбросив гвоздь в сторону.

— Мой, а чей же ещё!

— Ну и вот... — Нестеренко, будучи застигнутым врасплох, несколько растерялся. — И нечего...

— Чего — нечего? — Мужчина угрожающе шагнул вперёд. — Я тебя спрашиваю, ты зачем мне колесо проткнул?

— А животных мучить... нечего...

— Чего?! Каких это ещё животных я мучаю?

Старушка с девочкой не уходили, стояли тут же и с интересом слушали разговор. Кирилл Владимирович добавил:

— Котёнка...

— Какого ещё котёнка?!

— Такого... Которого вы в кресло зачихнули. — Нестеренко немного успокоился и взял себя в руки.

— Какое ещё кресло?! — Мужчина присел у велосипеда, осматривая дыру в крышке. Потом, увидев, что переднее колесо тоже проткнуто, закричал: — Так ты чего, и переднее мне пропорол?! Слышь, ты, — гневно глянул он на Нестеренко снизу-вверх, — на новые колёса мне деньги гони, иначе я за себя не отвечаю!

Из продуктового магазина вышли ещё две женщины и, увидев, что у входа в почту что-то происходит, подошли ближе. Из-за угла почты появился небритый тип с одутловатым лицом и в галошах на босу ногу. Тоже подойдя ближе, он спросил хозяина велосипеда:

— Сань, чё тут у вас?

— Да вот, — выпрямившись, тот качнул головой в сторону Кирилла Владимировича, — представляешь, колёса мне продырявил, гад. Оба! Выхожу с почты, а он сидит, гвоздиком ковыряет.

— Да ты чё? — небритый с интересом посмотрел на Нестеренко.

— Ну!..

Кирилл Владимирович оглянулся на женщин, стоявших в стороне и молча глазевших на происходящее, взял пакет с хлебом и, не говоря более ни слова, сделал попытку уйти, но долговязый ухватил его за локоть:

— Э, ты куда намылился? Деньги за колёса гони!

Небритый, от которого неприятно пахло застарелым перегаром и чесноком, тоже подступил ближе.

— А ты кто такой, вообще? — склонив голову набок, спросил он Нестеренко.

— В смысле — кто я такой? — Кирилл Владимирович попытался освободить локоть, но долговязый держал его крепко.

— В коромысле... — грубовато ответил небритый. — Я говорю, ты откуда такой взялся? Я тебя раньше у нас чего-то не видел.

— Я... я из города. В гости сюда приехал.

Кирилл Владимирович всё же высвободил руку и чуть отстранился от наседавших на него мужиков. Не сказать, чтоб

он очень испугался, — как-никак, а день на дворе, да и люди рядом, — но определённое беспокойство всё же чувствовал.

— Слышь, да он бухой! — ощерился вдруг хозяин велосипеда. — В гости он приехал... От него же водярой пахнет! Деньги за колёса гони, я тебе говорю!

— И это... как его... Моральный ущерб надо бы тоже... того... — поддержал его небритый, — компенсировать.

И тут из-за кустов, скрывавших поворот дороги, вывернул и резко остановился с торца здания почты полицейский УАЗик. Из-за руля вышел человек в форме, с видимым удовольствием потянулся, потом, увидев, что у входа в почту собрался народ, подошёл ближе:

— По какому поводу собрание?

Увидев его, небритый хмуро отвернулся.

— Ну вот... — недовольно протянул он, — власть пожаловала.

— Что тут у вас? — снова спросил полицейский. На вид он был немного старше Нестеренко, на плечах — капитанские погоны.

— Да вот... — пояснил усатый, кивнув на Кирилла Владимировича. — Вот этот вот... колёса мне у велосипеда пропорол. Гвоздём. Пускай сейчас компенсирует.

— И моральный тоже... — вставил свои «пять копеек» небритый.

Капитан обвел всех взглядом, посмотрел на Кирилла Владимировича:

— Это правда?

Тот сначала замялся, но потом коротко ответил:

— Правда.

— Гм... Ну и зачем вы это сделали?

— А потому что!.. — Нестеренко вдруг снова почувствовал злость на долговязого. — Живодёр он, животных мучает.

— Кого это я мучаю?! — крикнул тот. — Ты чё гонишь?!

— Тихо, Пьянков, тихо... — капитан поднял руку. Потом снова посмотрел на Нестеренко: — Поподробнее можно?

— Простите, а вы кто? — поинтересовался Кирилл Владимирович.

— Я — местный участковый, капитан Головин, — представился полицейский.

— Понятно. — Нестеренко поставил пакет с хлебом обратно на лавку и хмуро пояснил: — Он котёнка в лесу в целлофановом мешке живьём в кресло запихнул.

И Кирилл Владимирович в подробностях рассказал всё, что случилось с ним в лесу.

— Да чё вы его слушаете, Андрей Ильич! — воскликнул долговязый, глядя на полицейского. — Он же пьяный! Вы понюхайте, от него ж водярой разит за версту!

— Тихо! — остановил его капитан. — Не ори. — Посмотрев на по-прежнему стоявших рядом женщин, сказал: — А вы чего тут выжидаете? Любопытно? Расходимся, расходимся... — Потом снова обратился к Нестеренко: — Давайте ко мне пройдем, там и разберемся, что к чему. Пьянков, пошли! Остальные свободны.

Женщины, тихонько переговариваясь, пошли от почты, старушка, покачав головой, взяла девочку за руку и тоже пошла прочь, и только небритый мужик остался на месте.

Оказалось, что в том же здании, что и почта, только с торца, находился кабинет участкового. Вернее, сначала шёл небольшой коридорчик с узкой лавкой, а дальше уже был кабинет. Открыв дверь, полицейский вошёл первым, за ним вошли Нестеренко и хозяин велосипеда.

Сев за письменный стол с компьютером, участковый кивнул на стулья, стоявшие у стены:

— Присаживайтесь.

Нестеренко и хозяин велосипеда сели, но не рядом, а через два стула один от другого.

— Так, — капитан посмотрел на Кирилла Владимировича, — расскажите ещё раз, что там в лесу было.

Нестеренко снова всё рассказал: как шёл через березник, как встретился ему на велосипеде долговязый, как он увидел потом кучу мусора и как услышал писк, как нашёл в кресле котёнка.

— Это, между прочим, жестокое обращение с животными называется. За это даже статья есть в Уголовном кодексе, —

закончил Кирилл Владимирович и сердито посмотрел на сидящего у двери долговязого.

— Да что вы его слушаете! — снова закричал тот. — Я ж вам говорю, Андрей Ильич, он пьяный! Вы понюхайте! — возмутился тот.

— Вы пили? — поинтересовался участковый у Нестеренко.

— Ну я же говорил, мы в гости приехали. Конечно, посидели немного, отметили встречу, но это абсолютно не влияет... Запах, может, и есть, но я не пьяный.

— Хорошо, а почему вы решили, что котёнка в это кресло засунул именно гражданин Пьянков?

— Ну а кто ещё? Не пацан же тот. Там больше никого не было.

— Ага, а у тебя свидетели есть?! — вскинулся долговязый. — Ты докажи сперва, а потом уж говори, а то за ложное обвинение тоже схлопотать можно! Это же поклеп получается, Андрей Ильич! — снова обратился к капитану хозяин велосипеда, вскочив со стула.

— Сядь, Пьянков, не прыгай! А лучше выйди-ка ты пока на улицу, там обожди. Но совсем не уходи, я тебя крикну.

Долговязый хотел ещё что-то сказать, но потом лишь недовольно тряхнул головой и вышел прочь.

— Вот что я вам скажу, — выждав паузу, посмотрел на Нестеренку участковый. — Пьянков этот тот ещё товарищ, и я вполне могу допустить, что это именно он котёнка этого... ну... как вы и рассказали. Однако, как бы там ни было, колёса протыкать за это не следует, придётся вам всё же компенсировать ему ущерб.

Кирилл Владимирович хмуро молчал. Капитан тоже молча смотрел на него.

— И что я должен ему компенсировать? — наконец спросил Нестеренко.

— Я думаю, стоимость двух покрышек и двух камер.

— Сколько это?

— А сейчас мы глянем... — участковый включил компьютер. — В интернете посмотрим. Примерно.

Пощёлкав мышкой, он назвал сумму:

— Ну вот, столько получается.

Нестеренко помолчал, потом сказал:

— А если я тоже откажусь, скажу, что не протыкал я ему ничего.

— Но вы ведь уже сознались.

— А я обратно свои слова возьму.

Участковый пожал плечами:

— Конечно, можете и отказаться, но этот, — он кивнул на окно, — точно тогда заявление напишет, я его знаю. А дружок его скажет, что видел, как вы колёса протыкали. Тогда дело официальный оборот примет. А вы ещё и под хмелем, отягчающее обстоятельство. Так что на мелкое хулиганство это вполне себе тянет. Статья двадцать-один КоАП. Вот так вот...

— Капитан развёл руками. — Вроде бы и ничего серьёзного, мелочь, но всё равно неприятно. Вам оно надо?

— Хорошо, — по-прежнему хмуро кивнул Нестеренко и полез в поясную сумочку за кошельком. Вынув оговоренную сумму, он положил купюры на стол участковому. — А с этого что, как с гуся вода, выходит? — Кирилл Владимирович кивнул в сторону двери.

Капитан пожал плечами:

— К сожалению, да. Ведь он прав — свидетелей и иных доказательств, что всё это сделал он, у вас нет. — Он поднялся и, подойдя к окну, крикнул в открытую форточку: — Пьянков! Заходи.

Дверь открылась и в кабинет вошёл долговязый.

— Пьянков, в общем, слушай сюда. — Снова сев за свой стол, участковый посмотрел на вошедшего. — Вот тебе деньги, — полицейский кивнул на лежащие на столе купюры, — это компенсация причинённого ущерба: на новые покрышки и камеры. Забирай и дуй на все четыре стороны.

Хозяин велосипеда подошёл к столу и, нахмутив брови, сосредоточенно пересчитал деньги.

— Ско-олько? — недовольным тоном протянул он, широко раскрыв глаза на участкового. — Андрей Ильич, да тут на одну камеру...

— Пьянков! — перебил его капитан. — Не наглеи. Я посмотрел в интернете, сколько это всё стоит. Так что радуйся, а то я могу и передумать, вообще без ничего останешься.

Долговязый недовольно хмыкнул и покосился на Нестеренко:

— А за моральный ущерб...

— Я тебе сказал, не наглей! — повысил голос участковый. — Моральный ему... Страдалец нашёлся. И это... расписку напиши. — Капитан подал ему лист бумаги и ручку.

— Чего писать-то?

— Пиши: «Я, такой-то такой-то, получил столько-то рублей за испорченные колёса своего велосипеда. Дата, подпись».

Долговязый наклонился к столу и, написав, что продиктовал участковый, пододвинул к нему расписку.

— Ладно, — сунув деньги в карман брюк, Пьянков усмехнулся и, прищутив глаза, снова глянул на Кирилла Владимировича, — увидимся ещё...

— Я тебе увижусь! — прикрикнул капитан. — Я тебе что сказал? Иди и радуйся, что новые колёса своему драндулету купишь...

Не говоря более ни слова, хозяин велосипеда вышел на улицу. Участковый проводил его взглядом, потом посмотрел в окно.

— Ну да, купит он... — тихонько пробормотал полицейский. — Камеры заклеит, а деньги пропьют сейчас.

На улице к вышедшему Пьянкову сразу же подошёл небритый мужик в галошах. Они перекинулись парой слов, посмотрели на окно участкового, что-то соображая, и отошли в сторону.

— Так, может, зря ему деньги тогда дали? — спросил Нестеренко. — Раз, сами же говорите, пропьёт.

— А куда деваться? Колёса-то вы ему проткнули, так что... Зря вы это, конечно.

— Да я на эмоциях. Если б он мне там, в лесу встретился, так точно бы морду ему набил.

— Ну-у... — протянул капитан. — А если б он вам набил? С этого, между прочим, всё и начинается обычно. Сначала ерунда какая-нибудь, а потом... слово за слово, и до убийства, бывает, доходит.

Кирилл Владимирович поморщился:

— Разве это ерунда? Над живым так издеваться.

Участковый протяжно вздохнул:

— Думаете, если б вы набили морду этому Пьянкову, то суд, дойди до него дело, вас оправдал бы? — Отвернувшись от окна, он посмотрел на Нестеренко.

Тот, опутив голову, молчал.

— Вот то-то же...

— Ну и как быть тогда в таких ситуациях?

— Как-как... Вы поговорку «не пойман — не вор» слышали? Ну вот... И как ни крути, а ведь стопроцентной уверенности, что это сделал именно Пьянков у вас ведь нет? Быть просто не может. Ведь есть шанс, причем немаленький, что это мог сделать кто-то другой, кого вы не видели. Так ведь?

— Так... — согласился Нестеренко. — Хотя...

— Что — хотя?

— Если б это был не он, то он бы тогда так и говорил, что не я, мол, а он говорит, что свидетелей нету, не докажете. Значит — он. Ведь он же этим себя и выдал по сути.

— Выдал... Выдать-то выдал, но ни один суд такие рассуждения за доказательство не примет. — Капитан встал со стула. — Вы, кстати, к кому в гости приехали?

Кирилл Владимирович тоже поднялся и назвал фамилию своих знакомых. Полицейский на секунду задумался.

— Так, это, считай, на другом конце села.

— Ну да. Я поэтому через березник-то и шёл. Прогуляться хотел, воздухом подышать.

— Знаете, что... От этих товарищей ведь можно чего угодно ожидать, а то я, вон, смотрю, они не уходят, сидят под тополем, даже в магазин не торопятся. Давайте-ка я вас подброшу на машине, от греха подальше. В мои ведь обязанности как-никак входит ещё и профилактика правонарушений. А то, чего доброго, и вправду начнут с вас за «моральный ущерб» требовать, а там и до кулаков недалеко. Так что... Пойдёмте.

Нестеренко пожал плечами и взял пакет с хлебом:

— Пойдёмте. А то меня, наверное, уже потеряли...

Зачем стучит дятел

Несмотря на то, что это было банальным, Игорю Михайловичу Есликовскому хотелось в эту пору называть осень именно золотой. Никакие другие эпитеты в голову просто не приходили, да он особо их и не искал. Золотая и золотая, даром что бабье лето нынче выдалось просто великолепным: вторую кряду неделю погода радовала сухим теплом, небо было потрясающе синим, а опавшие листья в ярких солнечных лучах действительно виделись настоящим золотом по какой-то нелепой причине валявшимся прямо под ногами.

Игорь Михайлович неспешно брел по неширокой парковой тропе, устланной толстым слоем листвы, вдыхая полной грудью свежий, чуть влажноватый и приятно пахнущий чем-то неуловимо терпким, утренний воздух. Время от времени он останавливался, с задумчивой улыбкой ворошил ногой мягкий лиственный ковер и шел дальше, заложив руки за спину и чуть откинув назад голову с редкими, зачесанными назад, седыми волосами.

Парк был очень большой и старый, заложенный много десятков лет назад и с тех пор превратившийся по сути в дикий лес. Городские власти за ним не ухаживали, и, предоставленный сам себе, тот зарос густым подлеском, в нем развелись бурундуки, белки, совы и прочая мелкая живность, а кое-кто утверждал, что видел здесь даже зайцев. Когда-то положенный на дорожках асфальт давно выкрошился, и если бы не горожане, гулявшие по полюбившимся тропинкам, то заросли бы и они.

Некоторые из таких дорожек вели в весьма отдаленные глухие уголки, гуляя где, можно было долгое время и вовсе никого не встретить. В последнее время Игорь Михайлович полюбил прогуливаться как раз в таких вот тихих, практически безлюдных местах. А дней десять назад он и вовсе осмелился сойти с привычной тропинки и пойти прямо в лес, так сказать,

по бездорожью. Да, это было уже не комфортное гуляние по дорожке, и местами приходилось буквально продирается сквозь заросли колючей дикой акации и шиповника, но это Есликовскому даже понравилось, так как добавляло прогулке своеобразной дикой романтики. Летом, когда подлесок был особенно густ, он на такое, конечно же, не отважился бы, но осенние условия это позволяли: облетевшая листва делала заросли более прозрачными, а увядшая и уложенная на землю ночными заморозками трава, давала возможность идти относительно свободно.

Однажды, гуляя таким вот образом, Есликовский к своему немалому удивлению набрел на каким-то чудом сохранившуюся старую деревянную беседку. Краска, которой когда-то была покрашена конструкция, давно облупилась, дерево почернело, а местами и напрочь сгнило, поросло мягким и приятным на ощупь буро-зеленым мхом. Однако Игоря Михайловича все эти признаки старости и запустения нисколько не смутили, а, напротив, даже обрадовали. Хоть и прожил он всю свою жизнь в городе, но современного новостроя с его холодными стальными и стеклянными поверхностями, от которых веяло холодом и отчужденностью, не любил. Поэтому вид старой беседки вызвал в нем самые нежные чувства. Всколыхнулась память, начав выдавать одно за другим воспоминания из юности, накатила ностальгия, и Есликовский стал подолгу простаивать здесь, облокотясь на наиболее крепкий поручень или сядясь на полусгнившую скамейку и с легкой грустью глядя вдаль.

Рядом с беседкой был небольшой овражек, в котором протекал неширокий и небыстрый ручей. Побыв у беседки, Игорь Михайлович обычно спускался туда и стоял, слушая, как ласково журчит вода, бросал в неё хвоинки и задумчиво следил, как они уплывают вдаль, постепенно теряясь из вида. Немного подмерзнув от овражной прохлады, он снова поднимался к беседке, где отогревался, стоя в пятнах солнечного света, проникавшего сюда через голые кроны деревьев.

И так на душе у него в эти минуты делалось хорошо и покойно, что даже не хотелось возвращаться домой. «Вот так сидел и сидел бы тут, — думал он, ласково проводя рукой по нежному моховому покрову и слушая перестук дятлов. —

Чего там дома делать? В телевизор пялиться посреди бетонных стен да слушать, как соседи за стенкой ругаются?» Но через некоторое время чувство голода всё же заставляло его уходить: надо было обедать самому, а потом и готовить что-нибудь на ужин к приходу супруги.

Сегодня утром, проводив жену на работу до самой остановки, он не стал ждать, когда станет теплее, а сразу же пошел в парк, где направился, как он стал называть это местечко, «в чашу». Сойдя в нужном месте с натопанной тропинки, он побрел привычной уже дорогой к «своей» беседке. Дойдя до места, Есликовский остановился, расправил узкие плечи и, сняв очки, вытер кулаком отчего-то заслезившиеся глаза. «Всё стучишь? — ласково улыбнувшись, мысленно обратился он к дятлу, сидевшему на соседней березе и энергично долбившему клювом сухое дерево. — Ну-ну... давай».

Спустившись в овражек, Игорь Михайлович постелил принесенную из дома газету на лежавший на берегу ручья ствол упавшего дерева, посильней запахнул полы плаща, дабы не замерзнуть раньше времени, и сел снова смотреть на воду, задумчиво вертя в руках поднятый с земли кленовый лист. «А ведь и правду говорят, что человек может бесконечно долго смотреть на три вещи, одна из которых, это бегущая вода, — подумал он. — Вроде бы одно и то же, ан нет, каждую секунду по-новому всё. И как-то, прям, даже завораживает». Есликовский глубоко вздохнул и пригладил жидкие волосы. Было ещё прохладно и он мельком пожалел, что не надел кепку. «Как же всё-таки хорошо здесь. Благодать, прямо. Мир и покой. И почему люди так жить не могут?»

И сами собой вдруг в голову пришли слова: «Мир, гармония, покой, не хочу идти домой...» «Гм, — Игорь Михайлович усмехнулся, — прям, стихи». Посидев какое-то время, он подумал: «А чего, баловался же я когда-то в школе стишками. Хотя, кто в школе этим не балуется... Может, сейчас попробовать, придумать что-нибудь от нечего делать, удивить знакомых?» Повторив пришедшие на ум слова, он прищурил глаза и задумался, пытаясь найти продолжение. Что-то стало наклеиваться, и Есликовский, улыбнувшись, полез во внутренний карман плаща за ручкой. Не было только бумаги,

куда можно было бы записать придуманное. «Ничего, на газете пока черкану, чтоб не забыть, а дома потом перепишу начисто».

— Любуетесь? — вдруг отвлек его от мыслей мужской голос, прозвучавший сверху.

Игорь Михайлович вздрогнул и, смутившись, словно его застали за чем-то неприличным, посмотрел наверх.

— Что, простите? — переспросил он, совсем не ожидавший встретить в этом месте кого бы то ни было.

— Я говорю, водичкой любуетесь? — повторил свой вопрос мужчина.

Незнакомец стоял как раз напротив солнца, поэтому разглядеть его было невозможно, виден был только темный силуэт. Игорь Михайлович сунул ручку обратно в карман плаща и, скользя ботинками по влажной, не успевшей ещё обсохнуть от росы, листве, вскарабкался наверх, где и разглядел мужчину получше. Тот был примерно одного с ним возраста, но плотнее, заметно шире в плечах и на полголовы выше, гладко выбрит, густые брови почти срослись на переносице.

— Да, знаете, люблюсь, — застенчиво улыбнулся Есликовский. — А вы? Тоже гуляете?

— Гуляю.

— Да, хорошо здесь. И такие места, оказывается, в нашем парке есть... Тихо, будто и не в городе вовсе, а в лесу каком-то. Прямо, глухомань.

Незнакомец усмехнулся и кивнул в ответ:

— Да, глухомань...

Помолчав, Игорь Михайлович протяжно вздохнул:

— И, знаете, это, наверное, здорово. Я имею в виду вот такие места... В наше время так хочется иной раз побыть в тишине, в одиночестве. Я сам вообще-то человек сугубо городской и крайне редко куда-то выбираюсь. Так... к знакомым пару раз за лето на дачу съездишь или в санаторий какой-нибудь с супругой отдохнуть и всё. А тут вот два года назад на пенсию вышел, заняться особо нечем и гулять полюбил. И парк вот этот, — Есликовский повел рукой в сторону, — можно сказать, открыл для себя. Нет, я, конечно, и раньше тут бывал, но так... мимоходом... И сейчас вот, сначала там гулял, где все ходят, а неделю назад совершенно случайно сюда забрел и так понравилось... Вот и хожу сейчас в основном сюда,

любуюсь, как вы выразились, — он снова улыбнулся, кхэкнул и переступил с ноги на ногу, — отдыхаю в одиночестве.

— Да, — согласился незнакомец, — иногда действительно хочется, чтоб и самому никого не видеть, и тебя чтоб никто не видел.

— Да-да... — чуть приободрился Игорь Михайлович. — И я о том же... Тишина, покой...

— Н-да, — мужчина заложил руки за спину и упруго качнулся с пятки на носок.

— А сегодня... знаете, — Есликовский почесал кончик носа, — мне вот перед самым вашим приходом даже стихи в голову на эту тему пришли.

— Стихи? — мужчина с интересом посмотрел на Игоря Михайловича. — Вы поэт?

— Да нет, какой там поэт, что вы... Так... под настроение, наверное, само в голову пришло...

— Ну так прочитайте, — попросил незнакомец.

Есликовский конфузливо замялся:

— Да ну... Я сейчас, наверное, уже и не вспомню.

— Да ладно вам, не стесняйтесь, прочитайте.

— Ну давайте, попробую, — и Игорь Михайлович, наморщив лоб и не глядя на собеседника, сбивчиво прочёл:

Мир в природе и покой.

Не хочу идти домой,

А хочу остаться тут.

Облака пускай плывут

В синем небе надо мной.

Здесь всегда царит покой.

Вот бы людям так же жить

И с природою дружить.

Окончив, он немного покраснел и смущенно засмеялся:

— Ну вот... Ерунда, конечно, но в голову пришло, я и...

Мужчина сдержанно улыбнулся:

— Ну да, с точки зрения поэзии, это, конечно, стихами назвать нельзя. Так... рифмованные слова, не более.

Есликовский, естественно, не претендовал на высокую оценку своих виршей, но такая прямота незнакомца всё же

немного его задела — мог бы хотя бы из вежливости сказать что-нибудь ободряющее. Он покраснел ещё сильнее и повел плечами:

— Ну так я ведь сразу сказал, что это так... не стихи, а... баловство. Пять минут назад в голову пришло и всё...

— Да ладно, не смущайтесь, для первого раза пойдёт. — Мужчина пристально посмотрел на Есликовского. — Скажите, а сколько вам лет?

— Мне? — переспросил тот. — Пятьдесят девять, а что?

— Работаете?

— Нет, я же сказал: два года как на пенсии. У меня стаж...

— В «органах» трудились?

— Почему в «органах»? Нет. У меня педагогический.

— А-а... — протянул незнакомец, по прежнему глядя на Игоря Михайловича.

— А вам? — испытывая некое недовольство от подобных вопросов, в свою очередь спросил Есликовский.

— Что — мне?

— А вам сколько лет?

— Да какая разница... — Мужчина энергично потер ладони друг о друга и, расправив плечи, посмотрел по сторонам.

— А почему вы спросили меня о моем возрасте?

Мужчина криво усмехнулся:

— Почему спросил? Да вот вы стишок своей прочитали...

Мир там у вас в природе, покой...

— Ну и что? — Есликовский снова почувствовал, что краснеет.

— Вы действительно так думаете и так хотите?

— Что именно?

— Да чтоб у людей всё было как в природе? Что там мир царит и покой? У вас это в вашем стихотворении прозвучало. Как это... «Вот бы людям так же жить...», так, кажется, вы сказали?

Игорь Михайлович неопределенно пожал плечами:

— Ну... а почему бы и нет? Ведь действительно в природе всё довольно красиво и весьма гармонично. Разве не так?

— Ну да, красиво, с этим я спорить не буду. И гармонично, с этим тоже не поспоришь. — Незнакомец

на секунду умолк и, вдруг, прямо и серьезно посмотрев Есликовскому в глаза, сказал: — Только тогда будет вполне нормальным, если прямо здесь и сейчас я... убью вас и заберу ваш кошелек, телефон, ну и что там ещё ценного найдется в ваших карманах.

Игорь Михайлович открыл от изумления рот и непонимающе уставился на мужчину. Сначала у него мелькнула мысль, что он ослышался, потом он подумал, что его собеседник, вероятно, не очень удачно пошутил, но тот смотрел на него по-прежнему прямо и серьезно, а в его глазах не было ни малейшего намека на шутку. Напротив, взгляд его серых глаз был решителен и холоден.

— Ну так что? — тихо спросил незнакомец растерявшегося Есликовского и повел из стороны в сторону широкой челюстью.

— Что — что? — промямлил тот, судорожно взглотив и слегка поежившись.

— Я сейчас вас убью, вот и всё. — Мужчина повернулся всем телом к Игорю Михайловичу и, словно бы разминая шею, потянул голову влево, вправо.

— Позвольте, но как это?.. — Игорь Михайлович машинально сделал шаг назад.

— Что — как? Вас интересует способ? Ну, допустим, у меня с собой нож, — незнакомец хлопнул себя по боку, — и я могу вас зарезать. Или задушить. Я ведь определенно сильнее вас и легко смогу это сделать. Или дать камнем по голове. Не знаю, я пока ещё не решил. Как говорится, что первым в голову придет.

— Но за что? — Есликовский нервно оглянулся по сторонам, однако вокруг было по-прежнему безлюдно. Сердце его учащенно забилося, он хотел отступить ещё на шаг, но зацепился ногой за ветку и чуть было не упал.

— Да ни за что. Я же сказал: заберу кошелек, телефон... Мне кажется, этого достаточно. Вы ведь сами хотели, чтоб у нас было как в природе.

— Но при чем тут это?! — Есликовскому стало вовсе не по себе. Грудь, голову словно бы обдало изнутри неприятным душливым жаром, и он почувствовал тошноту.

— Как причём? В природе подобное совершается постоянно, и вся эта гармония, — мужчина легонько махнул рукой в сторону, — которая так вам по душе, на этом вообще-то и основана. Другого способа саморегуляции и сохранения баланса природа пока не придумала. Там всегда кто-то кого-то ест, кто-то на кого-то охотится, кто-то кого-то убивает. Разве не так? Лиса с удовольствием полакомится зайчиком или мышкой, волк оленем, лев антилопой, цапля лягушкой и так далее. Вы что-нибудь про пищевые цепочки знаете? Или вот дятел... Слышите? — Незнакомец поднял палец. — Зачем он, по-вашему, стучит? Думаете, чтобы вам веселее было? Нет, он ищет какого-нибудь жучка или личинку, а найдя, без промедления съест её, либо, выражаясь простым языком, — убьёт. Ведь, как ни крути, а это убийство и есть, и для личинки это — конец! Всё! Это смерть, понимаете? Смерть. А она ведь, как и вы, тоже жить хочет. Вы же хотите жить?

— Простите, но... это же совсем другое,.. я имел в виду... И там же не убивают себе подобных из-за... — Игорь Михайлович нервно дернул плечами и на всякий случай, быстро глянув под ноги, отошел от незнакомца ещё на шаг.

— С чего вы взяли? Вы, уважаемый, плохо знаете предмет вашего обожания — природу. Вы что-нибудь слышали о том, как медведь одним ударом лапы убивает чужого медвежонка, дабы самому спариться с медведицей и оставить свое потомство? То же самое без промедления сделает и лев, и многие другие. А взять каннибализм? Самки волка, рыси, многих грызунов частенько поедают свой приплод, а у насекомых так это вообще направо и налево. И вы хотите, чтоб у людей было так же? Лично я — нет. А как вам птица мира голубь, которая запросто убьёт своего сородича безо всякой на то причины? Просто затюкает до смерти и всё: и ни самого потом не съест, ни голубку топтать не станет — ни-че-го! Просто заклюет, потому что он — сильнее. А взять обезьян... Шимпанзе, например, в борьбе за власть, за территорию или за самку довольно массово убивают друг друга. Вы этого не знали? Чем это будет принципиально отличаться от того, что я сейчас убью вас из-за денег?

Есликовский, часто заморгав под жестким взглядом незнакомца и поправив на носу очки, пробормотал, пытаясь привести хоть какой-нибудь довод:

— Но я же говорил не в этом смысле... Мы же, так сказать, разумные... Да и ценность человеческой жизни несравнима...

Мужчина откровенно засмеялся:

— Ну не смешите меня! Про ценность жизни спросите у лягушки, которую поймала себе на обед цапля. Интересно, что она вам по этому поводу скажет? Чья жизнь для неё будет ценнее — ваша или её, как вы думаете? Простите, но жизнь, она и есть жизнь. Хоть мыши, хоть слона, хоть жучка, хоть человека. И любая смерть — это смерть. Всё, конец! И для природы, которой вы так восхищаетесь, разницы нет, съела цапля лягушку или человек убил человека. Впрочем, второе, возможно, для неё даже лучше, поскольку слишком уж много нас тут развелось, да и вред этой природе современный человек наносит несравнимо больший, чем лягушка. Неужели вы будете с этим спорить? А давайте ещё представим на минутку, что сейчас некто смотрит со стороны на нашу планету и умиляется прямо как вы: ах, как красиво! ах, как гармонично! Вы видели фотографии Земли из космоса? Симпатично, не правда ли? Голубая планета. И людей оттуда совсем не видно, и всё так мило, уютненько кажется. Как вы считаете, заметит этот некто вашу смерть? Навряд ли, — незнакомец иронически скривил губы, — ведь это будет такая мелочь в космических масштабах... Так что — извините. — С этими словами он расстегнул куртку, сунул руку за пазуху и шагнул к Есликовскому.

Игоря Михайловича охватил ужас, он кинулся на непослушных, ставших вдруг ватными, ногах за беседку, откуда негромко воскликнул:

— Помогите!

— Ну-ну... Зачем же так? — Незнакомец, продолжая держать руку за пазухой, мягкой, неслышной походкой двинулся за ним. — Сами же говорили, место тут глухое...

Есликовский испуганно втянул голову в плечи и, продолжая отступать, выставил перед собой руки.

— Что вы делаете? Пожалуйста, заберите кошелек так! Зачем же убивать меня?!

— Зачем? — Мужчина вдруг остановился, резким движением застегнул куртку и сунул руки в карманы. — Да не собираюсь я вас убивать, и не собирался. Понятно? Сдался мне ваш кошелек... Терпеть просто не могу таких вот сентиментальных соплей! — жестко сказал он. — Слушать противно про мир и покой, царящий у вас там в природе. Напялят на себя розовые очки... Вы разберитесь сперва, что к чему, а потом уж и говорите. Всего хорошего. — И незнакомец, повернувшись, широко зашагал прочь.

Игорь Михайлович, продолжая держать руки выставленными перед собой, тяжело дышал и смотрел ему вслед. Когда мужчина скрылся в кустах, Есликовский облизнул пересохшие губы, медленно вошел в беседку и тяжело опустился на замшелую лавочку. Посидев минут пять и немного придя в себя, он тряхнул головой, словно скидывая некое наваждение, поднялся и быстро, не глядя по сторонам, пошел домой.

А где-то за его спиной, что-то ища в сухом дереве, продолжал стучать дятел.

Семнадцать дел

Напротив ворот женского монастыря, скрипнув подвеской, остановился грязный серый УАЗик с синей полосой на бортах. В жёлтом свете фар, высветивших закрытую калитку, мельтешили капельки занудливого осеннего дождя. С переднего пассажирского сиденья из машины вышел высокий крепкий мужчина в штатском. Поглубже натянув кепку, он поднял воротник куртки, открыл заднюю правую дверцу и произнёс:

— Выходите, не бойтесь.

На дорогу, внимательно глядя себе под ноги, осторожно вышла женщина средних лет и сразу же раскрыла над головой зонт. За ней из УАЗика выбрался ещё один мужчина, в форме полицейского с капитанскими погонами на плечах.

Тот, что был в штатском, стараясь не наткнуться на спицы зонта, чуть склонил к женщине голову:

— Значит, делаем, как договорились. Сейчас вы посмотрите на мужчин, которых мы вам предъявим, и, если среди них будет тот, кто выхватил у вас сумочку, вы нам на него укажете. Пока без протокола. Вы же запомнили того? Главное — не бойтесь. Хорошо?

Женщина кивнула:

— Хорошо.

Капитан накинул на голову капюшон форменной куртки и с сомнением произнёс:

— Не знаю, Михалыч, мне кажется, зря мы сюда приехали.

— Зря, не зря, но проверить надо. Да и надо же вообще с чего-то начинать. Вот с этих гавриков и начнём. Мало ли... Давай стучи.

Полицейский в форме подошёл к калитке и затарабанил по ней кулаком. Вскоре дверь отворилась.

— Чего надо? — хмуро спросил всклокоченный бородатый старик, служивший при монастыре сторожем. Увидев перед собой представителя закона, отступил в сторону. — А-а... милиция пожаловала...

— Игуменью зови, — приказал старику капитан. — Скажи, дело есть. Да только — эй! слышь! — напрямик к ней, и больше никому ни слова, что мы приехали! Понял?

— Понял, понял... — пробормотал сторож и, повернувшись, исчез в темноте.

Через несколько минут из калитки вышла низенькая пожилая женщина, одетая с ног до головы в чёрное. Поверх монашеской рясы на ней был накинут целлофановый дождевик.

— Здравствуйте, матушка, — вышел на первый план полицейский в штатском. По всей видимости, он был у приехавших за старшего. — Нам бы ваших постояльцев посмотреть. Не возражаете?

— Доброго здоровья, — произнесла монахиня и чуть заметно поклонилась одной головой. — А ежели возражаю, так уедете?

Полицейский сдержано засмеялся.

— Ну... вы ж не возражаете?

— А чего стряслось?

— Да тут вот... — Мужчина переступил с ноги на ногу. — У женщины одной сумочку из рук вырвали. Вдруг, кто из ваших, мало ли...

— Ну что ж, смотрите. Если кто из наших, прятать не будем. Вам сюда их позвать или сами пройдёте?

— Лучше сюда.

Игуменья повернулась к старику-сторожу:

— Николай, сходи, позови всех сюда.

— Подождите, — остановил старика полицейский. — С вами наш сотрудник пойдёт. На всякий случай. Чтоб никто там по дороге случайно не потерялся. — Он посмотрел на того, который был в форме. — Юра, сходи с ним. Сюда всех приведёте, но пусть стоят за воротами, и ты там за ними приглядывай. А сюда, на улицу, по одному потом пусть выходят. По очереди. А то толпой всех смотреть толку меньше будет.

Кивнув, капитан ушёл вместе со сторожем, игуменья осталась у калитки, а полицейский в штатском, закурив, вернулся к УАЗику.

— Скажите, — женщина, приехавшая с полицией, поёжилась и почти совсем опустила себе на голову зонт, закрываясь им от ветра, — а что тут мужчины делают? Здесь ведь женский монастырь.

— Что делают? — переспросил полицейский, затягиваясь сигаретой. — Живут, вот и всё. Под тип как приبلудные. Вроде как деваться им больше некуда. Бомжи всякие, уголовники бывшие, пьяницы... А эти, — он мотнул головой в сторону игуменьи, — их не гонят. Подкармливают, одежду кое-какую дают, которую обычные прихожане в церковь монастырскую приносят. Ну и те, конечно, не просто живут, а работают. Тут же бабки одни. Монахини-то. Старенькие, сами не могут тяжёлую работу делать. Вот. А эти им, значит, снег зимой чистят, землю под огород копают, ремонтируют чего-нибудь, когда надо, тяжести таскают. В общем, всё, что для монастыря нужно. Живут они, понятное дело, отдельно. Там у них домик свой есть, на отшибе, за заборчиком. Получается, вроде бы как при монастыре, но в то же время сами по себе.

— Понятно, — кивнула женщина. — И вы думаете, кто-то из них мог пойти на это? Я имею в виду кражу.

— Ну а почему бы и нет? Контингент ещё тот, поэтому проверить надо. Пару раз мы у них тут беглых находили, с колонии-поселения убегали.

— А сколько их тут?

— Да по-разному, когда как. Летом меньше, зимой больше. Бывает, что человек пять, а иной раз и двадцать пять наберётся.

Через пару-тройку минут с той стороны ворот послышался разнобой мужских голосов. Кто-то кому-то что-то выговаривал, кто-то ругался, но громче всех был слышен голос капитана, требовавший тишины и порядка.

Полицейский в штатском вошёл во двор, что-то сказал там, потом вернулся к потерпевшей.

— Ну всё, давайте начнём. Только внимательней, пожалуйста. Не торопитесь, не волнуйтесь, они вас не видят, так что... Юра, давай! — крикнул он.

И из калитки по одному стали выходить «постояльцы» женского монастыря. Один, второй, третий... Потерпевшая внимательно смотрела на каждого, но всякий раз отрицательно мотала головой.

Морозящий дождь не унимался, а плотно укрытое облаками небо делало осеннюю черноту непроглядной и мрачной.

Седьмой, восьмой, девятый... Возраст у многих было трудно определить. Заросшие, бородатые, просто небритые, худые, с одутловатыми лицами, у многих тюремные татуировки на руках, одеты кто во что горазд. С хмурыми, но чаще просто безразличными лицами, они один за другим выходили за ворота монастыря, послушно вставали в свет фар и ждали дальнейшей команды.

Но женщина каждый раз говорила: «Нет, не он». Полицейский в штатском снова просил её не торопиться, смотреть внимательней, но та лишь мотала головой: «Нет, не этот».

Одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый... Пока они выходили, монахиня, ни на кого не глядя, стояла в стороне и молча перебирала чётки. Шестнадцатый, семнадцатый. За семнадцатым из ворот вышел капитан.

— Ну всё, больше нету.

Тот, что был в штатском, ещё раз посмотрел на потерпевшую:

— Точно нет среди них вашего? Вы уверены?

— Нет, нету. Уверена, — кивнула женщина. — Тот моложе был и одет лучше.

— Ну что ж. Отрицательный результат — тоже результат. Садитесь в машину, сейчас обратно поедем.

Женщина с капитаном забрались на заднее сиденье, а тот, что был за старшего, подошёл к игуменье.

— Ну всё, матушка. Спасибо вам. Извините, что потревожили так поздно, но, сами понимаете, — служба. Дело расследуем, так что... Надо всё проверить.

Монахиня чуть заметно улыбнулась и кивнула:

— Я понимаю.

Полицейский собрался уже было уходить, но вдруг снова повернулся к игуменье:

— Матушка, вопрос можно? Ну, а всё-таки, зачем вы их всех тут у себя привечаете? Я ж знаю, они тут у вас и пьют, и дерутся, и всякое бывает. Вас-то, понятное дело, не трогают, но контингент-то ведь ещё тот, — повторил он слова, ранее сказанные потерпевшей. — Ну держали бы двух-трёх как работников и всё. А то вон сколько мы их насчитали — семнадцать человек! Зачем столько?

Монахиня задумчиво пожала худыми плечами и глянула снизу-вверх на полицейского:

— Не знаю. Может, затем, чтоб у тебя, милоч, на семнадцать дел меньше было?

Портрет

По главной набережной южного курортного города шёл мужчина. Вернее, он даже не шёл, а неспешно вышагивал по шербатой брусчатке. Звали мужчину Пётр Семёнович Дорошенко, и было ему пятьдесят семь лет.

Буквально два часа назад Пётр Семёнович заселился в один из недалеко расположенных отсюда санаториев, прилетев утренним рейсом из далёкого сибирского города. Совершив первым делом обязательный в таких случаях визит к врачу, вторым делом он поторопился сюда.

Полуденное черноморское солнце жарило не на шутку, но мужчину это не пугало, а даже радовало: там, откуда он прилетел, лето выдалось прохладным, и он соскучился по теплу.

Раздувая ноздри, Дорошенко с удовольствием вдыхал подзабытый запах солёного морского воздуха. На голове у него красовалась купленная пять минут назад яхтсменка с золотым якорем на лбу, торс прикрывала яркая гавайская рубашка, а на ногах, обутых в сандалии, были длинные, ниже колен, парусиновые бриджи.

Пётр Семёнович пребывал в прекрасном расположении духа. По левую руку от него с тихим ласковым шёпотом накатывали на пляж морские волны, по правую тянулся нескончаемый ряд сувенирных магазинчиков вперемешку с разномастными заведениями общепита. Поглядывая на своё отражение в витринах, Дорошенко втягивал живот, распрямлял плечи и спину и довольный собой брёл дальше, заложив руки за спину.

Глаза Петра Семёновича были скрыты тёмными очками, что позволяло ему без опаски и никого не стесняясь разглядывать прекрасную половину посетителей пляжа, лежащую прямо на гальке, на топчанах, или весело плескавшуюся у кромки воды. Зрелище его радовало.

Но больше всего в этот чудный июльский день его радовало то, что был он здесь один. Не в том смысле, что на всей набережной кроме него больше никого не было, а в том, что прилетел сюда он один.

Чета Дорошенко всегда отдыхала вместе в одном и том же санатории практически каждый год. И на этот раз они с супругой заранее, ещё за полгода, оформили путёвку на двоих, но в последний момент жену, занимавшую ответственную должность в одном государственном учреждении, в отпуск не отпустили: случился административный форс-мажор и пришлось ей свои планы на отдых менять. Однако Пётр Семёнович свои планы менять отказался. Вернее, даже не он сам отказался, а ему на работе отказали в переносе отпуска, на чём настаивала супруга.

— Муся, ну что я могу поделать? — огорченно разводил руками Дорошенко-муж.

Свою жену Марию, он обычно называл по-простому Машей или Марусей, а иногда, когда нужно было выказать особое расположение или лояльность, сокращал до Муси.

Муся повздыхала-повздыхала, но, в конце концов, разрешила мужу лететь на курорт одному. Дело в том, что при позднем аннулировании путёвки терялась изрядная сумма денег, и если потерю одной путёвки ещё можно было пережить (да и деваться было попросту некуда), то терять две было жалко, тем более что муж был ни в чём не виноват.

Провожая мужа на юг, супруга дала Петру Семёновичу строжайший наказ, как себя вести. Если коротко, то он выражался в простых словах: «ниже травы, тише воды». Муж согласно кивал, внимая Мусе, но душа его в эти секунды ликовала. Там гремели литавры, трубили трубы, взлетали салюты и сверкали фейерверки.

Дело в том, что постоянный совместный отдых с женой Петру Семёновичу изрядно поднадоел. Положа руку на сердце, хотелось отдохнуть и от неё. Редкие выезды на рыбалку с друзьями на день-два были не в счет, хотелось чего-то более значительного. И вот судьба преподнесла ему настоящий подарок, дав возможность провести две недели на черноморском побережье без своей второй половины.

В самолете Дорошенко игриво улыбался стюардессам и, сидя в тесном и неудобном кресле и закрыв глаза, предавался мечтам. Его фантазия рисовала заманчивые картины посещения прибрежных ресторанов, изящных флиртов с постоялицами санатория, ночных гуляний по морскому побережью в компании какой-нибудь молодой и симпатичной представительницы прекрасного пола, и много чего ещё того же порядка. И при виде этих картин на его устах появлялась безмятежная улыбка.

Сейчас, пользуясь тонированной защитой на глазах, Пётр Семёнович брёл по набережной и без стеснения рассматривал загорелых красавиц разных возрастов, коих вокруг было превеликое множество. Временами он ощущал себя настоящим охотником, этаким хищником, высматривающим добычу, и ему уже не терпелось вступить с кем-нибудь в контакт. Чайки ободряюще махали ему крыльями, пальмы приветливо покачивали огромными листьями, а солнце подмигивало с ясного безоблачного неба.

Время подошло к обеду, но в свой первый отпускной день Дорошенко решил пожертвовать санаторной едой. Он присмотрел небольшой уютный ресторанчик, находящийся прямо на выступающем в море пирсе. Когда он вошёл внутрь, бармен, стоявший за стойкой, приветливо кивнул ему:

— Присаживайтесь, официантка сейчас подойдёт.

Пётр Семёнович кивнул в ответ и осмотрелся. Посетителей почти не было: в дальнем углу сидела пара да за столиком у стального поручня, ограждающего пирс, пила через трубочку молочный коктейль девушка в соломенной широкополой шляпе. Она-то и привлекла его внимание.

— Вы позволите? — широко улыбнулся Дорошенко, подходя к столику и отодвигая стул.

Девушка глянула по сторонам, свободных мест было предостаточно, поэтому она подняла удивлённые глаза на Петра Семёновича и, пожав плечиками, сказала:

— Пожалуйста... Я уже ухожу.

Дорошенко растерялся:

— Нет, нет... Вы не так меня поняли... Я не хотел вас прогонять, — он растянул улыбку ещё шире.

— Да ничего, всё нормально... — девушка вежливо и коротко улыбнулась в ответ, встала и, забрав сумочку, быстро удалилась.

Чуть сконфузившись, Пётр Семёнович подумал: «Однако поесть-то всё же надо» и сел за опустевший столик. Подошедшая официантка подала ему меню и унесла оставшуюся после девушки посуду. «Ёлки зеленые!» — увидев цены, Дорошенко широко раскрыл глаза. У него тут же возникло желание встать и уйти прочь в поисках какой-нибудь недорогой столовки, но он взял себя в руки: «Э-эх! Один раз живём! В кои-то веки без Машки отдохнуть вырвался, так чего я мелочиться буду...» Широким жестом он подозвал официантку и заказал порцию барабули, спагетти (в меню было написано — паста) с морепродуктами и большой бокал красного полусладкого; хлеб подавался бесплатно.

В ожидании заказа Дорошенко обозревал пляж, вальяжно раскинувшись на ажурном металлическом стуле. Легкий морской ветерок приятно задувал со всех сторон, освежая успевшего вспотеть Петра Семёновича. Сняв яхтсменку, он положил её на столик, подумав о своей голове: «Пусть дышит». В дышащей голове бродили приятные, бодрящие мысли о двух неделях отдыха, которые только-только начинались.

Увы, но обед, которым он хотел отпраздновать начало своего отпуска, не оправдал его ожиданий. Барабуля была пресной, недосоленной и слишком костистой. Покопавшись в ней вилкой, Дорошенко принялся за блюдо с морепродуктами, но мидии вызвали у него отвращение одним своим видом, и он, брезгливо отодвинув их в сторону, съел только креветки. А спагетти оказались «альденте», что ему тоже не пришлось по вкусу. В довершение всего, красное вино оказалось не полу-, а приторно-сладким. Сделав недовольную мину, но промолчав, Дорошенко, дабы не оставлять чаевых, расплатился за обед карточкой.

Однако он решил, что, несмотря ни на что, не позволит «этой забегаловке» испортить себе настроение. Надев яхтсменку, он энергично поднялся со стула и вдруг, ойкнув, схватился за поясницу, которую внезапно пронзила резкая боль. «Ах ты ж, ёлки зеленые! Этого ещё не хватало...» — Пётр Семёнович поморщился и, немного согнувшись, аккуратно

пошёл прочь. В последнее время у него стабильно раз в полгода обострялся поясничный хондроз. Но если дома это было, как говорится, ещё туда-сюда, можно было отлежаться, взяв больничный, то сейчас это было явно не вовремя и не к месту.

Снова выйдя на набережную, Дорошенко облокотился на парапет, чтобы немного отдышаться. Какое-то время постоял так и стал аккуратно разгибать спину. «Ничего, ничего... Сейчас разомнусь, и всё нормально будет, — успокаивал он себя. — Ничего...» Когда боль в пояснице немного утихла, он снова расправил плечи, втянул, как мог, живот, и зашагал дальше. Спина продолжала неприятно ныть, не позволяла идти легко и расслабленно, но Пётр Семёнович надеялся, что «понемного расходится».

Впереди, возле одного из ларьков с брелоками, разрисованными ракушками и магнитиками стоял прислоненный к стене большой лист ДВП. К нему были приколоты кнопками листики бумаги с нарисованными на них мужскими, женскими и детскими портретами. Тут же был установлен мольберт, возле которого топтался бородатый лохматый мужчина в берете, напротив стояло пластиковое кресло, в котором, положив ногу на ногу, сидела симпатичная девушка. Мужчина то отшагивал назад от мольберта, то подходил к нему ближе, делая большим толстым карандашом штрихи и бросая взгляд на сидящую девушку. «Художник», — догадался Дорошенко, подходя ближе.

Сначала он посмотрел на портреты, выставленные в качестве примеров. Они ему понравились, в них явно чувствовалась рука талантливого мастера. Некоторые рисунки были чёрно-белыми, а некоторые выполнены в цвете, но и те, и другие были хороши.

— Сколько берёте? — спросил Пётр Семёнович.

Художник мельком глянул на него и назвал цены — за чёрно-белый и цветной рисунок соответственно. Дорошенко отошёл в сторонку, наблюдая за тем, как работает мужчина. Потом зашёл за его спину и заглянул в мольберт. Сходство между рисунком и сидящей в кресле девушкой было поразительным. Петру Семёновичу даже показалось, что рисунок был лучше оригинала. Это его впечатлило. «А не сделать ли и мне себе портрет? — задумался он. —

На память, так сказать... А что? Цены вроде нормальные, могу себе позволить». К тому же у него неприятно ныла поясница, и он давно уже присматривал где бы сесть посидеть, отдохнуть немного.

Дорошенко повертел головой по сторонам — люди рядом стояли, но было похоже, что они просто глазели, а не ждали своей очереди.

— А меня нарисуете? — снова обратился он к художнику.

Тот спокойно пожал плечами:

— Почему бы и нет? Если вы желаете, то пожалуйста. Сейчас вот девушку закончу — пару минут буквально — и возьмусь за вас...

Когда Пётр Семёнович занял кресло, художник поинтересовался:

— Вам как — в цвете, чёрно-белый?

— Давайте цветной, чего уж... — махнул тот рукой, откидываясь на спинку.

— Хорошо. Шапочку с очками снимете или так рисовать?

Подумав, Дорошенко снял очки, яхтсменку и положил их на колено.

— Давайте без них, а то какой это портрет будет... Кстати, долго это всё у вас?

— Минут двадцать, двадцать пять... Черно-белый побыстрее, цветной подольше.

И художник принялся за работу. Пётр Семёнович оказался в центре внимания. Проходящие мимо люди останавливались, заглядывали в мольберт, сравнивали с моделью, одобрительно кивали и шли дальше.

Минут через пятнадцать подошли две молодые, лет по двадцать пять, девушки. Этакие сексапильные куколки: длинноногие, загорелые красотки в коротких джинсовых шортиках и облегающих топиках, одна брюнетка, вторая — светленькая.

— Голову не поворачиваем, — сделал Петру Семёновичу замечание художник, когда тот, залюбовавшись девушками, невольно повернул голову в их сторону.

Брюнетка подошла к художнику и заглянула в мольберт, потом перевела взгляд на Дорошенко.

— Ну как? — с обворожительной, как ему казалось, улыбкой спросил тот. — Похоже?

Девушка заулыбалась и закивала:

— Супер! Вообще здорово, прям один в один. — И она показала большой палец.

Пётр Семёнович довольно крякнул и приосанился. Через пару минут художник отложил карандаши в сторону и сказал:

— Готово!

Дорошенко встал и тут же снова почувствовал довольно сильную боль в пояснице; от сидения в кресле она, казалось, стала ещё злее. Чуть поморщившись, он распрямился и снова покосился на девушек, которые по-прежнему стояли здесь же — не заметили ли они его неловкость... Художник снял лист с мольберта и повернул его к Петру Семёновичу.

Увидев нарисованное, тот обомлел... С белого листа на него смотрело усталое, обрюзгшее лицо с крупными возрастными морщинами на лбу, переносице и вокруг губ. Глаза с желтоватыми белками, имели потухший взгляд, а под ними красовались тяжелые серые мешки. Дорошенко казалось, что весь сеанс он бодро и мило улыбался, но уголки губ того, нарисованного Дорошенко, были опущены вниз, изображая кислую гримасу. А под первым подбородком свисал на шею второй, явно не красивший своего владельца.

«Господи, — подумал Дорошенко, — неужели это я?» Он, видевший себя в зеркале каждый божий день, уже и не обращал внимания на всё то, что заметила и так здорово отразила «рука талантливого мастера».

Нос у портретного Петра Семёновича имел отчетливый сливовый оттенок, на щеках алел нездоровый румянец, а на темени под редкими, зачесанными с бока волосами угадывалась довольно обширная плешь. «Лучше б в шапке и в очках рисовал... — подумал Дорошенко. — И лучше б черно-белый...»

Он, ещё на что-то надеясь, глянул на художника, — а вдруг тот сейчас возьмет, да и скажет, что он нарисовал «дружеский шарж». Но бородач быстро свернул портрет в трубочку, перетянул зеленой резиночкой и, отдав его модели, посмотрел на стоящих вокруг людей, приглашая занять освободившееся кресло.

Пётр Семёнович умоляюще глянул на девушек — может, они наконец-то перестанут улыбаться и решительно заявят, что получившаяся картинка совсем не похожа на оригинал, что художник в данном случае самым безобразным образом схалтурил, изобразил совсем не то, но красотки по-прежнему улыбались.

— Здорово получилось, — заверила его блондинка. — Прям, так похоже...

— Ага, — промямлил Пётр Семёнович и, достав деньги, передал оговоренную сумму художнику. — Спасибо...

— Пожалуйста. — Тот спрятал деньги в карман.

Дорошенко взял свернутую в трубочку «память» и засеменил в сторону санатория.

От беспрестанного шума прибоя и гортанного крика чаек у него разболелась голова. Сняв яхтсменку, Пётр Семёнович вытер ею мокрое от пота лицо и недовольно покосился на обилие обнажённых тел у кромки воды: «И какого чёрта они в такую жару тут вялятся? Делать больше нечего?» Стащив с носа надоевшие за день очки, он сунул их в нагрудный карман рубашки.

Часа через полтора, завидев издали корпуса своего санатория, он вдруг вспомнил жену. Вспомнил, как в прежние годы они вместе с ней прогуливались среди пальм и кипарисов по этим дорожкам, а на душе тогда было хорошо, покойно и несуетно. «Чего мне тут две недели делать-то одному? Я ж от скуки сдохну...» — поморщился Пётр Семёнович от тянущей боли в пояснице.

Вскоре, припадая на одну ногу и держась левой рукой за спину, он прибыл к месту. Поднявшись на второй этаж на лифте, Дорошенко вошёл в свой одноместный полулюкс, ещё с утра суливший ему такую массу удовольствий и возможностей, а сейчас показавшийся вдруг пустой одноместной камерой.

Небрежно бросив свой портрет на полку для обуви, он, кряхтя и морщась, лёг на кровать. Нащупав рукой в тумбочке обручальное кольцо, предварительно и с большим трудом снятое им перед выходом на променады, он снова надел его на безымянный палец. Тяжело вздохнув, Дорошенко вынул из кармана бриджей мобильник и набрал номер жены.

— Да? — в голосе супруги послышалось удивление и тревога. — Что случилось?

Дело в том, что звонок после прилёта он уже сделал, а время очередного сеанса связи было назначено на шесть вечера (дома в это время было уже десять часов, после чего жена ложилась спать).

— Муся, слушай... — голосом умирающего произнес Пётр Семёнович. — Может, опустят тебя всё же, а? Приезжай... А то я чё-то уже соскучился по тебе...

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАН

Последнее лето 1

РАССКАЗЫ

Зиночка 235

Мелкое хулиганство 258

Зачем стучит дятел 273

Семнадцать дел 283

Портрет 288

**Алексей Николаевич
ПОСЕЛЕНОВ**

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО
роман и рассказы

Подписано в печать 06.05.2024.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 250 экз. Заказ № 30296.

Отпечатано в типографии «Onebook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва».
e-mail: info@onebook.ru
www.onebook.ru